ЕЖЕГОДНИК

финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 2

Ижевск
2012

Редакционный совет:

В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркуский университет)
К. Салламаа (Финляндия, Оулуский университет)
С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 2

Ижевск
2012

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Г. В. Мерзлякова*, доктор исторических наук, профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук, доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д. И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 2 / Науч. ред. А. Е. Загребин; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 108 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

© Удмуртский государственный университет, 2012
© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ 6
Гребнева А. М. Диалектные наименования номинантов мордовских травянистых растений 6
Гаврилова В. Г. Химические и физические термины в учебниках, переведенных на марийский язык в 1934 году 13
Кириллова Л. Е. О некоторых закономерностях образования микротопонимов 20

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 26
Кузнецова Т. Л. Традиции В. Савина в коми прозе рубежа XX–XXI вв. 26
Камитова А. В. Повесть Лидии Нянькиной «Ау-ау! или зигзаги на Небосклоне»: о постмодернизме в удмуртской литературе 31

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ 42
Чагин Г. Н. Пограничные ситуации межэтнических взаимоотношений народов Среднего Урала в XIX – нач. XXI вв. 42
Иванова М. Г. Средневековые городища бассейна р. Чепцы: особенности топографии и планировочной структуры 48
Пислегин Н. В. Особенности развития народного образования Удмуртии в дореформенный период 57

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО 71
Ёлкин П. В. Из американского альбома... 71

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ 74
Рысин И. И. Эрозионно-обусловленные ландшафты Удмуртии как результат хозяйственной деятельности 74
Черных Е. М. Из истории формирования культурного ландшафта Удмуртского Прикамья 88
Кириллова А. В. Место рельефа в культурных ландшафтах Удмуртии 95

ОТЗЫВ 100
Атаманов М. Г. О диссертации Н. В. Кондратьевой «Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа)» 100

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81’282(=511.152)

А. М. Гребнева

ДИАЛЕКТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ НОМИНАНТОВ МОРДОВСКИХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ

Выявлены основные принципы номинации травянистых растений, представляющих наибольший интерес с точки зрения их номинации и диалектной синонимики.

Ключевые слова: мордовский язык, названия растений, принципы номинации фитонимов, диалектные фитонимы, синонимические названия.

Названия травянистых растений мордовских языков – органическая часть словарного состава. Их изучение в лексико-семантическом, этимологическом и словообразовательном аспектах позволяет говорить об источниках образования, помогающих установить главные тенденции их развития.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что диалектные названия номинантов относятся к лексике, наиболее быстро выходящей из употребления в эрзянских и мокшанских говорах.

К сожалению, в мордовском языкознании до настоящего времени не было уделено должного внимания фитонимам диалектного характера. Собрать их и научно описать – первостепенная задача исследователей. Кроме того, изучение лексики по лексико-тематическим группам представляет большой научный интерес в связи с подготовкой лексикографических работ в научных лингвистических центрах Республики Мордовия.

Все названия травянистых растений с точки зрения их употребления можно подразделить на две группы. Первая включает те названия, которые устойчивы на значительной части территории распространения эрзянских и мокшанских говоров и имеют небольшое число синонимов или не имеют их вовсе. Вторая группа, напротив, ограничена узкими рамками определенной территории и относительно мотивирована: вызывает в сознании носителей языка определенные ассоциации с другими реалиями окружающего мира.

Прежде всего, обратимся к лексемам, которые выступают в роли родового слова в тех случаях, когда название растения не известно носителям тех или иных говоров.

Э.л. *тикше*, м.л. *тише* «трава». Слово э.л. *тикше*, м.л. *тише* является обязательным компонентом в структуре многих номинантов: э.д. *kal'bulon' d'ikše* (б.мрс.) «дымянка аптечная» (букв.: «ивняка-трава»), *s'ukorkaj d'ikše* (дрк.) «просвирник» (букв.: «лепешка-трава»), *luga t'ikše* (трс.) «ежа сборная» (букв.: «луг-трава»), *kal'me t'ikše* (во многих говорах) «повилика европейская» (букв.: «клей-трава»); м.д. *t'užə pr'a t'iše* (т. птм.) «желтушник левкойный» (букв.: «желтая-голова-трава»), *врьгаз борка тише* [1] «люпин узколистный» (букв.: «волк-боб-трава») и др.

Рассматриваемая лексема относится к фонду финно-угорской лексики. Она имеет ряд соответствий: ф. *tähkä* «колос», мр. *тушка*, *тяшка*, *туска* «куст», «волосинки на бородавке», удм. *туш* «борода», к. *тош* «борода». В лингвистической литературе по финно-угроведению есть мнение, что в слове *тикше* сочетание согласных ***кш*** представляет метатезу ***шк*** ~ ***кш*** [8. С. 324]. Прамордовская форма фитонима – **täшкä* [6. С. 185].

Подобную функцию в мордовских языках выполняет и слово *цеця* «цветок (вообще)», заимствованное из русского языка [5. С. 206]. Оно активно включается в состав номинантов: э.л. *сэнь цеця* «василек» (букв.: «голубой-цветок»), э.л. *розь потмонь цеця* «живокость полевая» (букв.: «рожь-внутри-цветок»), э.д. *galan' c'ec'a* (лнг.) «ромашка аптечная» (букв.: «гуся-цветок»), *весэ c'ec'a* (дрк.) «водяная лилия» (букв.: «в воде-цветок»), *katka lopa t'vetka* (ич.) «герань» (букв.: «кошка-лист-цветок»), *tan't'ej c'ec'ka* (м.двд.) «душица» (букв.: «вкусный, приятный, сладкий-запах-цветок») и др.

Функции родового наименования выполняет и лексема *лопа* «лист», возможно, унаследованная из балтийских языков [6. С. 98]. В этой связи небезынтересно подчеркнуть, что в индоевропейских языках встречается несколько фонетических вариантов этого слова: **lep-*, **lop-*, **lap-* и выступают они с основным значением «лист» [2. С. 29].

Исходя из законов типичности семантических признаков, можно предположить, что в основе эрзянского слова *лапужа* «плоский» сохранен корень *лап-*, *-жа* – словообразовательный суффикс.

Номинанты, представляющие травянистые наименования в мордовских языках , образованные с помощью лексем э.л. *тикше*, м.л. *тише*, э.л. *цеця*, э.л., м.л. *лопа*, составляют довольно большое количество. Как правило, в них наглядно соотносятся ономасиологический базис и ономасиологический признак родового и видового компонентов. Значительной части наименований присущи явления ассоциации, они очень разнообразные. Помимо ассоциаций, в некоторых говорах наблюдаются индивидуальные употребления того или иного наименования. Так, вместо э.л. *чей*, м.л. *шей* / *шяй* «осока» в некоторых говорах функционируют такие варианты: э.д. *ёзнэнь кель тикше* [1] (букв.: «змеи-язык-трава»), м.д. *ker'az' t'iše* (клв., м.пшт.) (букв.: «режущая трава») и др.

Активно употребляется также целый ряд следующих номинантов.

Э.л. *пици палакс*, м.л. *пиди палакс* «жгучая крапива». Данный номинант в одних говорах функционирует в виде производного слова palaks, в других – с присоединением суффикса *-кс* как к первому компоненту, так и ко второму: *pic'i-ks pala-ks* (крж.). В единичных эрзянских говорах *крапива* обозначается

словами *pultiç'a t'ikše* (кбв.) (букв.: «обжигающая трава»), а в мокшанских – *ker'i t'išə* (м.мск.) (букв.: «режущая трава»). Производная основа *пала-* как самостоятельная лексическая единица в мордовских языках не встречается. Слова *палакс* и *пици палакс*, присоединяя к себе в качестве видового обозначения другое слово (чаще всего, существительное), становятся стержневым компонентом, а все сочетание – новым наименованием растений: э.д. *pur'gin'e palaks* (дрк.) «чертополох» (букв.: «гром-крапива»), *baban' balaks* (чкл.атш.) «пустырник» (букв.: «бабы-крапива»), *d'ikoj bic'e palaks* (дбн.) «пустырник» (букв.: «дикая-жгучая-крапива»), *ovton' pic'i palaks* (прд.) «дурман» (букв.: «медведя-жгучая-крапива»); м.д. *at'a palaks* (сзг.) «глухая крапива» (букв.: «старик-крапива»), *nogaj balaks* (н.пшн., н.смв.) «чертополох» (букв.: «ногаец-крапива»). Как производящая основа *пала-* выступает и в других семантических группах: э.л., м.л. *пало-мс* «гореть, сгореть», *пало-ма* «горение». Прослеживаются этимологические связи с другими финно-угорскими языками: ф. *pala-a* «гореть», эст. *pala-vus* «жара, зной», ф.-у. **pala-* [7].

Э.л. *урбуло*, м.л. *урбула* «хвощ». Данный номинант имеет диалектные варианты: э.д. *urun'bulo* (чкл.ич.), *uriɲ'bula* (шгр.), *uriɲbiɲla* (прм.), *urun'bula* (врм.), м.д. *urən'bula* (паев.), *jurbula* (к.снф., в.слщ.). Обращают на себя внимание наименования, опирающиеся на характеристику формы растения и образованные по семантической модели «внешний вид морфологической части» → «наименование»: э.л. *урбуло*, м.л. *урбула* (букв.: «белка-хвост»). В некоторых говорах названия образованы по семантическим моделям: а) «форма спороносных побегов растения» → «наименование»: э.д. *salmuks t'ikše* (дрк.) (букв.: «иголка-трава») – листья растения напоминают по форме иголку; б) «форма стебля» → «наименование»: э.д. *pestaj t'ikše* (дрк.) (букв.: «пест-трава»). Параллельное функционирование двух семантических моделей в одном и том же эрзянском говоре, вероятно, связано с тем, что хвощ, по мере его созревания, у носителей ассоциируется в начальной стадии – с формой песта, а в следующей – с тонкими иголками. Форма растения очень своеобразна, и ее сходство с пучком волос, хвостом белки отражено в обозначениях хвоща и в некоторых языках индоевропейской семьи: ст.-польск. *koncski ogon*, польск.д. *koci ogon*, *lisi ogon*; ст.-хорв. *opašica*; макед. *коњски опаш*; болг.д. *konska opaška*, *lisiča opaška*. Внутренняя форма фитонима прозрачна: молодой хвощ похож на пест. В русских говорах ростки хвоща называют *пестиками*, и здесь фитоним отличается многообразием словообразовательных вариантов: *пестики*, *пестье*, *пестовник*, *песток*, *пестуха*, *пестух*, *пестушняк*, *пестки*, *пестка*, *пестюшки*, *пестыши*, *пестиги*, *пестышки*, *пестушки*, *пестик*, *пестовик* [2. С. 116–117]. Подобные наименования имеются и в некоторых русских говорах на территории Республики Мордовия: пестряк, пестуш, пестушка, пестушник [3. С. 130].

Э.л. *урбуло*, м.л. *урбула* восходит к финно-пермской эпохе. Такие образования сохранились и в марийском – *урвоч* «хвощ полевой», коми языках – *урбӧж*, *урбӧж турун* «хвощ луговой», «хвощ лесной». В удмуртском языке растение обозначается составным словом *коньыбыж* «хвощ луговой» (< *коньы* «белка» + *быж* «хвост»). Возможно, что в домордовскую эпоху фитоним имел форму **ora ponče*.

Э.л. *кендял тикше*, м.л. *келда тише* «пижма обыкновенная» (букв.: «клоп-трава»). Включение в структуру номинанта слова э.л. *кендял*, м.л. *келда* «клоп» связано с особенностью пижмы: она отличается сильным неприятным запахом, иногда применяется как средство от клопов. Фитоним восходит к общемордовскому периоду, и он возник как гибридное образование, в котором первый компонент э.л. *кендял*, м.л. *келда* тюркского происхождения: чув. *ханкала* «клоп», тат. *кандала* «клоп» [4. С. 334–335; 6. С. 67].

Э.л. *каргонь кснав*, м.л. *каргонь куфтел* «мышиный горох» (букв.: «журавля-горох»). У слова есть диалектные корреспонденции: э.д.: *čejer'en' gznav* (дрк.) (букв.: «мышиный горох»), м.д. *paks'an' znav* (млс., скв.) (букв.: «полевой горох»), *šejer'en' guft'ol* (крн.) (букв.: «мышиный горох»), *d'ikaj guft'ol* (тмш.) «дикий горох». В фитонимах подобного рода особый интерес представляет своеобразное синонимическое явление – установление ложных семантических связей. Одним из древнейших следствий появления названий культурных растений была необходимость отличить их от сходных с ними дикорастущих. С лингвистической точки зрения, в мордовских языках (как и во многих других) это выражалось определенным образом: дикорастущие растения сохранили прежнее наименование, но с присоединением к нему эпитета, как правило, образованным от названия животных (как бы в доказательство, что это растение непригодно или малопригодно для человека). В качестве эпитета употребляются э.л. *карго*, м.л. *карга* «журавль», э.л. *чеерь*, м.л. *шеерь* «мышь» и др. Названия такого рода многочисленны и всегда построены на противопоставлении настоящий – ненастоящий.

Фитоним возник в общемордовский период. Компоненты э.л. *карго*, м.л. *карга*, э.л. *чеерь*, м.л. *шеерь* относятся к общефинно-угорскому фонду лексики: ф. *kurki* «журавль», эст. *kurg,* кр. *kurgi*, лив. *kurg*; ф. *hiiri* «мышь», к. *шыр*, удм. *шыр*. Сходные наименования с элементом *чеерь/шеерь* имеются и в других финно-угорских языках: к. *шыранькытш* (< *шыр* «мышь» + *анькытш* «горох»), мр. *каля пырса* (< *каля* «мышь» + *пырса* «горох») «мышиный горох».

Э.л. *чеерень карькс*, м.л. *шеерень карькс* «полевой вьюнок», (букв.: «мыши-бечевка»). Это название свойственно большинству мордовских диалектов. В отдельных эрзянских говорах зафиксирован вариант *jaguda lopa t'ikše* (б.мрс., рмз., рпк.) (букв.: «ягода-лист-трава»). Фитоним восходит к общемордовскому периоду. Оба его компонента относятся к исконному фонду слов, которые являются общефинно-угорскими словами. Компонент *керь*/*кярь* «кора», входящий в производящую основу слова *карькс*, как и первый, рассмотренный нами выше, имеет соответствия в родственных языках: ф. *kuori*, эст. *koor* «кора», мр. *кыр*, *кур* «лубок», удм. *кур*, к. *кор* «кожура, шелуха». Форма наименования этимологически прозрачна: им обозначается многолетний корнеотпрысковый сорняк, внешняя форма которого своеобразна и напоминает следы мышей.

Э.л. *чудожов*, м.л. *шудижув*, *шудижу* «осот». У него есть ряд диалектных вариантов: *šuždov* (дрк.), *šudožov* (кчш.), *žud'ižov* (дрк.тр.), *šudəžu* (млш.), *šud'išu* (м.мск.), *čužuduv* (отр.), *šužuduv* (блд.). Это наименование складывается из двух компонентов: *чудо- ~ шудо- ~ шуди- ~ чуды- ~* (< **чуди ~ шуди* «текущий») и *жув ~ жов ~ жу* (< * *чов ~ шов* «пена, накипь») (букв.: «текущая пена»). Конечный

гласный заднего образования в слове *чуди- ~ шуди-* вместо переднего обязан появлением гласному заднего образования первого слога: **чудий ~ шудий* < *чуди/шуди, чудо/шудо, шудо/шуду*. Фонетической основой звонкого *ж* вместо *ш* послужило первоначальное образование **чудий шов* > *чудий жов* > *чудожов*. Слово *чов ~ чоŋ/шов* имеет параллели в других финно-угорских языках, в частности в марийском*: шоŋ* «пена», *пура шоŋ* «пивная пена».

Э.л. *верьгизэнь пазава*, м.л. *вирявань руця*, *карёлкс* «папоротник» имеет ряд диалектных вариантов: э. д. *vir'avan' sur'c'amo* (дрк.), *k'epd'an t'ikše* (клс.), *kaval lopa* (б.мрс., шгр.), *saraz pr'a* (врм.) *k'in'al* (смк.), *kal' ər'g'e t'ikše* (прм.); м.д. *kar'olks t'iše* (ст.шл.), *kar'olgə* (шгв.), *vir'en' ruc'aš* (крг.). В них реализуются различные семантические модели. В некоторых случаях основой названия служит мифологический образ: э.л., м.л. *вирява* «богиня леса» – *v'ir'avan' ruc'a* (букв.: «платок-богини-леса») (для номинации была выбрана форма листа), *v'ir'avan' sur'c'amo* (букв. «гребень богини леса» (листья папоротника напоминают форму гребешка)). С мифологией также связано наименование э.л. *верьгизэнь пазава* (букв.: «волчья икона»). В названии э.д. *saraz pr'a* (букв.: «курица-голова») прослеживается семантический признак − «форма вершины листа растения». В представлении носителей говора внешний вид его напоминает клюв курицы.

В мокшанских говорах распространенным является название, базирующееся на слове *карь* «лапоть», к которому присоединяется слово *ал-* «основание», «низ»: м.д. *kar'olks t'iše* (т.е. «трава, служащая для подстилки под ноги в лаптях»). Как в мокшанских, так и в эрзянских говорах зафиксированы названия с первым компонентом *kavol* «ковыль»: э.д. *kavol lopa*, м.д. *kavol t'iše*, вероятно, в них произошел семантический перенос с русского названия ковыль». В названии *kal' ər'g'e t'ikše* букв. «ива-бусинка-трава» признак номинации – форма соцветия, похожая на бусинку (*эрьге* «бусинка»). Почти все наименования – двусловные, в некоторых говорах – трехэлементные.

Возникновение диалектных вариантов относится к общемордовскому периоду. В их состав входят слова как общефинно-угорского (*ава* «женщина», «мать», *верьгиз* «волк», *вирь* «лес», *карь* «лапоть», *пря* «голова», «вершина», «источник»), финно-волжского (*ал-* «низ», «основание»), так и собственно мордовского происхождения (*руця* э. «рубашка», м. «платок», *эрьге* «бусинка», *каль* э. «ива»).

Э.л. *одажа*, м.л. *од авань шама* «мать-и-мачеха». В мокшанском литературном языке и во многих эрзянских говорах это фитонимическое понятие обозначается трех-четырехкомпонентным номинантом: *од авань лопа*, *од авань чама лопа*. В некоторых эрзянских говорах используется двухкомпонентное образование – *одаža lopa* (отр., клм., б.мрс., мл., пнг.). В фитониме *одажа* интегрировались три компонента: *од* «молодая» + *ава* «женщина» + *чама* «лицо». Его формирование прошло следующие ступени: 1) *од авань чама*; 2) *од авань жама*; 3) *од аважама*; 4) *одаважа*; 5) *одажа*. Последняя ступень представлена сложным словом, которое образовано «законом взаимосцепляемости». Наглядно представлено участие морфонологических процессов, а в результате единого органического сплава переносного, образного значения с течением времени слово утратило свою особенность, созданного в результате лексикализации.

Как видим, значительное место в рассматриваемой лексико-тематической подгруппе занимает синонимика, возникшая вследствие выбора признака для мотивации и способов номинации одного и того же растения.

Наименования травянистых (не ягодных) растений хронологически относительно однородны: почти все они относятся к эпохе самостоятельного, обособленного развития мордовских языков. Обращает на себя внимание, что среди данных фитонимов мало иноязычных элементов.

СОКРАЩЕНИЯ

Названия диалектов (говоров): блд. – говор населенного пункта Болдасево Ичалковского р-на Республики Мордовия (РМ); **б.мрс.** – н.п. Большое Маресево Чамзинского р-на РМ; **врм**. – н.п. Вармазейка Большеигнатовского р-на РМ; **в.слщ.** – н.п. Вадовские Селищи Зубово-Полянского р-на РМ; **дбн.** – н.п. Дубёнки Дубенского р-на РМ; **дрк**. – н.п. Дюрки Атяшевского р-на РМ; **дрк.тр**. – н.п. Дракино Торбеевского р-на РМ; **ич**. – н.п. Ичалки Ичалковского р-на РМ; **клв**. – н.п. Клявлино Клявлинского р-на Самарской обл.; **кбв**. – н.п. Кабаево Дубёнского р-на РМ; **клм. –** н.п. Кульмино Чамзинского р-на РМ; **клс**. – н.п. Каласево Ардатовского р-на РМ; **крг.** – н.п. Каргалы Зубово-Полянского р-на РМ; **крж**. – н.п. Киржеманы Атяшевского р-на РМ; **крн**. – н.п. Корино Краснослободского р-на РМ; **к.снф**. – н.п. Копрнь-Саньф Зубово-Полянского р-на РМ; **кчш.** – н.п. Кечушево Ардатовского р-на РМ; **лнг**. – н.п. Луньга Ардатовского р-на РМ; **м.двд**. – н.п. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на РМ; **мл**. – н.п. Мокшалей Чамзинского р-на РМ; **млс**. – н.п. Мельсетьево Теньгушевского р-на РМ; **млш.** – н.п. Малышево Торбеевского р-на РМ; **м.мск**. – н.п. Мордовско-Маскинские Выселки Ельниковского р-на РМ; **м.пшт.** – н.п. Малые Мордовские Пошаты Ельниковского р-на РМ; **н.пшн**. – н.п. Новое Пшенево Ковылкинского р-на РМ; **н.смв.** – н.п. Новая Самаевка Ковылкинского р-на РМ; **отр**. – н.п. Отрадное Чамзинского р-на РМ; **паев**. – н.п. Паево Инсарского р-на РМ; **пнг.** – н.п. Пенгелей Чамзинского р-на РМ; **прд.** – н.п. Польское Ардашево Темниковского р-на РМ; **прм**. – н.п. Пермиси Большеберезниковского р-на РМ; **рмз**. – н.п. Ремезенки Чамзинского р-на РМ; **рпк**. – н.п. Репакуши Чамзинского р-на РМ; **сзг**. – н.п. Сузгарье Рузаевского р-на РМ; **скв**. – н.п. Сокаево Теньгушевского р-на РМ; **смк.** – н.п. Симкино Большеберезниковского р-на РМ; **ст.шл.** – н.п. Старые Шалы Старошайговского р-на РМ; **тмш**. – н.п. Темяшево Старошайговского р-на РМ; **т.птм**. – н.п. Тарханская Потьма Зубово-Полянского р-на РМ; **трс**. – н.п Тарасово Атяшевского р-на РМ; **чкл.атш.** – н.п. Чукалы-на-Вежне Атяшевского р-на РМ; **чкл.ич. –** н.п. Чукалы Ичалковского р-на РМ; **шгв.** – н.п. Старые Шайговы Старошайговского р-на РМ; **шгр.** – н.п. Шугурово Большеберезниковского р-на РМ.

Названия языков: в. – венгерский; **вп**. – вепсский; **к**. – коми; **кр**. – карельский; **лив.** – ливский; **м**. – мокшанский; **макед.** – македонский; **м.д**. – мокшанский диалектный; **м.л**. – мокшанский литературный; **мр**. – марийский; **ст.-польск.** – старопольский; **ст.-хорв.** – старохорватский; **тат.** – татарский; **удм**. – удмуртский; **ф**. – финский; **чув.** – чувашский; **э**. – эрзянский; **э.д**. – эрзянский диалектный; **э.л**. – эрзянский литературный; **эст**. – эстонский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Картотека словарная Мордовского университета филологического факультета.

2. *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной ботанической номенклатуре растений. М.: Наука, 1967.

3. Словарь русских народных говоров. Саранск: Изд-во «Мордовский ун-т», 1993. Т. 1.

4. *Феоктистов А. П.* Очерки истории формирования мордовских литературно-письменных языков. М.: Наука, 1976.

5. *Цыганкин Д. В., Мосин М. В.* Этимологиянь валкс (Этимологический словарь). Саранск, 1998.

6. Этимологиянь валкс. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1978.

7. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Vol. 1–7. Helsinki, 1981–1987.

8. *Uotila T. E.* Syrjanische Ghrostomatmthie den grammatkalischen Abriss und etymologishen Worerverscihnis. Helsinki, 1938.

Поступила в редакцию 14.05.2012

A. M. Grebneva

Dialectal denominations of nominees of Mordovia's grasses

Main principles of the grasses nomination have been revealed in the article. These grasses are of the greatest interest from the point of view of their nomination and dialectal synonymy.

Keywords: Mordovian language, names of plants, phytonyms nomination principles, dialectal phytonyms, synonymic names.

Гребнева Александра Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.
г. Саранск
E-mail: lengrebneva@rambler.ru

Grebneva Alexandra Mikhaylovna,
Candidate of Science (Philology), assistant professor,
Mordovia State University
Saransk
E-mail: lengrebneva@rambler.ru

УДК 811.511.131

В. Г. Гаврилова

ХИМИЧЕСКИЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В УЧЕБНИКАХ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК В 1934 ГОДУ

Рассматриваются особенности образования химических и физических терминов на марийском языке (лугово-восточное наречие) в учебниках, переведенных с русского языка (1934 г.).

Ключевые слова: марийский язык, химические и физические термины, способ образования.

В эпоху бурных общественных преобразований происходят стремительные процессы совершенствования лексики языка [5. С. 136]. В истории марийского языка таким периодом стали 30-е гг. XX в. В это время марийскими просветителями проводилась огромная работа по созданию терминологии с целью расширения функций родного языка. Созданная в 1931 г. при Учпедгизе группа редакторов занималась подготовкой учебников по всем школьным дисциплинам на марийском языке [1. С. 49].

Предметом изучения данной статьи являются термины, представленные в сохранившихся учебниках химии и физики на марийском языке (лугово-восточное наречие).

Учебник проф. В. Н. Верховского «Химий» для учащихся средней школы [3] состоит из 7 глав, насчитывает 135 стр. и содержит алфавитный указатель.

Большинство терминов заимствовано из русского языка без каких-либо изменений, например: *кислота, гидрат, ртуть, бром, йод, сэра, азот, фосфор, лакмус, раствор, сода* (14)*, *катализатор* (25), *сплав* (40), *полиморфизм* (61) и многие др.

В то же время автором книги предложены новые термины, созданные на основе внутренних ресурсов марийского языка, например: *ушныш* «соединение» (5), в этом же значении используется *ушнымаш* (17), *валэнтлык* «валентность», *палыктарышэ* «индикатор» (14), *окислышэ* «окислитель» (37), *орат* «размер» (49), *лончылыш* «состав» (50), *варыш* «сплав» (84), *варныш* «смесь» (85), *кодыш*

* Здесь и далее примеры приводятся лишь с указанием страницы исследуемых учебников, орфография которых полностью сохранена.

«остаток» (133). Эти новообразования не зафиксированы в словаре В. М. Васильева [2].

Для образования терминов в учебнике широко использован метод метафорического переноса значения, например: *ваштaлтымаш рэакций* «реакция обмена», *шинчалым пушо* «солеобразующий» (3), *шинчалым пудымо* «несолеобразующий» (3), *наста* «вещество» (3), *шагал чытышан окисел* «непрочный окисел» (7), *шопо рэакций* «кислая реакция» (15), *химий койыш* «химическое свойство» (24), *пучышо вишкыдэ* «испаряющаяся жидкость» (31), *пэшкыдэ наста* «твёрдое вещество» (32), *тыглай наста* «простое вещество» (40), *тыглай азот* «свободный азот» (89), *олмэштарымэ рэакций* «реакция замещения» (41), *талэ мэталоид* «активный металлоид» (46), *молэммаш* «видоизменение» (60), *шуйнылшо* «пластический» (61), *вий* «энергий» (115), *муш* «волокно» (84), *окис ковашtэ* «окисная плёнка» (97).

Некоторые термины переведены описательно, например: *тыҥгэ-туҥгэ тайнылдымэ шинчал* «нейтральная соль» (15), *парыш савырнышэ* «летучий» (17), *нэрым тугышо ӱпш* или *нэр пӱчшӧ ӱпш* «очень резкий запах» (45), *вашкэ шулышо* «плавкий» (45), *йӧршын ик гай* «однородный» (49), *шуко йыжыҥан* «сложный» (70), *кӱртньӧ шур* «огарки» (73), *шокшо ваштaлтышэ аппарат* «теплообменник» (74), *олтымо пого* «топливо» (117), *кукшын кошталташ* «возгонятся» (119), *илэ пого* «сырье» (126), *вэс элэмэнт-влак дэнэ ушнылшо* «связанный» (90).

Вместо глаголов, не имеющих в марийском языке прямых соответствий, предложены новообразования:

1) глаголы, образованные от русских основ при помощи суффикса ***-л*** марийского языка, например: *анализлаш* «анализировать» (57), *фильтрлаш* «фильтровать» (9), *окислаш* «окислять» (25), *отравлаш* «отравить» (30), *электролизлаш* «электролизовать» (34), *групплаш* «группировать» (47), *синтэзлаш* «синтезировать» (84);

2) глаголы, созданные путем замены показателя инфинитива русского языка на марийский ***-яш***, например: *адсорбироваяш* «адсорбировать» (32), *рэагироваяш* «реагировать» (34), *классифицироваяш* «классифицировать» (47);

3) глаголы со сложным суффиксом ***-аҥдаш***, например: *кристалаҥдаш* «кристаллизировать» (18), *окислаҥдаш* «окислять» (28), *хлораҥдаш* «хлорировать» (30), *вулканизаҥдаш* «вулканизировать» (61), *катализаҥдаш* «катализировать» (66).

Заимствованные имена прилагательные адаптированы несколькими способами:

1) окончание ***-ый*** русского языка заменено на марийское ***э***, например: *хлористэ* «хлористый», *хлорнэ* «хлорноватый», *сэрнэ* «серный», *азотнэ* «азотный», *азотистэ* «азотистый» (4 – 5), *мэтафосфорнэ* «метафосфорный» (8), *угольнэ (шӱч) кислота* «угольная кислота» (7), *муравинэ* «муравьиная» (8), *пористэ* «пористый» (33), *удельнэ* «удельный» (36), *гигроскопичнэ* «гигроскопичный» (38), *насыщэнэ* «насыщенный» (48), *аморфнэ* «аморфный» (57); в сложных именах прилагательных изменено окончание слова, например: *сернисто-водороднэ* «сернисто-водородный» (9), *хлорноватокислэ* «хлорноватокислый», *сэрно-кислэ* «серно-кислый» (11);

2) русские окончания заменены на гласную ***о***, например: *борно кислота* «борная кислота» (12), *сложно наста* «сложное вещество» (45), *обшо* «общий» (72), встречается также *обшэ* (100);

3) имена прилагательные на *-ский*, в переводе *-кий*, например: *органичес* «органический» (6), также встречаются формы *органичэскэ* (82) и *органический* (29);

4) использованы относительные имена прилагательные марийского языка, например: *хроман кислота* «хромовая кислота», *крэмнийан кислота* «кремниевая кислота» (8), *химийсэ* «химический» (20).

Имена существительные русского языка на ***-ия*** адаптированы различными способами:

1) слова на ***-ия*** переданы с конечным ***э***, например: *концэнтрацэ* «концентрация» (33), *сублимацэ* «сублимация» (42), *дэзинфэксэ* «дезинфекция» (43), *флотацэ* «флотация» (85);

2) в некоторых случаях ***-ия*** заменено на ***-ий***, например: *бактэрий* «бактерия» (31), *адсорбций* «адсорбция» (32), *диффузий* «диффузия» (49), *пропорций* «пропорция» (50), *кристаллографий* «кристаллография» (57);

3) в слове «порция» (50) вместо ***-ия*** *порцо* – гласная ***о***.

Заимствованные имена существительные с конечной гласной ***а*** представлены:

1) с гласной ***э***, например: т*аблицэ* «таблица» (13), *пробиркэ* «пробирка» (21), *газ атакэ* «газовая атака» (30), *массэ* «масса» (58), *клэтчаткэ* «клетчатка» (103);

2) с гласной ***о***, например: *колбо* «колба» (22), *катушко* «катушка» (94), *почво* «почва» (106);

3) без гласной, например: *кэрамик* «керамика» (23), *рэзин* «резина» (33), *платин* «платина» (66), *сэлитр* «селитра» (38), *групп* «группа» (47), *физик* «физика» (54), *систэм* «система» (57), *наук* «наука» (68), *аппаратур* (112), встречаются также формы *платинэ* «платина» (114), *систэмэ* «система» (72).

Конечная гласная ***о*** имен существительных в основном заменена на ***э***, например: *качэствэ* «качество» (61), *равэнствэ* «равенство» (102), *элэктричэствэ* «электричество, электрический» (34), но – *сходство* (37).

Конечные ***-тор*** и ***-сор*** русского языка преобразованы в ***-тыр*** и ***-сыр***, например: *индикатыр* «индикатор» (14), *катализатыр* «катализатор» (71), *вэнтильатыр* «вентилятор» (74), *компрэссыр* «компрессор» (111), но – *катализатор* (65), *конвэртор* «конвертор» (111).

Суффикс ***-ость*** либо оставлен в первоначальном виде, либо заменен на ***-ыс***, например: *активность* (33), *промышлэныс* «промышленность» (34).

Некоторые слова переработаны фонетически, например: *врэдичыл* «вредитель» (31), *коропка* «коробка» (33), *карасин* «керосин» (33), *воронга* «воронка» (34).

В учебнике представлены также диалектизмы, например: *йыгыртымэ* «разбавленный» (43).

В некоторых случаях заимствования использованы даже в тех случаях, когда марийский язык располагает прямым соответствием, например: *двух ромокислэ* (36) «двух ромокислый», *тэпловой* «тепловой» (84).

Учебник физики Г. И. Фалеева и А. В. Пёрышкина был предназначен учащимся 7 класса средней школы [6]. До настоящего времени сохранилась лишь его 3 часть во 2-ом издании.

В нем использованы различные способы перевода материала на марийский язык:

1) включение заимствований из русского языка без каких-либо изменений, например: *проводник* (10), *масса* (14), *прибор* (20), *потэнциал* (25), *катушка*

(27), *раствор*, *электрод* (28), *цилиндр* (30), *катод*, *анод* (31), *срэда* (113) и т. д.; большинство таких терминов соответствуют орфографическим правилам того времени, например: *сэрдэчник* «сердечник» (45), *мэтал* «металл» (30), *прийомник* «приёмник» (26), *польус* «полюс» (26) и др.;

2) согласно нормам марийского языка адаптированы конечные гласные, например:

– выпадение окончания **а**, например: *физик* «физика», *мэмбран* «мембрана» (77), хотя встречается также форма *мэмбранэ* (77);

– замена гласной ***а*** на ***е***, например: *обкладкэ* «обкладка» (21), *платинэ* «платина» (39), *лэйдэн банкэ* «банка Лейдена» (22), *линзэ* «линза» (143), *лампэ* «лампа» (59);

– замена гласной ***а*** на ***о***, например: *лупо* «лупа» (146), *точко* «точка» (12);

– в конечном ***-тор*** гласная ***о*** меняется на ***ы***, например: *аккумульатыр* «аккумулятор» (38), *кондэнсатыр* «конденсатор» (20), *гэнэратыр* «генератор» (26), *изольатыр* «изолятор» (20), *угыл* «угол» (126), *коллэктыр* «коллектор» (83);

3) имена прилагательные на ***-ский*** переданы двумя способами:

– без ***-кий***, например: *сфэричэс* «сферический» (143), *элэктричэс* «электрический» (29), *тэкничэс* «технический» (28), хотя встречаются также формы *тэхник* и *тэкник* (82);

– основной формой имени существительного, выступающего в роли определения, например: *оптик рӱдӧ* «оптический центр» (145), *фокус торат* «фокусное расстояние» (142), *элэктромагнит индукций* «электромагнитная индукция» (89), *мэханик вий* «механическая сила» (79);

4) окончание ***-ый*** имен прилагательных исходного языка заменено на гласную ***э***, например: *отрицатэльнэ, положитэльнэ зарӓд* «отрицательный, положительный заряд» (7), *нэйтральнэ* «нейтральный» (32), *индуктивнэ ток* «индуктивный ток» (89); наречия также передаются с конечной гласной **э**, например**:** *удэльнэ* «удельно» (48) *паралэльнэ* «параллельно» (68), *молэкульарнэ-кинэтикэ тэорий* «молекулярно-кинетическая теория» (56), *пэрпэндикулярнэ* «перпендикулярно» (81);

5) имена существительные на ***-ия***, ***-ие*** переведены тремя способами:

– окончанием ***э***, например: *диссоциацэ* «диссоциация» (33), *реакцэ* «реакция» (36), *напрӓжэньэ* «напряжение» (50), *элэктрофикацэ* «электрификация» (88);

– окончанием ***ы***, например: *польаризацы* «поляризация» (36);

– имена существительные женского рода получили окончание ***-ий***, например: *индукций* «индукция», *дисперсий* «дисперсия», *химий* «химия» и т. д.

Новые термины образованы:

1) путём метафорического переноса значения, например: *вончыктараш* «проводить» (12), *рӱдӧ* «ядро», *пыжыктымэ* «обкладка», *шӱдыр* «ось», *тодылалтмаш* «преломление» (25), *тэмдымэ* «давлений» (25), *вишкыдэ* «жидкость» (31), *йол* «луч» (111), *ӱмбал, тӧр* «плоскость» (122, 127), *кугыт* «мощность» (54) и др.;

2) калькированием, например: *пэлэколча* «полукольцо» (81), *пэлшар* «полушарие» (12) и др.;

3) способами суффиксации и словосложения, например: *торат* «расстояние» (8), *тутышток* «постоянный ток» (45), *тӱвак* «столбик» (60), *аралтыш*

«предохранитель» (88). На сегодня трудно определить, являются ли они новообразованиями, предложенными переводчиком: в словаре В. М. Васильева эти слова не зафиксированы [2]. Так, слово *шынаш* «экспериментировать» (в предложении *1831 ийыштэ йатыр шынэн* (89) «много экспериментировал в 1831 году») в словаре не зафиксировано, но представлено отглагольное имя существительное *шынымаш* «эксперимент».

Слово *элэктричэс* использовано в учебнике в значениях «электричество» и «электрический», что не противоречит нормам марийского языка. От этого слова образован глагол *элэктричэслалташ* «электризоваться» (6), встречается также причастная форма *элэктричэслымэ* от глагола *элэктричэслаш* «электризовать» (7). Глаголы образованы при помощи продуктивного суффикса ***-л***, но основа для образования неологизма не совсем подходящая. Удачными глагольными образованиями считаются *магнитаҥаш* «намагничиваться» (27), *магнитлаш* «намагничивать» (27).

Особый интерес представляет перевод имен существительных, обозначающих абстрактные понятия. Некоторые из них заимствованы из русского языка (как с фонетической обработкой, так и без нее), например: *напрäжэньэ* «напряжение» и *зависимость* (53). Некоторые абстрактные имена существительные образованы по словообразовательным моделям марийского языка, например: *тӧрлык* «ровность» (82), *вашкэлык* «скорость» (88). Встречается также описательный перевод, например: *ваш койыш* в значении «взаимодействие» (9). Переводчик обоснованно использует причастные формы в функции имен существительных вместо слов на ***-маш*** или ***-лык***, например: *проводникын кучымыжо* «сопротивление проводника» (48), *волгыдо шарлымэ* «распространение света» (112), *волгыдын тодылалтмыжэ* «преломление света» (135).

Из диалектизмов отметим, например: *кувыл* «пузырь» (31), *пӧлалтшэ* «разделённый» (20), *сагат* «час» (55) и др.

Наряду с марийскими терминами в качестве дублетов использованы русские, например: *обкладкэ – пыжыктымэ* «обкладка» (21), *рӱдӧ – йадра* «ядро» (14), *ползун – нушшо* «ползун» (49), *плоскость – ӱмбал – тӧр* «плоскость» (122, 117, 127), *куча – шундыш – шламмэ* «осадок» (40). Зачастую дублеты приведены в скобках, например: *токын кугышо* (*мощность*) «мощность тока» (54), *тарванымэ* (*кинэтикэ*) *вийыштым* «кинетическую силу» (56), *пӱтырмын* (*витокын*) *тӧрлыкшӧ* «ровность витка» (82), что оправдано некоторой недифференцированностью значений слов марийского языка [4. С. 18].

Некоторые термины использованы в нескольких значениях, например: *рӱдӧ «*ядро» (14) и *оптик рӱдӧ* «оптический центр» (145).

Учебник химии на марийский язык переведен Т. П. Петровым, учебник физики – С. Казанцевым. К сожалению, пока не удалось найти данные о них. Трудно сказать, входили ли эти переводчики в группу, созданную при Учпедгизе и возглавляемую Н. М. Орловым. Исследователь просветительского движения в марийском крае П. А. Апакаев не упоминает их имен ни в группе ученых, ни в группе школьных учителей-практиков. Объясняется это тем, что в общей сложности было создано 28 рабочих групп (около 100 человек), состоящих из ученых, учителей, журналистов и др. [1. С. 49].

В целом можно заключить, что способами и средствами образования терминов учебники химии и физики переведены в соответствии с нормами переводимого языка, несмотря на некоторую непоследовательность при образовании новых терминов и разную степень адаптации заимствований.

И хотя рассмотренные издания переведены разными людьми, отмечаются общие тенденции, наметившиеся в эпоху 1930-х гг.: стремление создать собственную терминологию, попытка в переводе опираться на внутренние ресурсы марийского языка, обогатив их заимствованиями из русского языка. Не все приемы и решения можно сегодня считать оправданными и правильными, но материал, изложенный на марийском языке, вполне понятен, не вызывает трудностей в усвоении, что свидетельствует о мастерстве переводчиков.

Издание учебников физики и химии на марийском языке было на тот момент значительным культурным событием, важным этапом в становлении марийской терминологии, поскольку функциональная сторона языка и расширение сфер его применения свидетельствует о развитии языка. К сожалению, работа, начатая С. Казанцевым и Т. П. Петровым, а также другими марийскими просветителями, была прервана и не получила дальнейшего развития. Терминология, предложенная ими, может на современном этапе стать источником пополнения и обогащения словарного состава марийского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Апакаев П. А.* Образование и просветительское движение в марийском крае (историко-педагогические очерки). Йошкар-Ола, 2002.

2. *Васильев В. М.* Марий мутер. Моско, 1928.

3. *Верховский В. Н.* Химий. Кокла школышто тунэммэ книга. II ужаш. Моско, 1934.

4. *Гаврилова В. Г.* Особенности образования химических терминов в марийском языке // Финно-угорский мир. 2011. №1 (7). С. 16–19.

5. *Исаев М. И.* К вопросу о понятии «развитие языка» // Теоретические проблемы социальной лингвистики. Москва, 1981. С. 131–140.

6. *Фальэйэв Г. И. ден Пэрышкин А. В.* Физик. Кокла школышто тунэммэ книга. 7 кл. III ужаш. Моско, 1934.

Поступила в редакцию 10.04.2012

V. G. Gavrilova

Chemistry and physics terms in textbooks, translated into Mari in 1934

The article deals with the features of formation of chemical and physical terms in Mari textbooks, translated from Russian in 1934.

Keywords: Mari, chemical and physical terms, formation.

Гаврилова Валентина Григорьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»
г. Йошкар-Ола
E-mail: valgavrilova@rambler.ru

Gavrilova Valentina Grigorievna,
Candidate of Science (Filology), assistant professor,
Mari State University
Joshkar-Ola
E-mail: valgavrilova@rambler.ru

УДК 81’373.21(=511.131)

Л. Е. Кириллова

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ МИКРОТОПОНИМОВ*

В статье рассматриваются закономерности употребления удмуртских апеллятивов, связанных с обозначением частей человеческого тела. Для обозначения таких географических реалий, как родник, озеро, пруд используются лексемы с семантикой ’глаз’, основную роль при этом играет форма географического объекта. Географические термины ’голова’ и ’нога’, потеряв первичную семантику, приобретают вторичное пространственное значение: ’изголовье; верхняя часть, начало чего-либо; местность над чем-либо; подножие чего-либо; место в конце чего-либо; местность в нижнем течении реки; место в низине или у реки’.

Ключевые слова: микротопонимия, апеллятив, удмуртский язык, географические термины, восходящие к лексемам ’глаз’, ’голова’ и ’нога’, топонимическая закономерность.

В последние десятилетия значительно возрос интерес к исследованию географических названий, поскольку в них отражаются история и характер заселения родного края, его рельеф, растительный и животный мир. Топонимы – это своеобразные памятники культуры и живые свидетели прошлого и настоящего, крайне важные для изучения духовного наследия этноса, что позволяет выявлять древние языковые факты, архаические пласты традиционной культуры.

Источниками для нашей работы послужили полевые материалы автора, собранные в разные годы в районах Удмуртской Республики, а также материалы из работ исследователей топонимии других регионов.

В микротопонимии довольно любопытен тот факт, что во многих языках для обозначения географической реалии ’родник, источник’ или ’небольшой округлый водный объект (озеро, пруд), имеющей четкие контуры’, употребляется понятие ’глаз’, напр. удм. *син* ~ *сим* ’глаз (родника)’, ср. также: к., кп., кя. *син*

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту № 12–П–6–1011 «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы исследования».

’глаз (земли, воды, ямы, болота)’ [12. С. 13; 1. С. 41]; кар. *šilmä*, *silmä*, ливв. *silmü*, ф. *silmä* ’глаз (родника)’ [10. С. 87–88], венг. *szem* ’глаз (моря)’ [14], хант. *сэм* ’глаз (земли)’, чув. *куç* ’глаз (воды)’; арм. *акн* ’источник; начало ручья; литов., латыш. *akis* ’незамерзающее место в болоте, реке, озере; прорубь, небольшое открытое пространство воды в заросшем озере или болоте; ключ, родник’; рус. *глаз* ’окно воды на болоте; место выхода мощного источника’; рус. *око* ’глубокое место в реке; маленькое горное озеро’ [11. С. 43, 143–144, 411]. Иногда в той же роли выступают производные этой лексемы, как, например, удм. *ошмэсс′ин* (*ошмэс* ’родник’, *с′ин* ’глаз’, букв. ’глаз родника’). Подобные примеры можно найти и в других языках, например: к. *мусин* ’окно на болоте, трясина’, ’родник, ключ’, ’открытая трясина на болоте’ (*му* ’земля’, *син* ’глаз’); *васин* ’ключ, бьющий на дне озера и реки’ (*ва* ’вода; река’, *с′ин* ’глаз’); *сылсин* ’полынья’, ’незамерзающее место на болоте’ (*сыл* < *сыв* ’талый’, *с′ин* ’глаз’) [9. С. 256; 12. С. 13]; *гöпсин* ’родник’ (*гöп* ’яма’, *син* ’глаз’) [2. С. 63]; *н′урс′ин* ’окно болота; не заросшее травой место в болоте, полное воды’ (*н′ур* ’болото’, *с′ин* ’глаз’) [13. С. 212]; кя. *мусин* ’глинистое место на болоте’, ’глинистое место, где проваливаются коровы и лошади’ [8. С. 256; 9. С. 149]; венг. *tengerszem* ’горное озеро’ (*tenger* ’море’, *szem* ’глаз’) [4. С. 726]; хант. *мəγсэм* ’родник, ключ’ (*мəγ* ’земля’, *сэм* ’глаз’) [9. С. 256]; рус. *глазина*, *глазник*, *глазовина* (< рус. *глаз*) ’лужа’, ’окно в болоте, не заросшее травой и имеющее сток’ (Европейский Север России), *глазник* ’полынья’, ’болото, на поверхности которого выделяется пузырьком болотный газ’ (Ярославская обл.), *глазье*, *глажавина* ’окно в болоте’ (Псковская обл.) [11. С. 143, 411]; чув. *шыв куçĕ* ’полынья, промоина (во льду)’ (*шыв* ’вода, водный’, *куç* ’глаз’) [19. С. 626]; польск. *oko wodne* ’полынья; разводье’; словац. *morské oko* ’горное глубокое озеро’ [11. С. 411].

Нами выявлены удмуртские микротопонимы, в которых зафиксирован апеллятив *с′ин* ~ *с′ин′* ’глаз’, например: *н′ыл′*/*с′ин*/*гоп* л., лг.[*] (д. Суроново Шарк.[**]) (*н′ыл′* ’четыре’, *с′ин* ’глаз’, *гоп* ’лог, овраг’, букв. ’лог четыре глаза’); *оброс′*/*с′ин′*/*ты* оз., (д. Дубровский, Кияс.) (*оброс′* – антропоним < рус. Абросим, *с′ин′* ’глаз’, *ты* ’озеро’, букв. ’озеро глаза Абросима)’. Ср. также топонимы и микротопонимы из других языков: кп. *Нёльсин* д. (*нёль* ’четыре’, *син* ’ключ, источник’); *Пилип син* п. (*Пилип* – антропоним < рус. *Филипп*, *син* ’ключ, источник’) [1. С. 41]; рус. *Большой глаз* овр. (д. Николаевка, Дубенский р-н, Респ. Мордовия) [18. С. 50]; эрз. *Сельме латко* овр. (*сельме* ’глаз’, *латко* ’овраг’) (д. Морга, Дубенский р-н, Респ. Мордовия) [18. С. 320] и эрз. *Сельмине эрьке* оз. (*сельмине* ’глазок’, *эрьке* ’озеро’ (д. Качелай, Кочкуровский р-н, Респ. Мордовия) [17. С. 79], *Глазок* н. п. (Тамбовская обл.); *Глазки* н. п. (Ярославская обл.; Белоруссия), *Морское Око* оз. (Польша) [11. С. 145, 411] и т. д.

В микротопонимии выявлены апеллятивы, олицетворяющие верхнюю и нижнюю части тела человека. Если в предыдущих географических названиях

---

[*] После микротопонима в сокращенном виде указан тип географического объекта (см. список сокращений в конце статьи).

[**] После ойконима дано сокращенное название района, куда входит населенный пункт (см. список сокращений в конце статьи).

основную роль играет форма географического объекта, то здесь указывается расположение одного географического объекта относительно другого. В данном случае представляют интерес микротопонимы, образованные от слов, обозначающих понятия ’голова’ и ’нога’. Потеряв свое первичное значение, лексемы переходят в разряд географических терминов и приобретают вторичное, пространственное, значение: ’изголовье; верхняя часть, начало чего-либо’, ’местность над чем-либо’ и ’подножие; место в конце чего-либо; местность в нижнем течении реки’, ’место в низине или у реки’. Такое явление наблюдается в разных языках. Рассмотрим его на конкретных примерах.

В удмуртской микротопонимии нередко встречаются апеллятивы *йыраз′ ~ йыраӟ*, *йырйыл* ’изголовье; верхняя часть, начало чего-либо’, ’местность над чем-либо’ (< *йыр* ’голова’), *пыдаз′ ~ пыдаӟ* ’подножие; место в конце чего-либо; местность в нижнем течении реки’, *пыдин* ’место в низине или у реки’ (< *пыд* ’нога’).

Географические термины *йыраз′ ~ йыраӟ* и *пыдаз′ ~ пыдаӟ* образованы путем прибавления слова *аз′ ~ аӟ* ’перед, фасад, лицевая сторона’ к словам *йыр* ’голова’ и *пыд* ’нога’. Данные апеллятивы выявлены во многих микротопонимах Удмуртии, например: *воз′*/*йыраз′*/*ты* оз. (с. Полом, Кез.) (*воз′* ’луг’, *ты* ’озеро’, то есть ’озеро, расположенное в верхней части луга’); *кэрэмэт*/*йыраз′* пол. (д. Новая Гыя, Кез.) (*кэрэмэт* – название языческого моления; священная роща, место моления удмуртов-язычников божеству Керемет(ь), то есть ’поляна, находящаяся перед капищем Керемет’); *ошмэс*/*йыраз′* л. (д. Большое Волково, Вав.) (*ошмэс* ’родник’, то есть ’лог, расположенный у истока родника’); *вылыс′*/*вуко*/*пыдаз′* п. (с. Юски, Кез.) (*вылыс′* ’верхний’, *вуко* ’мельница’, то есть ’поле, находящееся ниже верхней мельницы’); *пас′кыт*/*пыдаӟ* п. (д. Малые Сюмси, Сюмс.) (*пас′кыт* ’широкий’, *пыдаӟ* ’подножие’, то есть ’широкое поле в нижнем течении реки’); *с′öд*/*му*/*пыдаз′* п. (д. Силёшур, Кез.) (*с′öд* ’черный’, *му* ’земля, участок земли’, то есть ’поле, находящееся ниже поля *с′öд*/*му*’) и др.

Апеллятив *йырйыл* восходит также к слову *йыр* ’голова’ + *йыл* ’вершина, начало чего-либо’. В микротопонимах встречается редко. Нам удалось зафиксировать его пока в таком микротопониме: *гурт*/*йырйыл* гр. (д. Гожня, М.-Пург.) (*гурт* ’деревня’, то есть ’гора, расположенная в верхней части деревни’).

Географический термин *пыдин* образован, по всей вероятности, от слова *пыд* ’нога’ и элемента *-ин* (< *инты* ’место’) и означает ’место в низине или у реки’. Выявлен нами пока в одном микротопониме: *аӈлэт*/*пыдин* п. (д. Чумой, Ув.) (*аӈлэт* – удм. название реки *Арлеть*, то есть ’поле в низине реки Арлеть’).

Подобное явление, когда в качестве локативных апеллятивов для обозначения расположения одного географического объекта относительно другого употребляются слова со значениями ’голова’ и ’нога’, прослеживается в топонимических системах различных языков. В частности, в коми языках для обозначения географического объекта в верхней части другого объекта используются апеллятивы *юр* ’верхний конец чего-либо’ и *юрйыв* ’изголовье’, например: к. *ді юр* ’верхний конец острова’, *кось юр* ’верхний конец порога’, *лыа юр* ’верх, конец песчаной косы’ [3. С. 779, 780], кп. *Керос юр* (*керос* ’гора, холм’, то есть ’урочище в верхней части горы, холма’) [1. С. 86].

В русском языке географический термин *голова* также имеет значения ’вершина, исток реки, начало оврага’, ’верхняя по течению часть острова’ [11. С. 149]. А производный от этого слова апеллятив *изголовь*(*е*) имеет такую же или близкую семантику ’верховье реки, острова; мыс; ближайшее к берегу отмелое место’ [11. С. 230]. Известны такие локативные апеллятивы и в тюркских языках, например: башк., тат. *баш* употребляется со значением ’верх, вершина; начало; исток, верховье’ [6. С. 17; 17. С. 13; 16. С. 209], а производный от него *баш очы* обозначает ’изголовье’, ’начало; исток реки; конец, край’ [15. С. 61]. Этот географический термин широко употребляется во многих тюркских языках также для обозначения горных вершин, скал, утесов, верховьев рек, истоков, часто – источников, дающих начало ручьям, рекам, и характерен для всей Средней Азии, Кавказа, Сибири, Украины, Поволжья, Черноземного Центра, Турции, Казахстана, напр.: якут. и ногайск. *бас*, шор. и чулым. *паш* ’исток’, ’верховья реки’; хакас. *пас* ’голова’, ’вершина горы’, ’начало’, ’верховье’; азерб. и кумык. *баш* ’холм’, ’исток’, ’большой’, ’главный’, ’верхний’. В болгарском языке *баш* (< турец.) используется со значением ’исток реки’, ’начало оврага’, ’верхушка холма’, в таджикском *бош* (< тюрк.) ’вершина, исток реки, верховье’. В некоторых языках отмечены и противоположные значения: в кумык., кирг., казах., ккалп. ’конец’, ’край’; тув. ’кончик’, уйг. ’низ’ [11. С. 77].

Во многих языках для обозначения нижней части какого-либо географического объекта используется лексема со значением ’нога’. Например, в русском языке с помощью апеллятива *подножие ~ подошва* обозначается нижняя часть горы, возвышенности [11. С. 444, 445]. В 1993 г. в д. Кучер-Копки Селтинского р-на УР нами зафиксирован другой апеллятив с локативным значением, производный от слова *нога*, в названии луга *отно·га* (< рус. *отнога*), то есть ’луг, расположенный сбоку от другого луга’, ср. рус. *отнога* ’острог, ветвь или боковая приставка’ [5. С. 741]. В тюркских языках лексема *аяг*, *аяк*, *аях*, имеющая прямое значение ’нога’, в топонимии функционирует с семантикой ’устье реки, ее нижнее течение, конец; подножие горы’ [11. С. 61].

Таким образом, в географических названиях многих языков лексема со значением ’глаз’ и ее производные употребляются, как правило, для обозначения географической реалии ’родник, источник’ или ’небольшой округлый водный объект (озеро, пруд)’.

Апеллятивы со значением ’голова’ и ’нога’ используются, главным образом, для называния географических реалий, характеризуя их пространственные отношения.

Рассмотренные нами лексемы чаще всего обозначают географические объекты, которые могут быть четко представлены перед глазами называющего данный объект человека и как результат своеобразного видения им окружающего мира, что является глобальной топонимической закономерностью, характерной если не для всех, то для большинства языков.

СОКРАЩЕНИЯ

Названия административно-территориальных районов Удмуртской Республики: Вав. – Вавожский; Кез. – Кезский; Кияс. – Киясовский; М.-Пург. – Малопургинский; Селт. – Селтинский; Сюмс. – Сюмсинский; Ув. – Увинский; Шарк. – Шарканский.

Названия языков: арм. – армянский; азерб. – азербайджанский; башк. – башкирский; венг. – венгерский; к. – коми (коми-зырянский), кп. – коми-пермяцкий; кя. – коми-язьвинский; казах. – казахский; кар. – карельский; кирг. – киргизский; ккалп. – каракалпакский; кумык. – кумыкский; латыш. – латышский; ливв. – ливвиковский; литов. – литовский; ногайск. – ногайский; польск. – польский; рус. – русский; словац. – словацкий; тат. – татарский; тув. – тувинский; турец. – турецкий; тюрк. – тюркский; удм. – удмуртский; уйг. – уйгурский; ф. – финский; хакас. – хакасский; хант. – хантыйский; чув. – чувашский; чулым. – чулымский; шор. – шорский; эрз. – эрзя-мордовский; якут. – якутский.

Названия типов географических объектов: гр. – гора; д. – деревня; л. – лог; лг. – луг; н. п. – населенный пункт; обл. – область; овр. – овраг; оз. – озеро; п. – поле; р-н – район; с. – село.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Аксенова О. П.* Коми-пермяцкие географические термины и их функционирование в топонимии Верхнего Прикамья. Ижевск, 2008.

2. *Ануфриева З. П.* Принципы номинации коми топонимов (на материале бассейна средней Печоры) // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979. Вып. 22: Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. С. 45–63.

3. *Безносикова Л. М.*, *Айбабина Е. А.*, *Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.

4. Венгерско-русский словарь / Под ред. Л. Гальди. М.; Будапешт, 1987.

5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. СПб., 1996. Т. 2.

6. Инструкция по передаче на картах географических названий Башкирской АССР / Сост. Г. И. Донидзе. М., 1960.

7. Инструкция по передаче на картах географических названий Татарской АССР / Сост. Л. И. Розова. М., 1969.

8. *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

9. *Лыткин В. И.*, *Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

10. *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

11. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.

12. *Мусанов А. Г.* Географические названия Лузско-Летского бассейна Республики Коми. Сыктывкар, 2006.

13. *Сорвачева В. А.*, *Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990.

14. С устного сообщения Клары Адягаши (Венгрия).

15. Татарско-русский словарь. М., 1966.

16. Татарско-русский словарь: В 2-х тт.Т. 1 (А–Л). Казань, 2007.

17. *Цыганкин Д. В.* От Суры... до Мокши: Названия рек и озер Республики Мордовия: Этимологические разыскания. Саранск, 2010.

18. *Цыганкин Д. В.* Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2005.

19. Чувашско-русский словарь / Под ред. М. И. Скворцова. М., 1982.

Поступила в редакцию 12.04.2012

L. Y. Kirillova

About some rules of microtoponyms' formation

The paper discusses the rules of forming of Udmurt appellatives associated with the designation of parts of the human body. The lexemes with semantics of 'eyes' are used for denomination such geographical objects as a spring, lake, pond. The shape of a geographic object plays a main role in this case. Geographical terms designated by the concept of 'head' and 'foot' have lost its primary meaning and get a secondary spatial meaning such as 'a head; upper part; a beginning of something; an area of something; a foot of something; a place at the end of something; an area in a bottom watercourse of a river; location in a valley or on a bank of a river'. These phenomena are typical for many languages and show the original world view.

Keywords: microtoponymy, appellative, Udmurt language, geographical terms designated by the concept of 'eye', 'head' and 'foot', toponymic regularity.

Кириллова Людмила Евгеньевна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: kirlud@rambler.ru

Kirillova Ljudmila Jevgenjevna,
Candidate of Science (Philology), senior research associate,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: kirlud@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.02(=511.132)

Т. Л. Кузнецова

ТРАДИЦИИ В. САВИНА В КОМИ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.*

Рассматривается влияние творчества В. А. Савина (поэта, драматурга, писателя, создателя коми театра, композитора) на современную коми прозу. В ходе исследования выясняется воздействие его традиций на сферу мироотношения ряда писателей, что выражается в специфике лиризма и проявлении авторского начала.

Ключевые слова: традиции, мировоззрение, мироотношение, лиризм, образ автора.

В исполненный драматизма современный переходный период актуален вопрос о культурных и художественных традициях, питающих коми литературу кон. XX – нач. XXI вв. Между тем пока не предпринималось попыток исследовать новый художественный опыт в соотнесенности его с национальным классическим наследием. Этим обусловлена актуальность данной работы. Изучение наследия Виктора Савина (1888–1943) в свете поставленной задачи не только высвечивает характерные черты современной литературы, но и позволяет определить место, которое наследие В. Савина занимает в культуре коми.

Кардинальные изменения, происходившие в эстетике Савина в 1930-е гг., во многом близки сегодняшним художественным поискам коми прозы, отражающим кризисное состояние общества. Трагическое прозрение В. Савина (как и его современников – В. Чисталева, В. Лыткина и др.) созвучно стремлению современных писателей переосмыслить духовный опыт недавнего прошлого.

Поэт, драматург, прозаик, композитор, создатель коми театра Виктор Савин оказывал и сегодня оказывает ощутимое воздействие на культурное сознание общества. Он относится к тем художникам, чье творчество создает особую атмосферу, формирующую эстетический опыт народа. Вот почему так важно говорить о влиянии наследия Савина, что находит выражение не только в подобных формах.

* Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12–П–6–1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

Скорее, имеет место воздействие традиций Виттора Нёбдінса, истоки которых скрыты в глубине художественного текста – в сфере сознания творца.

Поэтика Савина зиждется на мировоззренческих основах духовного опыта народа; именно этим определяются особенности художественного осмысления жизни. Так, художественная целостность его известной дилогии «*Райын*» (В раю, 1921) и «*Инасьтӧм лов*» (Неприкаянная душа, 1926) обусловлена спецификой народного мировосприятия, принимающего красоту жизни в ее естественных связях и отношениях. Сила характера Сюзь Матвея, главного героя дилогии, – в органичной связи его с землей, с крестьянским трудом и нравственными началами жизни. А моменты, выражающие черты исторической эпохи (пафос революционного отрицания, неприятие религии), второстепенны. Именно поэтому его пьесы, как и другие произведения Савина, не утратили собственно художественного значения и пережили время. Благодаря органичной связи с народной культурой, они составляют единое духовное пространство с произведениями современных писателей.

Апокалиптические ощущения периода порубежья веков, когда здоровое отношение к миру обнаруживает связи с мировосприятием, характерны для творчества Савина. Безудержное желание жить, одухотворяющее его, выражают и современные писатели, несмотря на драматизм эпохи. Стремление увидеть движение жизни во всей ее полноте, ощущая земные радости, столь свойственное Савину, мы наблюдаем и в коми прозе рубежа веков, что открывает возможности разглядеть поступательное движение жизни в ее противоречивой сути. В частности, в жанре современной коми прозаической миниатюры: «сжатая в предельно малом объеме лирико-философская миниатюра среди жанровых форм лирической прозы наиболее близка к лирике в обычном смысле слова» [1. С. 7]. Открытость, ощущение гармоничной связи с миром, свойственные лирическому герою поэзии Савина, продолжаются в природоописательных миниатюрах современных прозаиков. Непосредственность восприятия мира, радостное удивление жизни, восхищение, характеризующие мировосприятие Савина (что выразилось в детальном описании и представлении предметного мира), продолжаются в произведениях современных миниатюристов: Л. Палкина, В. Лодыгина, Е. Козлова и др.

Свойственное В. Савину лирическое переживание жизни близко Н. Куратовой. Лиризм ее прозы во многом слит с особым, стойким, жизнеутверждающим отношением к миру, что не исчезло даже в 1990-е гг. – период натиска эсхатологических предчувствий: рассказы «*Висьтасьӧм*» (Исповедь, 1995), «*Висьтав, югыд шондіӧй*» (Скажи, светлое солнце, 1998), «*Шондіыс ломалӧ на…*» (Солнце еще горит, 1992), «*Сідзкӧ, ловъя на…*» (Значит, еще живой, 2001), «*Важ печкан*» (Старая прялка, 2002) и др. По-савински приподнято-радостно восклицает героиня одноименного рассказа: «*Шондіыс ломалӧ на*» (Солнце еще горит), – и эти слова метафорически выражают концептуальную установку автора в охваченной апокалиптическими ощущениями прозе рубежа веков. Н. Куратовой создан жизнестойкий, обладающий верой в будущее, ощущающий органичные связи с жизнью женский характер. Имеет смысл вести речь о едином характере, сконструированном рассказами и повестями современного

коми прозаика и обнаруживающем родство как с лирическим героем Савина [ст. «*Вен*» (Спор, 1922), «*Чолӧм*» (Привет, 1918), «*Веж видз вывті муна*» (Я иду зеленым лугом, 1919), «*Кор долыд*» (Когда радостно, 1920) и др.], так и с главным героем дилогии «*Райын*» и «*Инасьтӧм лов*». Можно говорить о близости, по терминологии М. Бахтина, лирического героя – образа – личности и характера – «объектного» образа. Родство мироотношений во многом определяют специфику лиризма Савина и Куратовой: лирическое отношение к миру, органично связанное с жизнестойкостью. Такова природа лиризма В. Савина и Н. Куратовой, составляющая «момент творческой субъективности» (выражение В. Д. Сквозникова), характеризующий поэзию В. Савина и Н. Куратовой. Можно говорить о родственности «субъектной сферы» (определение С. Н. Бройтмана) их поэзии. Это тот тип лирического переживания, при котором автор счастлив обнаружить свое отношение к миру, что придает особый свет его произведениям; автор испытывает абсолютную гармонию в единении с миром. Ощущение красоты и гармонии сущего, что определяет духовное состояние героя и обуславливает цельность мироотношения, в формировании которого особую роль играет отношение автора к самому себе. Он самодостаточен в гармоничной связи с окружением и ощущает свое право на высказывание. В данном случае самоощущение автора, его отношение к себе есть форма его самоидентификации. Сказанное характеризует особое качество лирического взгляда на мир и В. Савина, и Н. Куратовой: здесь не только специфика субъективного восприятия и переживания мира, но и утверждение вековечной, естественной связи народа с жизнью, ощущение целостности мира. Ощущение гармонии освещено особым, приподнятым настроением, что близко типу «веселости», определяемому исследователями как «онтологическая веселость»: «Веселость как свойство и состояние натуры, то есть жизнерадостность и природный оптимизм. Такого рода веселость мы бы назвали онтологической веселостью, поскольку она характеризует само бытие человека», – пишет Л. М. Шайхинурова [5. С. 36]. Пафос авторского отношения, определяя настроения всей художественной ткани, воплощается в характерообразовании, сюжете, композиции и стиле: «В пределах объективации эмоциональной сферы автор задает свои правила игры, свою парадигму художественного мышления, согласуемую со средством деятельности – поэтическим языком» [4. С. 26] (отметим, что данные особенности мироотношения Савина получили органичное выражение и в комическом).

Мироотношение Куратовой, очень близкое творчеству Савина, органично связано с нравственными началами и неизменно питается глубинным стремлением каждого поделиться своим душевным теплом. Исследователи подчеркивают, что «в структуре художественного таланта энергетическая роль нравственных переживаний представляется более “фундаментальной”, чем роль эстетических эмоций» [2. С. 126]. Светлая эмоциональная энергия восходит к авторскому началу в произведениях В. Савина и Н. Куратовой. Образ автора в текстах столь ярок, что выявляет личностные качества автора-художников. Природа данного явления близка к тому, что исследователи определяют как «идентичность поэтического “я” биографическому “я” автора» [6. С. 109]. Характерной чертой

авторского отношения является созидательная направленность (вот почему столь резкие изменения претерпела эстетика Савина в период сталинского режима). В его творчестве заложен глубинный позитивный смысл, таится неистребимая сила добра. Вот почему в творчество Савина и Куратовой вселяется живое движение жизни, ее естественное дыхание. Ритм противоречий, составляющий глубинную энергию жизни, воссоздается в сфере авторского отношения, в чем ярко проявляется близость творчества Савина и Н. Куратовой. Напомним актуальные слова Л. Гинзбург о том, что «…сознательно, открыто утверждаемая традиция не только не противопоказана новизне, но, напротив того, делает новизну особенно ощутимой» [3. С. 366], – традиции В. Савина, определяющие главные особенности художественного мышления современных коми писателей, придают неповторимость художественным исканиям прозы стыка тысячелетий. Мышление современных художников слова несет на себе меты его влияния; связи, единящие творчество крупнейшего коми поэта, драматурга, писателя с произведениями современных коми прозаиков, – в глубинных, смыслообразующих основах художественного текста, определяющих особенности художественного мышления авторов, отношения к миру. Связь с народной культурой роднит творчество великого Савина и современную коми прозу. Поэтика традиции зиждется на близости к первоосновам жизни – особенностям национального характера и народного мироотношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бальбуров Э. А.* Поэтика лирической прозы (1960–1970-ые гг.). Новосибирск, 1985.

2. *Басин Е. Я.* Художник и творчество. М., 2008.

3. *Гинзбург Л.* О лирике. М.–Л., 1964.

4. *Карпов И. П.* Авторология русской литературы. Йошкар-Ола, 2003.

5. *Шайхинурова Л. М.* Онтология и поэтика смеха в сказах П. П. Бажова (К постановке проблемы) // Изв. Уральск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. История. Филология. Искусствоведение. 2003. Вып. 6. № 28.

6. *Шевеленко И. Д.* Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002.

Поступила в редакцию 20.12.2011

T. L. Kuznetsova

V. Savin's traditions in Komi to prose of a boundary of the XX–XXI century

In article influence of creativity of V.A.Savin (the poet, the playwright, the writer, the founder of Komi of theater, the composer) to modern Komi prose is considered. During research impact of its traditions on the sphere of a mirootnosheniye of a number of writers that is expressed in specifics of lyricism and manifestation of the author's beginning comes to light.

Keywords: traditions, outlook, mirootnosheniye, lyricism, image of the author.

Кузнецова Татьяна Леонидовна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник, зав. сектором литературоведения,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН
г. Сыктывкар
E-mail: kuznetsovatl@mail.ru

Kuznetsova Tatyana Leonidovna,
Candidate of Science (Philology),
senior research associate, manager. sector of literary criticism,
Institute of language, literature and history Komi NTs
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar
E-mail: kuznetsovatl@mail.ru

УДК 82.02(=511.131)

А. В. Камитова

ПОВЕСТЬ ЛИДИИ НЯНЬКИНОЙ «АУ-АУ! ИЛИ ЗИГЗАГИ НА НЕБОСКЛОНЕ»: О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ В УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В работе предпринята попытка интерпретации постмодернистской повести Л. Нянькиной «Ау-Ау! или зигзаги на Небосклоне» в аспекте проблемы авторского сознания, сквозных образов и мотивов.

Ключевые слова: постмодернизм, удмуртская литература, миф, интертекстуальность, сакральное, профанное.

В современной удмуртской литературе среди множества направлений постмодернизм[*] является одним из наиболее заметных. Поэтику постмодернизма в творчестве Лидии Нянькиной исследователи относят к прозападной ветви этнофутуризма [6. С. 10].

Но прежде чем мы перейдем к аналитической части нашей работы, представим краткий очерк жизни и творчества писательницы. Лидия Степановна Нянькина известна как прозаик и поэт. Родилась она в 1963 г. в д. Серп Алнашского р-на Удмуртской Республики. После 8 класса поступила в Можгинское педучилище, затем два года работала в школе. В 1986 г. по инициативе Союза писателей УР была направлена в Литературный институт им. М. Горького, по окончании которого работала в журналах *«Кизили»*[**]*, «Инвожо»*[***], в настоящее время – сотрудник *«Кенеша»*[****].

Стихами и рассказами она увлеклась с раннего возраста и печаталась в газете *«Дась лу!»*[*****]. Первую ее повесть «Небесная лилия» в 1990 г. опубликовал журнал

---

[*] Более подробно о постмодернизме см.: [12–16].

[**] *«Кизили»* («Звездочка») – литературно-художественный иллюстрированный журнал для детей.

[***] «*Инвожо»* («букв.: «цветок летнего солнцестояния») – иллюстрированный общественно-политический и литературно-художественный журнал для молодежи на удмуртском языке.

[****] *«Кенеш»* («Совет») – литературно-художественный и общественно-политический журнал.

[*****] *«Дась лу!»* («Будь готов!») – республиканская газета для детей и юношества.

«Инвожо». Творчество Л. Нянькиной сегодня представлено сборниками рассказов *«Ваёбыж кар»* («Ласточкино гнездо», 1996), стихов *«Синучкон»* («Зеркало», 2004), а также стихов для детей *«Ческыт кӧмеч»* («Вкусный колобок», 2009) и *«Косьтэй но кыстыбей»* («Костик и блинчик», 2009). Лидия Нянькина – лауреат национальной премии им. Ашальчи Оки* (1998).

По мысли В. Шибанова, «новое осознание современности начинается прежде всего в повести Лидии Нянькиной *«Ау-ау! яке Инбамысь гожъёс»* («Ау-ау! или зигзаги на Небосклоне») и в романе Сергея Матвеева *«Шузи»* («Дурачок»). Именно в этих книгах черты новых поисков проявились наиболее наглядно» [16]. Как пишет Т. Зайцева, «выход на авансцену национального литературного процесса конца 1980-х – начала 1990-х годов типа странного человека критика справедливо связывает с творчеством Л. Нянькиной» [4. С. 6–7]. По наблюдениям других удмуртских литературоведов, наибольший отклик в литературе был вызван появлением так называемой «новой волны», о зарождении которой можно говорить с появлением произведений М. Федотова, О. Четкарева. С. Матвеева, В. Ар-Серги, П. Захарова и др. Этот ряд имен гармонично дополняет имя Л. Нянькиной. Новое поколение писателей «принесло новое миропонимание и новое мироощущение, иное видение значения литературы» [4. С. 8].

Наша работа представляет собой попытку рассмотреть повесть Л. Нянькиной *«Ау-ау! яке Инбамысь гожъёс»* («Ау-ау! или зигзаги на Небосклоне») [7] в контексте постмодернистской литературы.

Культура постмодернизма трактуется как модель полифункционального отношения к миру, возникшего вследствие сближения научного, философского и художественного познания, поэтому ставится вопрос о необходимости множественности и взаимодополняемости методов познания, способствующих формированию представлений о целостной картине мира автора.

При чтении повести Л. Нянькиной обращает на себя внимание то, что повествователь одновременно является и автором, и читателем, и интерпретатором: *«Та повестьме гожтыны пукси но – табере ачим но уг валаськы кыӵе художественной амалэн сое гожтыны»* ‘Приступила к написанию повести – и теперь сама не пойму каким художественным методом писать’** [7. С. 126]. Или: *«Остэ, кытысь-мар гожъяськон чер йӧтӥз меда мыным?»* ‘Господи, откуда на меня напала эта болезнь пишущего?’ [7. С. 138]. Другой пример: *«Ваньзэ кушаса ке сётӥ, кин монэ лыдзӧз на? Мыным потэ: художественной произведенилэн со бордын ик дуныз, бордаз кыскисез, куке автор ваньзэ пумозяз уг вера, лыдзӥсез ассэ малпаськыны косэ»* ‘Если всё разжевав преподнесу, кто будет меня читать? Мне кажется: красота и притягательность произведения и состоит в том, что автор до конца не досказывает, вынуждает самого читателя размышлять’ [7. С. 139]. Нет определенности, чьими устами переданы эти размышления. Текст выступает как пространство человеческой свободы. Не случайно в тексте перекрещиваются разные жанры и стили:

---

* Учреждена в 1994 г. в целях поддержки творческой активности женщин региона.

** Здесь и далее наш подстрочный перевод удмуртских отрывков из повести Л. Нянькиной «Ау-ау! или зигзаги на Небосклоне». – *А. К.*

– сказка[*] (назовем условно): *«Выжыкыл!»* ‘Сказка!’ – не случайно восклицает Елена [7. С. 170],

– мадёс (рассказ, побасенка старушки),

– анекдот, магические приемы и слова (заговоры[**]: *«пот куректон, лык, яратон» кылъёсын зурак! гинэ йырсиме кыскиз но куинь пол кирос кариз»* ‘покинь горе, приди любовь» этими словами резко дернула волосок и трижды перекрестилась’ [7. С. 130];

– оберег[***]: *«бутылкаысь вöсям вуэз кутыса, соин борддорме пазяй. Ачим но куинь гучык юи. Миндэр улам пурт понй»* ‘взяв освященную воду, освятила стены. И сама выпила три глотка. Под подушку положила нож’ [7. С. 141]; *«Лена, бырттыбордад тэчет вень, Лена, нуллы кирос, думылы кускад молитваосын лентадэ»* ‘Лена, приколи себе булавку, Лена, носи при себе крестик, обвяжи пояс молитвенной лентой’[****] [7. С. 144];

– приметы: *«Мед гуньдоз со уксёеныз! Озьы малпаськи гинэ но – ачим гуньдй… Бöрысь малпай, – муртлы гу эн копа»* ‘Пусть подавится этими деньгами! Только так подумала и – сама подавилась… Потом подумала, – не копай другому яму’ [7. С. 145];

– волшебство: *«Соку со пöсь чиньыосыныз ангес бордам йöттиськиз но ас понназ маке сипыртйз… Чылкак дэйми: сöсырелэн нокыче пытыез кыльымтэ»* ‘Тогда она горячими пальцами дотронулась до моего подбородка и что-то про себя шепнула… Я была потрясена: от синяков не осталось и следа’ [7. С. 161].

Сочетание цитат из ранних произведений, строчек и слов из песен – характерный прием постмодернизма. Так, в тексте повести узнаваемы фразы из произведений Н. Островского, А. Лужанина[*****], слова из популярной песни 1980-х «Шейк, шейк! – модный танец». Цитатность выступает как фундаментальное условие смыслообразования, создавая особую игровую природу.

Сновидение – один из приемов организации текста: *«Ӵукна пал гинэ мырдэм но кызьы умме уси. Уйвöт адзиськó»* ‘Только под утро еле уснула. Вижу сон’ [7. С. 141]. Включаются и обсуждаются в тексте необъяснимые видения, наваждения: *«Тй шуоды, гожъяськись муртлэн висись йырвиымез? Тй интыын мон но озьы ик малпасал, дыр. Ачид вылын сыче ишанъёс ке ортчо – соку гинэ малпанъёс*

---

[*] О признаках присутствия сказки (а может быть – былички, легенды, сказа) говорит начало повествования: *«огпол»* – «однажды», столь присущее сказочному сюжету.

[**] *Заговор* – вера в возможность навязать свою волю и вера в силу и возможности человеческого слова – закрепляется в повести представлениями удмуртов о демонологической символике числа «3» и вредоносной магии выдергивания волоска.

[***] В функции *оберегов* выступают в повести освященная в церкви вода; символическая нумерология числа «3», древний обычай удмуртов класть нож под голову – как магическое орудие против нечистой силы и др.

[****] Прикалывание булавки, ношение креста, обматывание пояса молитвенной лентой – предметы религиозных почитаний. Автор использует данные символы, опираясь на их мистическую функцию.

[*****] Лужанин Афанасий Васильевич (1912–1966) – удмуртский поэт, сатирик, баснописец.

воштйсько угось…» ‘Вы скажете – больное воображение писателя? Будь я на вашем месте, подумала бы также, наверно. Если с тобой случаются подобные наваждения – только тогда начинаешь размышлять…’ [7. С. 134].

Л. Нянькина создает не просто фольклорно-мифологическую антиутопию, повесть-сказку, повесть-исповедь, но антимир, основной концепт которого – высмеивание человеческих пороков; усилены элементы фантастики, абсурдности, гибридности. Игровой принцип структурирования текста, интертекстуальность, бинарность мифопоэтической модели мира – все это позволяет нам отнести повесть к постмодернистскому направлению. Мифологическое моделирование в тексте реализовано по принципу бинарности: свой/чужой; природа/быт; молодой/старый; сакральный/профанный и др.

По наблюдениям Н. Ильиной, «главные герои произведений… Л. Нянькиной и др. во многом соотносятся с таким психотипом, который был обозначен И. Смирновым как шизонарцисс» [6. С. 9]. Главные герои повести – старушка, Елена Викторовна Звёздочкина и таксистка (ее неродившаяся дочь). Соотношение героев наводит на мысль, что образы автора и Звездочкиной совмещаются со всеми действующими лицами. Не явно, но намеки и подтексты наталкивают на такую мысль. Автор следующим образом характеризует свой творческий поиск: *«повестьме огдышем традицияя, мон шуысал на, гожъяськонын чылкак али гинэ тэтэ карись мурт сямен* “*огпол*” *кылын кутскисько»* (подобное инфантильное/детское восприятие Звёздочкиной встречается в ее письме) – «свою повесть традиционно, я бы сказала, словно ребенок, начинающий делать первые шаги, начинаю со слов “однажды”» [7. С. 127]. Создается ощущение, что автор перевоплощается в ребенка. Надевает на себя некую маску, которая затем, на протяжении всего повествования, меняется. Сменяемость масок присуща всем героям повести. За каждой из личин таится своя судьба, особая жизнь. В мире людей личность из иного мира кажется чем-то уродливым, чертовским. Звёздочкина утверждает: *«Конечно, маска понэмын, яке ымнырыз гримировать каремын»* ‘Конечно, в маске, или лицо загримировано’ [7. С. 138]. А для таксистки из иного бытия люди похожи на жаб, скверных своими поступками и видом: *«Тон ӵапак анекдотысь та бакалы укшаськод»* ‘Ты в точности похожа на эту жабу из анекдота’ [7. С. 159]. Мир словно перевернут с ног на голову, невольно теряет черты реальности, подобно шекспировскому: «Весь мир – театр, / В нем женщины, мужчины – все актеры, / У них есть свои выходы, уходы, / И каждый не одну играет роль». Мотив «жизнь-театр» фоном проходит в повести Лидии Нянькиной. По мысли автора – это и кинотеатр «Удмуртия» [7. С. 145]: жизнь мелькает перед Еленой, словно кадры: *«Та суредъёс туж жог вошъяськылӥзы, кинокадр выллем»* ‘Эти картины быстро сменялись, словно кадры из кинофильма’ [7. С. 171].

Модель мира, согласно повести, представляет собой некое локальное пространство, четко маркированное как свое и чужое: есть пространство и мир Звездочкиной и есть локус инобытия, как пространство старушки и таксистки/дочери. Можно было бы предположить, что в повести представлен эсхатологический миф, в котором доминирует Хаос (антимир, антигерой, антиобщество), и что главная концепция этого мифа – деградация общества (моральная, интеллектуальная, духовная). Однако антиутопия сплетается с философско-библейской притчей,

в центре которой – Бог. А с ним связан возможный выход грешного человека к высоким чувствам, к идеальному устройству душевного мира.

Произведение Л. Нянькиной глубоко психологично, чему способствуют различные приемы изображения внутреннего состояния человека. Действие разворачивается весной. Пробуждение природы противопоставлено увядающей жизни героини: *«Тулыс матэктэмъя, сюлэм шулдыр крезьгуръёс гинэ кырӟаны кулэ кадь, нош та вакыт монэ уката но кекатэ валантэм мӧзмон»* ‘С приближением весны, кажется, в душе должны звучать только веселые мелодии, но в это время меня особенно душит непонятная тоска’ [7. С. 127]. Так противоборствуют гармоничное и хаотичное начала бытия. Внутреннее потрясение передается через внешний признак: *«мугортӥм кузьылиос бызьылыны кутскизы»* ‘по телу начали бегать мурашки’ [7. С. 129]. Фольклорная образность передает физический облик и душевный мир человека: *«Суйёсыд-пыдъёсыд лусъем писпу сямен куасьмыны кутскозы, кион сямен вузыны ӧдъялод, курег сямен чоръяны кылёд»* ‘Руки-ноги словно обтесанное дерево начнут сохнуть, подобно волку будешь выть, словно курица будешь квохтать’ [7. С. 130]. И в состоянии страха перед неизвестностью это проклятие воплощается, то есть сбывается: *«Киосы-пыдъёсы куалекъяны ӧдъязы, сюлмы вандэм курег сямен лопыръяськыны кутскиз»* ‘Руки-ноги начали дрожать; сердце, подобно курице, стало трепыхаться’[*] [7. С. 140]. Акцентируются различные психологические состояния человека: страх и жалость (*«мон кышкатскыны кутски: периослэн ки улазы ӧй шедьы меда? Кышканме пумен вормиз жалян мылкыд»* ‘мне стало страшно: не попала ли я в руки нечистой силы? Постепенно чувство жалости перебороло мой страх’ [7. С. 132]); самохвальство (*«Мон кылбуръёс гожъяны мастер, – интыяз-а, интытэк-а куддыръя ушъяськон сямы потэ ик мынам»* ‘Я мастер писать стихи, – к месту или нет, иногда я начинаю хвастаться’ [7. С. 132]). Передаются сложные, непонятные состояния чувственного мира человека (*«Йӧ куараен вераськыны тыршисько, нош пушкисьтым вань сюлъёсы жӟиго-жӟиг думиськизы ни»* ‘Стараюсь говорить ледяным голосом, но все нутро уже перевязалось крепким узлом’ [7. С. 144]; *«кышкаменым лулы пыдтышкам вуиз»* ‘от страха душа ушла в пятки’ [7. С. 165]).

Особую характерологическую роль играют имена. Как правило, они «говорящие» (*Звёздочкина*); иногда встречаются сокращенные (*пиосмуртэдлэн нимыз «В»; Л* ‘зовут мужчину «В»; Л’); порой нелепые (*Нафиков, Наум Наумович, Мартемьян Харлампиевич, Ишан, Ляля*); вклиниваются клички (*Марик, Шизик*). Говорящие фамилии способствуют типизации и индивидуализации персонажей.

Объектами художественного осмысления в повести Л. Нянькиной становятся события, происходившие в жизни советского народа и обусловившие специфику постмодернистских образов (Афганистан, экстрасенсы, очереди в магазинах…). Например, получившие тогда в народе «большое хождение» и популярность так называемые «письма счастья»/«магические письма»[**].

---

[*] Определение «сердце, подобно курице, стало трепыхаться» связано с представлением удмуртов о душе человека, который живет в испуге (подобно заячьей душе).

[**] «Письмо счастья», или «магическое письмо», – термин, обозначающий сообщение, нередко религиозно-мистического содержания, рассылаемое по электронной или обычной почте нескольким адресатам с требованием, чтобы получатель распространил

Это своего рода абсурдная игра-сообщение религиозно-мистического содержания, рассылаемое по почте. А старенькая соседка Звёздочкиной (Марфа Тимофеевна) видит в этом сверточке «святое письмо»: *«Святой гожтэт басьтэмед тон, ныльы, мотри, эн кеся!»* ‘Святое письмо ты получила, девочка моя, смотри, не порви’ [7. С. 140]. Мистическое пронизывает текст повести от начала до конца: от загадочного и внезапного появления старушки и до столь же внезапного исчезновения эфемерной дочери. Тайны нумерологии, а именно: мистическое число «13», – также преследуют героиню как в подсознании (во сне), так и в реальной действительности (Звёздочкина работает на улице Песочная, 13; «письмо счастья» от 13 мая; детоубийство ею совершено 13 числа).

Л. Нянькина поднимает в удмуртской литературе новые темы, ранее в ней не мыслимые, – это так называемая «чернуха»: секс, проституция, неустроенность быта, продажность, тема аборта и др., за которыми кроется «неустроенность человека в этом мире, отсутствие какого-то положительного организующего начала» [6. С. 8].

Наряду с изобилием различных художественных приемов в духе постмодернизма, канва библейских заповедей, чистоты и порока, духовного целомудрия несет в тексте произведения главный смысл. Сквозная мысль – упрек людям: *«Инмарлэсь вылїе тубыны тыршиськоды»* ‘Жаждете выше Бога вознестись’ [7. С. 132], вопреки всемогущественности Всевышнего.

Библейский сюжет, актуальный для всех времен и народов, инкорпорирован в сюжет повести. Символичен образ красного яблока. Как плод грехов героини, преследуемой судьбой за свое прошлое. Это и история жизни одного семейства, к сожалению, распавшегося. Это райское яблоко, оказавшееся для героини, действительно, комом в горле: *«Улмоез басьтї. Куртчи но – йырси комокен гуньдй»* ‘Взяла яблоко. Откусила – подавилась комом волос’ [7. С. 132]. Таким образом, реальность мифа, постижение его смысла выпадает на долю героини и дает читателю толчок к размышлению.

В повести Нянькиной получили свое воплощение десять Заповедей (вернее – их нарушение). Попытаемся показать это на ее художественном языке:

1. Героиню ее неродившаяся дочь упрекает: *«Инмарлэсь вылїе тубыны тыршиськоды…»* ‘Жаждете выше Бога вознестись’ [7. С. 132]; *«Инмарлэсь ортчыны кутскизы»* ‘Стали обходить Бога’ [7. С. 133].

2. Кумир для Звёздочкиной – она сама.

3. Порой героиня всуе упоминает имя Бога-Инмара: *«Остэ, Инмаре, мар тунэ тэбинизы ни…»* ‘Господи, Боже, чего сегодня привязались ко мне…’ [7. С. 132]; *«марлэсь ке кышкаськоды ке, соку ик Инмарез тодады ваиськоды, нош ваньмыз умой дыръя тэтчаса ветлїськоды»* ‘если чего боитесь, тут же вспоминаете имя Бога, а если все хорошо, то прыгаете’ [7. С. 167].

4. Самый страшный поступок героиня совершила в 1979 году 13 мая [7. С. 135]; по календарю этот день выпадает на *воскресенье*.

копии сообщения дальше. Текст «писем счастья» может со временем видоизменяться, усиливая свои убеждающие формулировки для мотивации дальнейшей рассылки. Первые подобные сообщения под названием «небесные», или «святые письма», появились в средние века.

5. Пятая заповедь скорее наводит на мысль о том, что героиня могла сама стать матерью.

6. Убийство (аборт) совершено.

7. Предательство, измена героини бывшему (ныне покойному) возлюбленному: *«Пиосмуртъёсын сьӧлыкаськон дыръёс но луыло»* ‘Бывают и минуты грехопадения с мужчинами’ [7. С. 133].

8. Получение в дар квартиры и прочих вещей, а по сути – соучастие в краже: *«Ярам коть, одйг бадзым начальникен тодматскыны шуд усиз. Со ик мыным квартира но лэсьтӥз… Ма, со кокрок но аслаз кисыысьтыз ӧз кисьты…»* ‘Хорошо, что выпала удача познакомиться с одним большим начальником. Он и мне оформил квартиру… Да что тут говорить, и этот старый пень не из своего кармана деньги отдавал…’ [7. С. 134].

9. Героиня живет в лживой правде о том, что ее друг Вадим достойно погиб на войне, правду ей раскрывает дочь.

10. Страсть, желание материальных благ не покидают героиню.

Таким образом, тема десяти Заповедей разворачивается в повести как их нарушение, а значит, ожидание неминуемого Божьего наказания, которое проявляется в постоянном душевном стрессе героини.

Любопытны трансформации образов-символов. Так, например: *«Отысь мон вир шапыкъёсын, печать интыын киросо гожтэтэз адзи!»* ‘Вместо печати на письме я увидела кровавый крест’ [7. С. 140], где кровавый крест символизирует пожизненный крест как ношу, данную героине за ее земные грехи. Но затем тот же образ становится эмблемой здравоохранения, или спасения: *«Сое туннэ горд киросо машина больницае нуиз»* ‘Ее сегодня машина с красным крестом увезла в больницу’ [7. С. 147].

В описании операции Елены возникает представление о душе, как субстанции, существующей независимо от тела: *«Берло гинэ мон валатски кулыса улӟемме. Паймымон шӧдонлыке вал мынам соку…»* ‘Только потом я поняла, что восстала из мертвых. Непонятное предчувствие было у меня тогда…’ [7. С. 170]. Душа в повести Л. Нянькиной тождественна представлениям религиозной философии как нематериальная сущность, которой свойственно сознавать, мыслить, чувствовать и свободно действовать. В повести душа проявляется и как жизнь, и как кровь, и как, собственно, душа. Иная интерпретация *души* связывается с представлениями о том, что после смерти она превращается в птицу. Птица испокон веков и у разных народов связана с небесами, с Богом и потусторонним миром, выступает как заместительница человеческой души: *«Тук-тук-тук! – укноям тылобурдо кокаськемлэсь сайкай. Учкисько но – дыдык. Нош нылы вӧзам ӧвӧл… Мон – со доры. Нош со, ворпоё тылызэ укно дурам куштыса, бурдъёссэ вӧлъяса, вылӥе но вылӥе лобиз. Ышиз… Ваньзэ валай – гурен бӧрдыны кутски. Инбамысь – дыдыкез утчаны»* ‘Тук-тук-тук! – проснулась от птичьего клевка в окно. Смотрю – голубка. А дочери моей нет рядом… Я – к ней. А она, оставив переливающееся перо у окна, расправив крылья, взлетела все выше и выше. Скрылась из виду… Все поняла – начала плакать навзрыд. В небесах – искать голубку взглядом’ [7. С. 175]. Традиционная аналогия «птица – душа человека» интерпретируется у Нянькиной как душа умершего ребенка. Мы сталкиваемся здесь с буквальным,

субстанциональным отождествлением души ребенка и голубя, с превращением героини повести в птицу. Птица у Л. Нянькиной символизирует идеальное начало – бессмертие души.

Божественное и дьявольское (чертовское, бесовское) сосуществуют в повести: *«Мар та, монэн периос шудыны кутскизы-а, мар-а?»* ‘Что такое, неужели со мной черти стали играть?’ [7. С. 142]; *«Жӧк сьӧрам пуксьыса, асме ачим буйгатон понна, сюро чёртъёсты суреданы кутски.* “*Одйг чёрт, кык чёрт, куинь чёрт – трос чёртъёс!*”*»* ‘Усевшись за стол, чтобы успокоить себя, начала рисовать рогатых чертей. “Один чёрт, два чёрта, три чёрта – много чертей”’ [7. С. 144–145]. Современный мир изображается как абсурд (бессмыслица, вывернутый наизнанку), и сама героиня словно лишена разума. Как заметил В. Шибанов, «Мир дезорганизован и в нем царит хаос. …В реальный мир врывается потустороннее мифологическое зло. Хаос предстает как норма, хотя остается вера в идеальный миропорядок. Герой осознает, что свобода страшна» [16].

Мифопоэтика основана на художественно мотивированном обращении к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образной системе и поэтике мифа и обряда. Повесть Л. Нянькиной ориентирована на различные интертексты, маркерами которых выступают жанры, сюжеты, мотивы и герои мифа и фольклора. Внешне благополучная, героиня Л. Нянькиной в молодости совершила искусственное прерывание беременности. Все последующие годы она расплачивается полным одиночеством и угрызениями совести, апофеозом которых является фантасмагорический образ неродившегося, изуродованного абортом дитяти, пришедшего судить свою мать. В то же время это – пересечение пространств и времени. Образы прядей волос (*йырси нюжаос*), «письма счастья» – тоже связующие нити времен, пространств и, возможно, кровного родства: *«Та гожтэт – ортчем но вуоно улонлэн сӥньыс нюжаоссы»* ‘Это письмо – связующая нить прошлого и будущего времени’ [7. С. 132].

Образ таксистки без волос, без бровей и ресниц, «наверное, выжившая после пожара» (рассуждает героиня Л. Нянькиной), напоминает безликого, «мутантного» грешника из ада с непокаянной душой. Но более тесное знакомство героини с таксисткой зарождают чувства кровной связи с ней. Таксистка кажется ей то знакомой, то кого-то напоминает, то порой просто вызывает жалость: *«Со мыным жаль потӥз»* ‘Мне стало жалко ее’ – говорит героиня [7. С. 133]. Или: *«Янгышъёсты писырласа тупатъясько: будто та гожтэтэз мыным азьвыл дышетскисе ыстэм»* ‘Ошибки правлю с улыбкой, словно это письмо написала моя бывшая ученица’ [7. С. 137]. Таксистка-дочь – двойник Звёздочкиной, в котором она узнает себя, свои поступки, поскольку ОНО – часть и кровь Елены и Вадима: *«Котьма ке но, солэн мынектэмез кинэ ке туж зол тодэ вайытэ»* ‘Все равно, ее улыбка мне кого-то напоминает’ [7. С. 144].

Удивительным образом выстраивается пересечение пространств и времени. Кажется, время текло, а читатель перемещался из одного пространства в другое. Но в один момент мы замечаем, что время остановилось: *«Час шоры учки но – со дугдэм, радио но уг вераськы…»* ‘Посмотрела на часы – они остановились, и радио молчит…’ [7. С. 142]. Реальность жизни может замещаться эфемерным

(виртуальным) рестораном, где живут трехглазые существа, калеки, однорукие, одноухие. Кажется, героиня Л. Нянькиной попадает в подземное царство мертвых (или, быть может, в мир нерожденных детей – в грешный мир, сотворенный людьми). Автора характеризует условность формы: реальность сменяется фантасмагорией, часты переходы из одного времени в другое. Пространства обладают взаимоналожением одного на другое, и нет тому точных схематических построений. Мы бы определили его следующим образом: сон во время наркоза → реальная действительность → реальность инобытия → сновидение → повторное погружение в наркозный сон.

В конце повести вырисовывается мысль Христа: самое тяжелое мучение физическое, моральное, голос совести не в аду, а в реальности. В этом состоянии героине дана возможность покаяться. Раскаивающаяся, уставшая от одиночества женщина рада и этому – теперь, заботясь о ребенке-калеке, она омоет свой грех и обретет смысл жизни. Но ее постигает еще более суровое наказание – обретенная надежда покидает ее: ребенок исчезает, превратившись в голубя, а на фоне темного неба остаются параболы, графики, математические формулы и луна в форме вопросительного знака, обращенного к героине.

Обращаясь к традиционным сюжетам, мотивам и жанрам, Л. Нянькина иронически их переосмысливает. Так, жизненный путь Звёздочкиной – путь грешный, в то время как мотив «чудесного рождения» ребенка (назовем условно) – путь перерождения, возрождения. Весь сюжетно-событийный ряд – это сон героини во время наркоза, когда вся чувственная и грешная ее жизнь промелькнула одним кинокадром. Эфемерные (виртуальные/воздушные) мытарства ее являются этапом частного (или Страшного) суда, прохождение через который в православном богословии мыслится как решение судьбы души: *«Нылы? Та суд?»* ‘Девочка моя? Это суд?’ [7. С. 172]. Результат всего – орудие Божьей справедливости.

Характерной особенностью повести Нянькиной является объединение в рамках одного текста стилей, образных мотивов и приемов, заимствованных из арсенала различных эпох, регионов и субкультур; использование аллегорического языка классики и символики древних культур.

Произведения постмодерниста представляют собой игровое пространство, в котором осуществляется свободное движение смыслов. Включив в свою орбиту опыт мировой художественной культуры, постмодернисты сделали это путем шутки, гротеска, пародии, широко используя приемы художественного цитирования, коллажа, повторения. Свободно заимствуя темы, мотивы, приемы из различных художественных систем, постмодернизм уравнивает их в едином мировом культурном пространстве.

Игровая форма нивелирует расстояние между текстом и читателем. Принципиально новая постмодернистская картина мира складывается на основе признания множественности точек зрения, полифонии культурных миров. В мире столько миров, сколько представлений о них, и все они одновременны и равноправны в своем существовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка [CD: Электронный ресурс].

3. *Ермаков Ф. К.* Ма со этнофутуризм? // Вордскем кыл. 2001. № 8. С. 61–71.

4. *Зайцева Т. И.* Современная удмуртская проза (1980–2000-е гг.). Ижевск, 2006.

5. *Зверева Т.* Удмурт поэзиын – выль героиня // Инвожо. 1997. № 3. С. 17–19.

6. *Ильина Н. В.* Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980–1990-х годов. Автореф. … учен. ст. к.ф.н. Чебоксары, 2006.

7. *Нянькина Л. С.* «Ау-ау! яке Инбамысь гожъёс» // Нянькина Л. С. Ваёбыж кар: Веросъёс, повесть. Ижевск, 1996. С. 126–176.

8. *Пантелеева В. Г.* Азькыл // Л. Нянькина. Синучкон. Ижевск, 2004. С. 3–4.

9. *Федорова Л. П.* Лидия Нянькина // Удмурт нылкышно кылбуретлэн тулкымъёсыз. Ижевск, 2007. С. 278–303.

10. *Хузангай А. П.* Этнофутуристические тенденции в современной культуре Урало-Поволжских народов // Национальные традиции в культуре народов Поволжья. Чебоксары, 2003. С. 4–20.

11. *Шибанов В. Л., Кондратьева Н. В.* Черты этнофутуризма и постмодернизма в современной удмуртской литературе // Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития = Удмурт литература XX дауре: будон сюресэз но азинскон örъёсыз: учеб. пособие. Ижевск, 1999. С. 258–289.

12. *Шибанов В. Л.* Современность и этнофутуризм // Движение эпохи – движение литературы / Под. ред. Т. И. Зайцевой и С. Т. Арекеевой. Ижевск, 2002. С. 245–252.

13. *Шибанов В. Л.* Диалог культур и этнофутуризм в современной литературе Поволжья и Приуралья // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всеросс. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 373–375.

14. *Шибанов В. Л.* Этнофутуризм: между архаическим мифом и европейским постмодернизмом // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 5 (1) С. 163–169.

15. *Шибанов В. Л.* Этнофутуризм как современная тенденция в развитии национальных культур Урало-Поволжского региона // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2010. С. 163–171.

16. *Шибанов В.* Этнофутуризм в удмуртской литературе // suri.ee/etnofutu/idnatekst/shibanov_ru.html [Электронный ресурс].

Поступила в редакцию 14.05.2012

A. V. Kamitova

The story of L. Nyankina «Au-Au! or zigzags in the Sky»: about post-modernism in the Udmurt literature

The article deals with the interpretation of L. Nyankina's post-modernistic story «Au-Au! or zigzags in the Sky». The problems of author's consciousness, prevailing images and motifs are examined.

Keywords: post-modernism, the Udmurt literature, myth, intertextuality, sacral, profane.

Камитова Алевтина Васильевна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
г. Ижевск
E-mail: akamitova@mail.ru

Kamitova Alevtina Vasil'evna,
Candidate of Science (Philology), research associate,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: akamitova@mail.ru

УДК 39(470.5)"18/20"

Г. Н. Чагин

ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ СРЕДНЕГО УРАЛА В XIX – НАЧ. XXI ВВ.*

Рассматривается проблема межэтнического взаимодействия на примере миграционных и адаптационных процессов, проходивших на территории Среднего Урала.

Ключевые слова: этнические границы, идентичность, этнокультурное взаимодействие, русские, финно-угры, тюрки.

Пограничье бывает разное – государственное и историко-культурное. Первое из них чаще выстраивается не по этническому признаку, что обусловливается политическими формами объединения территорий и народов. Средний Урал представляет собой этнокультурное пограничье, и с учетом этого фактора открывается возможность по-иному, чем прежде мы делали, оценить материальную и духовную культуру этносов, а в целом увидеть связующую роль пограничья, даже в том случае, если действовали факторы, не всегда способствовавшие интеграции народов.

Средний Урал оказался пограничным регионом по объективным условиям. Здесь стыкуются две части света – Европа и Азия и четыре бассейна рек – Камский, Печорский, Вычегодский, Обь-Иртышский. Горный хребет разделяет Урал на две территории – восточную и западную. Горы здесь пониженные, в отличие от северного и южного Урала. Поэтому по Среднему Уралу пролегли удобные пути для миграции народов [16. С. 8–21, 180–213]. Ранее всего они развернулись по р. Чусовой, берущей начало на восточном Урале и впадающей в р. Каму, а затем по сухопутным дорогам, сначала – Чердынской (Вишерской)-Ивдельской-Лозьвинской, затем – Бабиновской (между реками Кама и Тура) и на позднем этапе – по Сибирскому тракту. По Среднему Уралу прошла дружина Ермака, завоевавшая в 1580-е гг. Сибирское ханство, и с тех пор началась массовая

* Статья написана на основе доклада, прочитанного 22.09.2011 г. на Всероссийском научном симпозиуме «Современная этнология: проблемы трансляции научного знания», посвященном 80-летию УИИЯЛ УрО РАН.

миграция русских и других народов на восточные земли, только что включенные в состав Русского государства [7. С. 13–28].

Актуальность темы, избранной нами, обусловлена тем, что не существует исследований конкретных процессов, развертывавшихся в сфере мобилизации этничности, во взаимосвязи с условиями этнических и природных границ. В данной статье мы только приступаем к интегрированному взгляду. Для более полной разработки темы требуется выявление этнических стереотипов, фактов, символов, ценностей, которые являлись каналами закрепления идентичности в обыденной жизни. Выскажем по теме свои предварительные наблюдения.

Начальный этап формирования современных этносов Среднего Урала приходится на IV–V вв. На верхней Каме, по Чусовой и Сылве, складываются два аборигенных этноса – коми-пермяки и манси. Земли в бассейнах Тулвы, Таныпа, Буя осваивались башкирским племенами (самым крупным было племя *гайнэ*), а с XII в. – волжскими булгарами. На свободных башкирских землях и в поселениях башкир с XVI в. селились казанские татары. Одновременно к башкирам и татарам подселяются марийцы и удмурты [15. С. 50– 55; 18. С. 190–197]. Среди тюркского населения Бардымского района Пермского края сохраняются предания об арах – предках южных удмуртов, которые жили на его территории [1. С. 10– 11; 14. С. 256–282].

Южные территории Среднего Урала, включая и верховья р. Уфы, после разгрома Волжской Булгарии в 1236 г. входят в Золотую Орду, позднее – в Казанское ханство. После завоевания войсками Ивана IV Казанского ханства в 1552 г. поречья тулвинское, сылвенское, иренское, таныпское, буйское, верхнеуфимское становятся частью Русского государства [15. С. 24–26].

На сложной в этническом отношении территории с приходом русских крестьян в XV в. началось формирование новой этнической карты Среднего Урала. Русские переселенцы не только осваивали новые территории, но и создавали базу для развития Русского государства как евразийского. Карта расселения народов, сложившаяся в XVII в., сохраняется до нашего времени.

На раннем этапе русские взаимодействовали с коми-пермяками и манси, а на позднем – с другими финно-уграми (удмуртами, марийцами) и с тюрками южных районов. В ходе расселения русские обустраивали свои поселения не только на свободных землях, но и в местах проживания коми-пермяков, манси, марийцев, удмуртов, татар и башкир. Проявлялась тенденция сближения районов заселения русских и образования достаточно крупных и компактных очагов их расселения: междуречье Камы, Вишеры и Колвы; район Соликамска, Усолья, Орла-городка; побережья Чусовой, Сылвы и Ирени; Ново-Никольская слобода (будущий г. Оса); бассейны Ирени, Сылвы; в Зауралье бассейны Туры, Тагила, Ницы, Нейвы и верховьев Уфы.

На Среднем Урале русские стали численно преобладающим этносом в первой пол. XVII в. Количественное преобладание, компактность в расселении, наличие устойчивых черт в культурном развитии способствовали упрочению этнического единства русских как сельского, так и городского населения.

Многие места проживания русские превратили в развитые земледельческие районы, что другим народам виделось как важнейший источник существования.

Поэтому земледелие очень рано оказалось в поле внимания местных народов. Коми-пермяки стали использовать орудия обработки почвы и уборки урожая русских и выращивать культуры, которых прежде не знали. Наибольшего успеха в этом достигли южные (иньвенские) коми-пермяки. У манси на момент знакомства с русскими преобладали элементы присваивающего хозяйства (охота, рыболовство), вследствие чего земледелие по русскому образцу внедрялось медленно. Серьезный прогресс в земледелии наблюдался у башкир и татар: их хозяйство быстро приобрело производящий характер [2; 10. С. 19–39].

В письменных источниках отражено восприятие русской культуры другими этносами, в частности в таких выражениях: «русские трудолюбивые», «одежда русских добрая», «русские дома теплые», «нас принимают охотно». Подобные наблюдения были закономерны: уровень хозяйственно-культурного развития русских действительно был выше [17].

Русские высоко ценили навыки и черты характера коми-пермяков и манси, например: распознать местонахождение зверей и метко стрелять в них, быстро ходить на лыжах, в короткий срок обустроить в лесу удобное охотничье становье. При этом русские удивлялись тому, что при изобилии пушнины коми-пермяки ограниченно использовали меха для своей одежды. Но вскоре поняли, что это обусловлено мифологическими представлениями народа о том, что в мехах продолжают пребывать духи природы, не всегда положительно воздействующие на человека. Очевидно, русские в это не верили и широко использовали меха для головных уборов и отделки верхней одежды. Впоследствии эта традиция была все же усвоена и аборигенным населением.

Добрососедские отношения сложились у коми-пермяков и русских ввиду однотипности природных условий проживания и исповедания одной православной религии. К тому же, как свидетельствуют примеры, на раннем этапе заключались браки русских первопоселенцев с коми-пермяцкими женщинами и дети от таких браков вливались в среду русского населения. Такие факторы контактов разных этносов с самого начала способствовали интеграции культур при активном проникновении русской культуры в коми-пермяцкую среду. Впоследствии сложилась следующая картина: то, что русские когда-то отдали коми-пермякам, вскоре сами они забыли или отказались под воздействием рыночных отношений и городской среды. Но элементы русской культуры в среде коми-пермяцкого населения заимствовались не повсеместно, а избирательно, и не всегда изменяли исконным навыкам и традициям. Сегодня в этой сложной ситуации не разобраться без знаний истоков элементов культуры и систематизации конкретного материала в двух направлениях: что заимствовано от русских и что заимствовано русскими.

Исключительный интерес представляет этнокультурное взаимодействие русских и обособленных этнических групп коми населения – зюздинцев и язьвинцев, сильно интегрированных в русскую среду [3. С. 16–94; 5. С. 3–23]. Самоидентификация их в большей степени определяется языковым фактором, музыкальным и повествовательным фольклором, мировоззренческими представлениями. Но основным языком стал русский, который приобрел особый оттенок [12. С. 157–167], вобрав в себя фонетические, морфологические особенности

и лексику родного языка. Сложившаяся языковая ситуация, по нашим наблюдениям, будет сохраняться длительное время [19. С. 10–11].

Взаимоотношения русских с тюркскими народами Среднего Урала не всегда были стабильными. Большое влияние оказывала конфессиональная среда (русские православные, башкиры и татары – мусульмане), что не позволяло развивать более тесные контакты. Из сферы хозяйственной жизни русских башкиры и татары допускали больше заимствований, чем из духовной. Примером может быть приуроченность ими некоторых своих обрядов и праздников к датам и периодам православного календаря русских [14. С. 184–208].

Во взаимодействии русских с финно-угорскими группами удмуртов, марийцев, манси результаты контактов показывают такую же избирательность. Духовная культура этносов ориентировалась на сохранение языческих взглядов и природного равновесия. Нивелирование духовных ценностей допускалось в исключительных случаях. Важнейшими факторами, поддерживавшими их этничность, являлись язык и языческое мировоззрение [4]. Удмуртов, например, пытались обратить и в православие, и в мусульманство, но свои жрецы уберегли население от чужой веры, хотя заимствования из башкирской речи удмурты допустили [11. С. 205–219; 13. С. 6–7].

У манси, в отличие от удмуртов, языческая вера не создала серьезного барьера для других верований [8. С. 157–158, 161–176]. Ослабление самоидентификации манси наступило под воздействием дисперсного расселения и малочисленности населения, в связи с переходом к хлебопашеству, заключением браков с русскими и забвением родного языка. Поэтому на этнической карте Среднего Урала манси осталось очень мало [6]. В 2002 г. в Пермском крае проживал 31 чел. манси, причем не в деревнях, а в городской среде, а в Свердловской области – около 150 чел. в деревнях бассейна р. Лозьва [9. С. 7].

Татары верховьев рек Сылвы, Ирени, Уфы на протяжении длительного времени не меняли территории своего проживания. Их населенные пункты не исчезли и все сохранились до нашего времени. Несомненно, такая картина сохранится и в будущем.

На Среднем Урале есть один регион с тюркским населением, где процесс межэтнической интеграции не завершился до нашего времени. Это бассейн Тулвы, входящий в Бардымский район Пермского края. Как уже отмечали, здесь жило башкирское племя *гайнэ*, в которое влились волжские булгары и казанские татары [1. С. 8–11]. Многие башкиры, жители Бардымского района, овладели татарской речью и татарский язык стали признавать родным, хотя в их самосознании сохранилась история происхождения от племени *гайнэ*. По переписи 2002 г. таковых насчитывалось 30 % среди населения названного района. Во многом сложная этнокультурная ситуация исторически обусловлена несколькими факторами – общей этнической экологией, единым вероисповеданием (мусульманством), начальным образованием на татарском языке в медресе, продолжившемся в светской школе, а также разносторонними культурно-образовательными программами, ориентированными на Татарстан, а не на Башкортостан.

Из сказанного следует заключить, что большую роль в сегодняшней этнокультурной картине Среднего Урала сыграли исторически сложившиеся этносы.

В условиях пограничного, тесного проживания этносов, от русских много заимствовали коми-пермяки, в меньшей мере – марийцы, удмурты, татары и башкиры. Показателем этого является традиционная культура и степень распространения русского языка, без которого общение людей было бы невозможно. Наряду с этим русские заимствовали элементы культуры у тех народов, которым передавали свой накопленный опыт, хотя и не в равной степени. Процесс взаимодействия этносов стал одним из путей синтеза этнических культур – традиций, новаций, инноваций.

Чтобы разобраться в сложных путях заимствования культур, необходимо знать истоки элементов культурных явлений, определять их происхождение, а затем систематизировать по ряду направлений. Прежде всего нужно выяснить, что явилось результатом собственного развития этноса, что заимствовано от других этносов и каким было поведение заимствованных традиций: вошли ли они в этнокультуру этноса, который их заимствовал, деформировались ли, изменив ценность и самобытность, развились ли они во взаимодействии с собственными достижениями.

Таким образом, в условиях пограничья наблюдалась в той или иной мере актуализация этничности русских среди других народов, вызванная как престижностью явлений народной культуры, так и осознанием возможности сближения народов через заимствованные черты. Одновременно категориями этничности русских оперировали и нерусские народы.

Поставленную тему мы рассмотрели только на примере этнических маркеров, то есть культурно-бытовой сферы. Она же требует конструктивных решений с охватом системы образования, печати, церкви, общественно-просветительских организаций, причем не обязательно положительных ситуаций, но и критических, а порой и негативных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Башкиры-гайнинцы Пермского края: история, этнография, антропология, этногеномика. Уфа, 2008.

2. *Бикбулатов Н. В.* и др. Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002.

3. *И-в А.[Иванов А. П.]*. Кама-река // Волжский вестник. Казань, 1883.

4. *Климов В. В., Чагин Г. Н.* Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар, 2005.

5. *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

6. *Михалевич С. И.* Хозяева Уральских гор. Пермь, 2009.

7. На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989.

8. На стыке континентов и судеб: этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996. Ч. 1.

9. Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2004.

10. Пермские татары. Казань, 1983.

11. *ПГО-в.* Освящение храма в с. Б. Гондырь // Пермские епархиальные ведомости. 1897. С. 205–219.

12. *Сморгунова Е. М.* Старообрядцы Верхней Язьвы: особая языковая ситуация // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 157–167.

13. *Тезяков Н. И.* Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников // Новое слово. 1896. № 4. С. 6–7.

14. Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты. Пермь, 2004.

15. *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995.

16. *Чагин Г. Н.* Пермский край на перекрестках истории и культуры. Пермь, 2010.

17. *Чагин Г. Н.* Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI в. Екатеринбург, 2011.

18. *Чагин Г. Н.* Тюрки и финно-угры в Сылвенско-Иренском поречье Пермского края во второй половине XVII – начале XVIII века // Актуальные проблемы истории и этнологии: Материалы Всеросс. науч.-практич. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения проф. Р. З. Янгузина и 20-летию образования кафедры истории РБ и этнологии. Уфа, 2011. С. 190–197.

19. *Чагин Г. Н.* Функциональные доминанты языков у коми-язьвинцев в начале XXI века // Лингвистические чтения – 2011. Цикл 7: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. Пермь, 2011.

Поступила в редакцию 17.02.2012

G. N. Chagin

The frontier situations of the peoples` interethnic relations of the Middle Ural in XIX – beginning of XX century

The problem of interethnic relations given in the example of the migration is considered the adaptable process in the Middle Ural.

Keywords: ethnic borders, identity, ethnocultural interaction, Russian, finno-ugry, Turkic peoples.

Чагин Георгий Николаевич,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный университет»
г. Пермь
E-mail: g-chagin@yandex.ru

Chagin Georgij Nikolaevich,
Doctor of Science (History), professor,
Perm` State University
Perm`
E-mail: g-chagin@yandex.ru

УДК 902(470.51)"04/14"

М. Г. Иванова

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА БАССЕЙНА Р. ЧЕПЦЫ: ОСОБЕННОСТИ ТОПОГРАФИИ И ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ*

Представлен обзор сведений о топографии и структуре укрепленных поселений бассейна р. Чепцы, что существенно значимо для историко-культурных реконструкций и усиления аргументации в обосновании их развития в русле процессов градообразования. Материалы городищ, исследованных в последние годы с применением современных методов, подтверждают основные выводы и дополняют их новыми наблюдениями.

Ключевые слова: финно-угры, средневековье, городища, топография, планировка.

Для изучения культурно-исторических процессов финно-угорского средневековья в последние десятилетия существенно значимы материалы укрепленных поселений, открывшие возможности новых подходов к интерпретации многих аспектов жизнедеятельности и культуры населения. Особенное значение имеет исследование поселений в русле градообразовательных процессов.

В конкретизации особенностей развития городищ лесной зоны Восточной Европы существенно важны укрепленные поселения бассейна р. Чепцы – одного из наиболее выразительных регионов с плотной концентрацией разнообразных памятников. Подходы к дифференциации городищ и к оценке роли наиболее крупных из них были намечены еще в кон. XIX в., в первых систематизированных сводах А. А. Спицына [27] и Н. Г. Первухина [20]. В их трудах дается описание почти всех городищ с указанием площади, мощности культурного слоя, стратиграфии, остатков укреплений, перечислением найденных вещей и с подробной легендой о возникновении памятника и о герое удмуртского эпоса, чье имя дало название тому или иному городищу. Особенно важно замечание А. А. Спицына о том, что процесс роста чепецких городищ с двумя валами (Иднакар, Учкакар) аналогичен развитию древнерусских городов [27. С. 73–74]. Не менее интересно и предположение Н. Г. Первухина

* Исследования выполняются при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-11-18001а.

о том, что Иднакар «...по своему положению составляет центр причепецких городищ» [20. С. 66–70].

Перспективы получения обширных источников и возможность их увязки с фольклорно-этнографическими материалами обусловили пристальное внимание к ним исследователей 1920–1930-х гг., когда А. П. Смирновым и С. Г. Матвеевым были предприняты широкие раскопки укрепленных памятников. Сравнительный анализ чепецких городищ по топографии, форме и размерам площадок, по характеру оборонительных сооружений и содержанию слоя позволил А. П. Смирнову дифференцировать их на «феодальные города, протогорода, княжеские замки» [26. С. 37–41]. Впоследствии это направление исследований городищ бассейна р. Чепцы развития не получило, но по материалам синхронных верхнекамских городищ В. А. Оборин наметил динамику развития поселений, перерастающих в XII–XV вв. в ремесленные поселки городского типа, имевшие военно-оборонительное значение (Анюшкар, Рождественское), и в центры феодализирующейся знати (Искорское). Другие городища, по его концепции, утратили свои оборонительные функции и превратились в селища [18, 19]. В. А. Оборин обозначил и четыре племенных территории с центрами на городищах Шудьякар, Кудымкар, Рождественское, Анюшкар [19. С. 132–134].

В 1970–1980-е гг. открылись возможности планомерных исследований поселений широкими площадями и возобновились полевые работы на ряде чепецких (Иднакар, Гурьякар, Весьякар, Поркар), верхнекамских (Верх-Саинское, Шудьякар, Кыласовское Анюшкар, Рождественское), отчасти – вятских (Еманаевское) городищ. В 1990-е гг. на фоне материалов древнерусских городов, а также разработки факторов их формирования и развития [13] вышли в свет монографии по результатам изучения финно-угорских поселений веси (Крутик IX–X вв.) [2] и мери (Сарское городище VIII–XI вв.) [15], в развитии которых исследователи определили признаки двух вариантов развития поселений городского типа: открытых торгово-ремесленных поселков и укрепленных племенных центров.

В 1974 г. Удмуртская археологическая экспедиция начала исследования на городище Иднакар. В первое десятилетие раскопки проводились в охранных целях и были получены исключительно богатые материалы. В 1988 г. особенно важным стало открытие значительного культурного слоя и сооружений между сохранившимися валами, свидетельствующих о его двухчастной структуре. Эти материалы послужили толчком для разработки основной концепции развития поселения и определения верхней границы его функционирования [5]. Более того, исследования внешней части наряду с результатами углубленного изучения других категорий источников позволили рассматривать Иднакар в контексте генезиса древнерусских городов лесной зоны и заметно оживили интерес исследователей к средневековым городищам финно-угорских этнических образований Прикамья и Поволжья.

Последовавшие затем результаты изучения древнерусских, булгарских городов и финно-угорских укрепленных поселений стимулировали дальнейшие изыскания и разработку подходов к интерпретации накопленных материалов. Возникла потребность в оперативном обмене информацией, обсуждению которой

был посвящен ряд полевых симпозиумов на городищах Иднакар (1989; 1999), Анюшкар (1991), Васильсурском (1994), Аламнер (2002) и др.

В последнее десятилетие раскопки укрепленных памятников продолжались, опубликованы новые источники с освещением особенностей их развития (следует назвать серию статей по результатам междисциплинарных исследований городища Иднакар [8, 9, 10], труды с обобщением источников поселений Предкамья [16], Рождественского комплекса на Верхней Каме [1], городища Аламнер на Волге [17]). Обширные публикации источников позволили усилить аргументацию для обоснования их развития в русле процессов градообразования. Тем не менее в раскрытии основных факторов формирования, структуры и этапов развития укрепленных поселений решающими остаются материалы наиболее полно изученного городища Иднакар. За 37 лет исследований этого уникального памятника выявлен характер слоя и сооружений на всех структурных частях памятника, раскрыты особенности и этапы возведения линий обороны, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений. Применение компьютерных технологий на этапах камеральной и научной обработки материалов, а также специализированной методики геофизических измерений (электроразведка), позволило получить новые знания о планировке площадок и выделении стратиграфических периодов функционирования [10. С. 124, 125].

В процессе систематизации и осмысления массива новых источников обозначилась необходимость более детального анализа материалов других городищ бассейна р. Чепцы. В настоящей статье с учетом новых материалов приведен краткий обзор сведений о топографии и структуре укрепленных поселений, поскольку значительная площадь, фортификационные возможности, сложная структура памятника с детинцем и посадом наряду с другими археологически уловимыми критериями и функциями весьма существенны при определении социального облика поселения.

Из известных чепецких городищ 18 отнесены к поломской культуре V–IX вв., остальные (13) – к чепецкой IX–XIII вв. [3]. Ранняя группа укрепленных поселений размещена в основном в верховьях Чепцы, ее притоков и преимущественно на труднодоступных мысах высотой до 40–60 *м*, лишь Поломское I и II, Заболотновское Садейкар занимают низкие мысы. За исключением Поломского II городища Гыркесшур, поселения поломского времени укреплены одним валом и рвом, площадь большинства не превышает 5 тыс. кв. *м*. Для усиления фортификационных возможностей склоны мысов некоторых из них искусственно подрезаны с одной или двух сторон (Гопул гурезь, Карильское, Садейкар, Уканский Поркар, Поркар Карныр). По-видимому, основную часть этих городищ, не имеющих культурного слоя, правомерно рассматривать как убежища. Удаленные от основной водной магистрали, они не имели перспектив для дальнейшего развития. По всей вероятности, Поломское II городище Гыркесшур площадью около 20 тыс. кв. *м*, укрепленное двумя линиями валов и рвов, отстоящими друг от друга на 80 *м*, могло иметь значение племенного центра поломского населения. Вместе с Поломским I Каравалес городищем (площадь около 2 тыс. кв. *м*), двумя селищами и двумя богатейшими могильниками он составляет единый комплекс.

Городища (по удм. ***кар*** – общепермское слово, обозначающее город, городище, гнездо), возведенные в конце I тысячелетия, существенно отличаются. Почти все они до сегодняшнего дня сохранили за собой названия, связанные с богатырским эпосом и содержат в названии имя одного из богатырей, как бы закрепляя его за ним: *Иднакар* – городище Идны, *Дондыкар* – городище Донды и др. Они расположены по берегам Чепцы и ее притоков на мысах между рекой и ручьем, рекой и оврагом или между оврагами вблизи ручья. Топографические особенности мысов предопределили весьма однообразную систему укреплений, состоявших из одной-двух линий валов и рвов, защищавших площадку с напольной стороны. В большей степени они различаются по площади и мощности культурного слоя. Например, городища *Весьякар* и Маловенижский *Поркар*, Сепычкар Малый, имеющие сравнительно небольшую площадь (до 7000 кв. *м*), расположены на высоких мысах, укреплены одним валом и рвом и содержат культурный слой мощностью около 100 *см*. На близких к ним по топографии городищах *Узякар* и *Эбгакар, Чибинькар* – слой невыразителен. Часть городищ с богатым слоем занимает невысокие и слабо укрепленные мысы. Яркий пример такого памятника – Дондыкар, площадь которого составляет около 8,5 тыс. кв. *м*, но культурный слой отмечен и за пределами вала [24. С. 26].

Безусловно, выделяются крупные памятники площадью 20–40 тыс. кв. *м* с мощной системой укреплений из двух-трех линий валов и рвов и наличием слоя между оборонительными линиями (Гурьякар, Иднакар, Учкакар). Соответственно, эти городища отличаются и по структуре, поскольку линии обороны разграничивают площадку поселения. При этом отметим, что визуальные наблюдения не всегда отражают реальную ситуацию. Собственно, три линии валов дуговидной формы просматриваются только на Гурьякаре. Комплексными исследованиями на Иднакаре выявлено, что внутренняя линия утратила свое значение с возведением двух последующих и была выровнена, поэтому с расширением площадки двухчастная структура сохранялась [6. С. 81]. В 2011 г. на Учкакаре геофизическими измерениями установлено, что стрелка мыса была ограничена дугообразным рвом (ширина 6–8 *м*, глубина более 1 *м*), который в настоящее время заполнен гумусированным слоем. На участке, ограниченном этим рвом, культурный слой практически отсутствует, а на фоне «стерильного» грунта фиксируются котлован подпрямоугольной формы размером около 8х18 *м* и несколько небольших локальных ям [10. С. 128]. Для определения их функционального назначения и хронологических границ необходимы археологические раскопки, но полученные материалы позволяют предположить, что первоначально мысовая часть площадки была отграничена этим рвом, впоследствии она могла служить местом наблюдения за окружающей территорией, для отправления культов и др., а средняя и внешняя части со значительным культурным слоем интенсивно функционировали.

Следует отметить крайнюю недостаточность материалов о планировке городищ финно-угорского средневековья, включая чепецкие памятники. Исходя из степени сохранности слоя и задач исследований, раскопки проводились участками, часто не связанными между собой, поэтому в большинстве случаев исследователи располагают источниками об отдельных сооружениях, комплексах,

динамике застройки ограниченных площадей. Кроме того, интерпретация объектов затруднена плохой сохранностью сооружений из дерева, которые в слое поселений лесной зоны почти полностью разрушаются.

Из ранних памятников бассейна р. Чепцы раскопками изучены три. На Варнинском I городище *Карйыл* V–VIII вв. Г. Т. Кондратьевой в 1963 г. траншеей прорезан вал, который оказался целиком земляным, без внутренних деревянных конструкций. У южного края площадки на площади 216 кв. *м* изучены остатки двух прямоугольных жилищ, размеры которых не установлены [12. С. 100–102]. В 1970 и 1973 годах в юго-восточной части на площади 587 кв. *м* В. А. Семенов исследовал комплекс, состоявший из жилого дома и хозяйственных построек, остатки еще одного жилого срубного сооружения с открытым очагом, а также хозяйственные (амбар, хлев?) и производственные (горны) сооружения [23. С. 135].

На Поломском I городище Каравалес VIII – пер. пол. IX в. изучены участки на мысовой части (В. Ф. Генинг и В. Е. Стоянов, 1957) и у восточного склона, близ вала [23. С. 139–144. Рис. 8, 9]. Раскопками установлено, что культурный слой, мощностью 25–70 *см*, состоит из трех прослоек. На городище изучены жилища размерами 11–12×5 *м* с глинобитными очагами, обложенными камнями, и с прямоугольными хозяйственными ямами, хозяйственные сооружения и горн для производства железа.

На Поломском II городище Гыркесшур VI – пер. пол. VIII вв. раскопки проведены на мысовой части. В 1959 г. В. Е. Стояновым вскрыто 284 кв. *м*, в 1972 г. В. А. Семеновым – 180 кв. *м*. В культурном слое мощностью до 50–60 *см* выделены 2 горизонта напластований, выявлены следы 5 жилых сооружений с глинобитными очагами и хозяйственными ямами, изучены остатки производственных сооружений (горны) и хозяйственных построек типа амбара и сарая для скота, а также культовое сооружение [23. С. 126–139. Рис. 1, 2, 3].

На городище *Весьякар* IX–XII вв. в 1957–1958 гг. В. А. Семеновым на восточном краю площадки на площади 306 кв. *м* вскрыты 2 жилища, производственное и хозяйственное сооружения, очаги, горны; прослежено размещение сооружений по горизонтам, выполнена графическая реконструкция жилища [22. Рис. 6]. В 1982 г. М. Г. Ивановой на юго-западной части на площади 378 кв. *м* изучены 2 производственных сооружения, очаги и ямы.

На Маловенижском городище *Поркар* X–XIII вв. в 1970–1971 гг. В. А. Семеновым на площади 423 кв. *м* на восточной и южной частях площадки исследованы жилое и хозяйственное сооружения, ямы, очаг-горн. В северо-восточной части, возле вала выявлены остатки культового места в виде глиняной вымостки 3х3,2 *м* с кострищем и скоплением кальцинированных костей и золы [21].

На городище *Дондыкар* (*Карйыл*) X–XIII вв. в 1926–1927 гг. А. П. Смирновым выявлены оборонительный вал шириной в основании 5 *м*, сооруженный из глины и укрепленный с внутренней стороны бревнами, оборонительный тын из бревен по краю площадки, изучены 19 жилых домов с очагами, хозяйственные постройки (сараи, кладовки, ямы, колодец), остатки гончарной и железоделательной мастерских [24].

На Гординском I городище *Гурьякар* IX–XIII (XIV ?) вв. в 1979 г. М. Г. Ивановой на мысовой части памятника на площади 288 кв. *м* изучено 5 жилищ, расположенных

в ряд вдоль мыса. В культурном слое, который в этой части достигает 170 *см*, выделены 2 горизонта [4].

На основе представленного краткого обзора видно, что о планировке памятников судить сложно, хотя мощный слой на площадках, насыщенный орудиями труда и предметами быта, свидетельствует об интенсивном функционировании памятников на протяжении нескольких веков.

В этом отношении принципиально отличаются материалы городища Иднакар. Систематические раскопки большими площадями выявили, что жилые сооружения располагались не совсем четкими рядами, идущими вдоль площадки городища от мысовой части к валу. Детальный анализ содержания культурных напластований и выделение на компьютерной карте археологического разреза отдельных слоев, их устойчивых сочетаний, относящихся к конкретным объектам, позволили определить последовательность изменения параметров отдельных объектов, комплексов сооружений, выявить пять уровней планировки, соответствующих стратиграфическим периодам функционирования [10. С. 125]. Рядовую застройку в определенной степени подтверждают материалы городища Гурьякар [4. Рис. 5].

Для расширения знаний о планировке еще одного близкого по структуре поселения на Кушманском городище Учкакар в 2011–2012 гг. проведены специальные исследования. С применением комплексной методики малоглубинной электроразведки (электропрофилирование и электротомография) полностью изучена внутренняя площадка (около 6900 кв. *м*). На территории, расположенной между выявленным рвом и внутренней линией укреплений с мощным культурным слоем (до 1,5 *м*), определено не менее 16 сооружений подпрямоугольной формы, расположенных в 4 ряда и ориентированных параллельно внутреннему валу [10. С. 128. Рис. 7].

Последующие раскопки одного из них с использованием методов выборки слоя, фиксации и обработки артефактов, разработанных и используемых в последнее десятилетие при раскопках городища Иднакар, подтвердили прогноз – в центре раскопа была обнаружена глинобитная конструкция со следами долговременного воздействия огня. Вокруг фиксировались очаги, сложенные из песчаника, заполненные золой, крупные скопления костей животных, возможно, заготовленных в качестве сырья для изготовления различных изделий. Многочисленные орудия труда, украшения, костяные и металлические изделия, бусины из цветного стекла, извлеченные из слоев, дополнили общую картину.

Важный момент с точки зрения реконструкции планировки Кушманского городища Учкакар состоит в том, что площадки сооружений, расположенные вдоль вала, значительно мощнее, больше по площади и ориентированы перпендикулярно валу. Необходимо заметить, что аналогичная ситуация наблюдалась и при раскопках внутренней структурной части городища Иднакар. Наиболее важными итогами начального этапа изучения Кушманского городища Учкакар является выявление ранее не известной структурной части поселения, принципиально отличающейся по характеру культурных напластований, и реконструкция планировки внутренней части поселения в целом. Изучение городища подтвердило идентичность его структуры и динамики развития Иднакару [10. С. 128].

А эталоны геофизических аномалий, ранее наработанные исследовательским коллективом при изучении городищ Иднакар и Учкакар, могут быть использованы для реконструкции планировки и других памятников.

По форме площадок, топографии, характеру культурного слоя, сооружений и вещевого комплекса чепецким городищам Иднакар, Учкакар и Гурьякар очень близки Анюшкар на Верхней Каме и Елабужское – на Средней. Анюшкар уступает Иднакару в площади, высоте мыса и мощности оборонительных сооружений, но по динамике развития с расширением площади за пределы внутреннего вала, утратившего свое значение, и по наличию слоя за вторым валом они аналогичны (Ленц, 2000). Рождественский комплекс X–XIII вв. на Верхней Каме, ассоциируемый с древней Афкулой, по структуре отличается от вышеназванных мысовых городищ Прикамья прямоугольной планировкой укрепленных частей, но его материалы во многом близки иднакарским и, безусловно, отражают динамику развития прикамских поселений в русле градообразовательных процессов [1].

Таким образом, краткий обзор материалов чепецких городищ, на которых раскопками изучены небольшие участки, показывает, что использование их в качестве источников для реконструкции планировки весьма проблематично. На этом фоне особенно усиливается значимость материалов городищ Иднакар и Учкакар, исследованных в последние годы с применением новых методов. Полученные материалы в целом подтверждают основные выводы о постепенном расширении застройки площадок крупных укрепленных поселений и дополняют их новыми наблюдениями. Дальнейшие комплексные исследования на городищах Учкакар и Гурьякар, охваченных археологическими раскопками в меньшей степени, могут представить новые интересные источники для изучения планировки площадок и обоснования социального облика поселений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008.

2. *Голубева Л. А., Кочкуркина С. И.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX – X вв.). Петрозаводск. 1991.

3. *Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск, 2004.

4. *Иванова М. Г.* Городище Гурья-кар: результаты исследований 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 3–26.

5. *Иванова М. Г.* Городище Иднакар IX–XIII вв.: Материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск. 1995. С. 4–55.

6. *Иванова М. Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.

7. *Иванова М. Г.* Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 93–106.

8. *Иванова М. Г., Журбин И. В.* Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 68–79.

9. *Иванова М. Г.* Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв.: новые результаты и перспективы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. С. 171–181.

10. *Иванова М. Г., Журбин И. В.* Междисциплинарные исследования археологических памятников Камско-Вятского региона: некоторые итоги и задачи // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. Вып. 2 (10). С. 120–130.

11. *Кондратьева Г. Т.* Некоторые древние городища северных районов Удмуртской АССР (к этногенезу северных удмуртов) // Учен. зап. Моск. обл. пединститута им. Н. К. Крупской. 1967. Т. 198. Вып. 3. С. 147–162.

12. *Кондратьева Г. Т., Стоянов В. Е.* Археологические работы на р. Чепце // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып. 2. С. 100–106.

13. *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.

14. *Ленц Г. Т.* Исследования Кыласовского комплекса археологических памятников // Российская археология: Достижения XX и перспективы XXI в.: Материалы науч. конф. Ижевск, 2000. С. 328–332.

15. *Леонтьев А. Е.* Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси). М. 1996.

16. *Нигамаев А. З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Казань, 2005.

17. *Никитина Т. Б., Михеева А. И.* Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола, 2006.

18. *Оборин В. А*. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII вв. Иркутск, 1990.

19. *Оборин В. А.* Формирование этнической территории древних коми-пермяков // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 124–139.

20. *Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 2. М., 1896.

21. *Семенов В. А.* Маловенижское городище Пор-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 27–51.

22. *Семенов В. А.* Городище Весья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 48–77.

23. *Семенов В. А.* Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений в VI–первой половине IX вв. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С. 119–157.

24. *Смирнов А. П.* Донды-Карское городище // Труды Научного общества по изучению Вотского края. 1928. Вып. 4. С. 26–61.

25. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 28.

26. *Смирнов А. П.* Финские феодальные города // На удмуртские темы / Ученые записки НИИ народов Советского Востока. М., 1931. Вып. 2. С. 36–75.

27. *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 1. М., 1893.

Поступила в редакцию 21.03.2012

M. G. Ivanova

Medieval settlements of the Cheptsa river basin: characteristics of the topography and planning structure

The article represents the review about topography and structure of the fortified settlements of the Cheptsa river basin. They have an essential value for historical and cultural reconstructions and strengthen the researchers' arguments in studying the processes of hail formation. The latest archeological materials confirm the main conclusions and supplement them with new observations.

Keywords: Finno-Ugric peoples, Medieval, ancient settlements, topography, planning structure.

Иванова Маргарита Григорьевна,
доктор исторических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
г. Ижевск
E-mail: adm@ni.udm.ru

Ivanova Margarita Grigorievna,
Doctor of Science (History), professor,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: adm@ni.udm.ru

УДК 94(470.51)"17/18"

Н. В. Пислегин

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УДМУРТИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД*

Освещаются особенности развития народного образования на территории «удмуртских» уездов Вятской губернии в дореформенную эпоху. Его итогом стала сложившаяся к сер. XIX в. система начальных и профессиональных школ различной ведомственной принадлежности.

Ключевые слова: народное образование, Удмуртия, училище, школа, грамота, система обучения, ремесло.

Истоки народного образования в нашем крае относятся к периоду его присоединения к Российскому государству. Выдающаяся роль в деле расширения грамотности принадлежала церкви. Не меньшее значение в просвещении, по справедливому замечанию крупнейшего исследователя истории Удмуртии эпохи феодализма М. В. Гришкиной, имели насущные требования жизни. Постоянные контакты с представителями центральной и местной администрации, укреплявшиеся экономические связи с другими регионами страны, наконец, необходимость общения с русскими соседями определяли необходимость изучения русского языка, освоения русской письменности. В трудах М. В. Гришкиной, основанных на источниках XVII–XVIII вв., названы имена первых грамотных удмуртов: толмач И. С. Вотяков, дьяк С. Г. Сандырев, депутат Уложенной комиссии Б. Иванов, приказчик А. Кайсин, писцы пугачевских повстанческих отрядов Дмитрий и Семен Ивановы. К концу XVIII в. этот перечень был уже довольно велик. Обучение, как правило, велось «на дому» либо в немногочисленных учебных заведениях, функционировавших за пределами территорий компактного проживания удмуртов. После 1735 г. стали появляться так называемые новокрещенские школы [1].

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12–П–6–1009 «Социальная динамика российской периферии: традиции и инновации (XV–XX вв.)».

Первым «системным» учебным заведением на территории нашего края стало Сарапульское малое народное училище (ведомства приказа общественного призрения, открыто в 1790 г.). В первое время общая численность учащихся не превышала 30 человек. Это были дети мещан, купцов и крестьян, представлявших в данном учебном заведении, в отличие от других вятских училищ, особенно многочисленную прослойку, достигавшую иногда 60 %. С 1790 по 1800 год преподаванием в учебном заведении занимались выходцы из духовенства: А. Костров и первый вятский историк А. Вештомов, переведенный впоследствии в Вятское главное народное училище [2].

По данным С.А. Нурминского, Сарапульское училище располагалось в небольшом деревянном общественном доме при Вознесенском соборе в центре города. Помещение состояло из одной комнаты и принадлежало удельным крестьянам, пожертвовавшим его училищу [3]. Исследователями отмечалось равнодушие жителей к учебным заведениям, которое, в свою очередь, «парализовало труды учителей и их усердие к службе» [4].

Определенное представление об успехах образования в нач. XIX в. дают сведения, собранные земскими исправниками в 1806 г. Тогда в 27 волостях Глазовского уезда всего пять волостных голов могли читать и писать, на весь Елабужский уезд официально был зарегистрирован 91 грамотный крестьянин, в Глазовском таковых насчитывалось 362. Относительной редкостью являлось проживание 10 и более обученных чтению и письму в одном месте. Встречались целые волости без единого грамотного человека (например, Лумпунская волость Глазовского уезда) [5]. В Копкинской волости того же уезда был один грамотный – 25-летний некрещеный удмурт Алексей Никитин из поч. Зязег, в Селтинской – 7, в их числе 3 некрещеных и 1 крещеный удмурт. Среди 17 грамотных Юберевской волости числились 11 крещеных бесермян и 5 удмуртов-новокрещен, среди пятерых умеющих читать и писать в Починошной волости – 1 крещеный и 1 некрещеный бесермянин и 3 татарина, в соседней Балезинской волости 14 из 15 грамотных были крещеными удмуртами. В Елабужском уезде русскую грамоту знали один старокрещеный 16-летний татарин на всю Еловскую волость и 10 удмуртов-новокрещен [6].

В соответствии с реформами нач. XIX в. постепенно претерпевала изменения и система образования. В частности, в нашем крае стали появляться приходские и уездные училища ведомства Министерства просвещения [7]. Первым уездным училищем Вятской губернии стало Елабужское, торжественно распахнувшее свои двери 25 июля 1809 г. В 1817 г. подобные учебные заведения были открыты в Сарапуле (приходское и уездное) и Глазове (приходское). В 1821 г. при Елабужском уездном училище вместо приходского появился «приготовительный класс». В декабре 1827 г. открылись Глазовское уездное и Малмыжское приходское училища. С 1808 г. в эти учебные заведения стали направляться сыновья крестьян «в видах приготовления к писарским должностям». Число учащихся в сравнении с предыдущим этапом выросло значительно, но оставалось явно недостаточным. Так, в 1828 г. в уездных училищах губернии обучались 295, в приходских – 560 человек. Число выпускников было еще более незначительным: в 1814 г. Елабужское уездное училище окончили только четыре человека,

к 1828 г. общее их число достигло 55 (в 1819 г. из 19 – 2); в Сарапуле эта цифра составила 38 (в 1819 г. из 32 – 3) [8].

Актуальным на сегодняшний день выглядит замечание С. А. Нурминского о том, что учебные планы училищ были составлены «не на основании жизненной практики, а по иностранным образцам… французских одноклассных и двухклассных начальных школ» [9]. С 1838 г. в Сарапульском училище применялась белл-ланкастерская система [10]. В середине 1850-х гг. в каждом из уездных городов насчитывалось по одному уездному и одному приходскому училищу. Учителями и учащимися в них были только мужчины. В Малмыжском уездном училище в 1856 г. шесть учителей обучали 39 учеников, Елабужском – соответственно 7 и 48, Сарапульском – 5 и 47, Глазовском – 4 и 31 (всего 22 учителя и 165 учащихся); в приходских училищах этих городов на 226 учеников приходилось 6 преподавателей. Тогда же в трех городах (Елабуга, Сарапул и Глазов) 344 мальчика при 19 учителях занимались в относительно недавно открытых духовных уездных училищах, например, Елабужском, первые учебные занятия в котором состоялись в 1849 г. [11]. В 1864 г. в Елабуге также функционировало женское училище 2-го разряда [12].

В рассматриваемый период продолжало бытовать обучение «на дому». Например, в 1812 г. в Сарапуле 8 учителей таким образом занимались с 23 мальчиками и 13 девочками, в Елабуге 6 педагогов учили 35 мальчиков и 6 девочек [13]. Преподаванием в поселке Воткинского завода в 1835 г. занималась дочь мастерового Каленова. В 1836 г. вдове коллежского протоколиста Дарье Степановой было разрешено учить чтению и письму «благородных девиц» [14]. В 1853 г. в Воткинском заводе при доме отставного унтер-шихтмейстера И.Т. Воскобойникова обучались чтению и письму мальчики [15].

Возможно, на основе школы Д. Степановой возникло первое в нашем крае учебное заведение для девочек (1841 г.), содержавшееся за счет заводского бюджета. В программу, рассчитанную на 4 года обучения, входили чтение, чистописание, основы рукоделия, садоводства, огородного хозяйства. Учились ежегодно до 50 дочерей мелких чиновников, унтер-шихтмейстеров и мастеров [16]. Женское учебное заведение, первоначально существовавшее в качестве опытного, с 1847 г. стало действовать на постоянной основе [17].

Обучением грамоте довольно активно занимались и старообрядцы. Например, в 1861 г. мастеровому Воткинского завода К.С. Крапивину было предъявлено обвинение в обучении грамоте малолетних детей. Выяснилось, что сам он занимался со своей дочерью Прасковьей, а его 16-летний сын Василий обучал «по вере своей» (поморское согласие) двух мальчиков и девочку 10–12 лет [18].

В документах рассматриваемого периода, касающихся татар, часто встречаются «старотатарские» подписи. По всей видимости, грамотность среди них в сравнении с другими народами была более высокой. Преподаванием занимались при мечетях, указные муллы могли получать за эту деятельность государственные награды. Так, 3 марта 1866 г. инспектор оружейных заводов ходатайствовал перед Оренбургским магометанским духовным собранием о награждении имама-ахуна Ижевской мечети Мухаммед-Садыка Галиакберова серебряной медалью на станиславской ленте за «отлично усердное исполнение им обязанности ахуна

и за преподавание грамоты на татарском языке». По некоторым данным, школа для детей ижевских мастеровых из татар была открыта в 1844 г. [19]. В 1862 г. в ней насчитывалось 60 учеников, обучавшихся под руководством одного учителя [20]. В 1861 г. началось строительство для нее отдельного здания.

В 1831 г. три училища в д. Агрызи находились на содержании купцов; в д. Иж-Бобье школа содержалась общиной, всего в этих учебных заведениях обучались 94 мальчика. В Елабужском уезде татарские школы действовали в 12 селениях, в них муллы обучали 421 мальчика и 292 девочек [21]. В Глазовском уезде в 1830 г. при каждой из трех мечетей были организованы мектебе: в д. Убытской могли учиться 20 человек, в Починошной – 30, Кестыме – 150 [22]. В 1864 г. в Вятской губернии насчитывалось 83 «магометанских» школ [23].

Первоначальной целью в деле крестьянского просвещения была подготовка писарей из детей крестьян для местных органов власти. Обыденным явлением стало содержание сельскими писцами мальчиков для обучения «грамоте и канцелярскому порядку» [24]. Участие «коронной администрации» до 30–40-х гг. XIX в. здесь, скорее всего, было минимальным. Назовем, к примеру, предписание министра финансов от 25 января 1833 г. о так называемом сверхсметном частном сборе по 8 ¼ коп. с ревизской души на подготовку по Вятской губернии в волостные писари 484 мальчиков [25].

Со вт. пол. 1830-х гг. стали создаваться приходские училища ведомств удельного и государственных имуществ. Их значимость в деле народного образования была весьма существенной. Преподавательские кадры в подавляющей массе здесь составляло духовенство. По замечанию П.Н. Луппова, в большинстве случаев учреждение приходского училища ведомства государственных имуществ после 1842 г. означало не что иное, как переименование домашних школ обучения, открытых духовенством [26].

Дети удельных крестьян в течение 6 лет обучались в образованном в 1833 г. Петербургском земледельческом училище, принявшем в год открытия 250 человек из всех удельных контор страны [27], а также в ремесленном училище и школе конюхов в удельной слободе Кукарка. В 1842–1852 гг. в каждом удельном приказе Вятской губернии стало функционировать по одному сельскому училищу. Помимо этого, «закону Божию, счетоводству и (делопроизводственному. – *Н. П.*) письму» в особых писарских школах обучали священники и приказные писари. Переписка об открытии таких школ продолжалась в течение 1828–1840 гг. Постепенно в писарские школы стали поступать окончившие сельское училище. В 1844 г. здесь училось до 450 мальчиков из семей вятских удельных крестьян, 33 из которых содержались «на счет мирских обществ сбором на этот предмет 745 руб. 69 ¾ коп., а прочие самими поселянами» [28]. Четырехлетнее и более длительное обучение оплачивалось общинами: с каждой ревизской души собиралось по 1 $^{3}/_{7}$ коп., на каждого ученика первоначально приходилось 78 руб. 69 $^{5}/_{7}$ коп. в год, с августа 1844 г. – 40 руб. Учащемуся полагались азям, овчинный тулуп, нижнее белье, сапоги, шапки, рукавицы, фуражка, шерстяные чулки, кушак. Верхнюю одежду старались унифицировать в единой цветовой (зеленой) гамме. Большинство из учеников полного курса освоить не могли, многие уходили из школы по болезни и «расстроенному здоровью», как-то – по «неуспешности

и негодности» к должности приказного писаря, последние могли назначаться писцами при сельских сборщиках податей. При каждом приказе обычно ежегодно обучались три человека в возрасте от 12 до 18 лет. В удельном ведомстве существовали также школы сельских мерщиков при землемере удельной конторы, строителей при удельном архитекторе, фельдшерских учеников при удельном медике, повивальных бабок, оспопрививателей и ветеринарных учеников [29].

В ведомстве государственных крестьян, как отмечено выше, еще в январе 1833 г. последовало предписание министра финансов о подготовке крестьянских мальчиков к писарским постам «по случаю затруднений, встречаемых в приискании из казенных поселян людей, способных к занятию должностей волостных писарей». 25 мая казенная палата приказала волостным правлениям выбрать 12–15-летних кандидатов. Сбор, в среднем 8 ¼ коп. с души (разброс по волостям составил от 4 до 15 коп.), предполагал осуществление годового содержания учеников на сумму в 100 руб. в год в губернском училище для детей канцелярских служителей и в уездных училищах. В число избранных по Вятской губернии вошли 49 кандидатов из Глазовского, 29 – Елабужского, 51 – Малмыжского и 26 – Сарапульского уездов (32 % от общего набора). Однако конечной реализации данное предписание не получило – возникли сложности, в первую очередь, с нехваткой предполагаемой суммы для обучения и содержания не только в губернском, но и уездных городах (согласно сметам городничих, она всегда превышала 200 руб.).

В 1838 г. последовало циркулярное отношение П. Д. Киселева, главы недавно образованного Министерства государственных имуществ, губернаторам «о помещении крестьянских мальчиков в учение к священникам». Обучение детей казенных крестьян теперь поручалось «благонадежным» священникам (первоначально не более 9 на одного, с зимним 6 или 7-месячным обучением). В 1840 г. издержки на каждого учащегося определялись Вятской палатой государственных имуществ в размере 45 руб. 71 $^{3}/_{7}$ коп. серебром (28 руб. 57 $^{1}/_{7}$ коп. – «на пищу с помещением и одежду», 17 руб. 14 $^{2}/_{7}$ коп. – «на плату священнику за обучение каждого мальчика и наем помещений для училищ, если таковые окажутся нужными, и на книги и учебные пособия») [30].

С 1844 г. в училища стали допускаться девочки. К 1860 г. в сс. Юкаменском, Уни, Укан, Святицком, Порез, Елово, Люк и др. для них открылись отдельные училища. В 1845 г. на территории края действовало 40 школ для казенных крестьян, в них учились 1107 детей, около 70 % из которых были удмуртами. К 1850-м гг. на территории современной Удмуртии работало 80 школ, открытых и контролируемых различными ведомствами, главным образом, ведомством государственных имуществ; в них обучалось 4100 детей [31]. Помимо этого функционировали фельдшерское и ветеринарное училища, а также «до 300 крестьянских мальчиков обучаются межеванию, сельскому хозяйству, разным ремеслам и искусствам», в том числе и за пределами Вятской губернии [32]. В 1849 г. был «приведен в исполнение» приказ П. Д. Киселева относительно «отдачи 20 мальчиков вотского племени к ремеслам русским» [33].

С 1846 г. под Казанью начала действовать Северо-восточная учебная ферма ведомства Министерства государственных имуществ, которая обязывалась «иметь

влияние на усовершенствование земледелия и вообще сельского хозяйства в губерниях Казанской, Вятской, Пермской, Нижегородской и Костромской». В нее принимались дети государственных и крепостных крестьян в возрасте 17–20 лет «здорового телосложения, без всяких телесных недостатков», умеющие читать и писать [34]. Плата за обучение первых составляла 50 руб. сер. и вторых – 60 руб. сер. в год; эти деньги собирались с самих крестьянских обществ. В течение четырех лет дети обучались закону божию, чтению и письму, основам арифметики, земледелия и ветеринарии, «обязанности государственных поселян, изложенным в высочайше утвержденном полицейском уставе», а также обеспечению функционирования земледелия и животноводства на ферме [35].

Первоначально из Вятской губернии на Северо-восточную ферму были направлены 8 юношей, в их числе – удмурт д. Кычинской Дизминского сельского общества Нижнеуканской волости Глазовского уезда Савва Петров Дементьев, до этого с успехом завершивший двухгодичное обучение в Уканском приходском училище и решивший продолжить образование вопреки воле своего отца. Этот выбор не был случаен: в своем докладе от 17 июня 1846 г. управляющему палатой государственных имуществ глазовский окружной начальник «почтительнейше присовокупляет», что он старался найти желающего именно из удмуртов, «чтобы впоследствии его примером можно облегчить развитие усовершенствованного сельского хозяйства в этом племени как далеко отставшем от русских крестьян» [36]. В следующем году еще четверо уроженцев «удмуртских» уездов Вятской губернии (по одному из Сарапульского и Елабужского уездов и двое – из Малмыжского) были направлены на Северо-восточную ферму, на которой тогда обучался 21 представитель Вятской губернии. 16 сентября 1850 г. управляющий фермой титулярный советник Гориборг поставил в известность Вятскую палату государственных имуществ, что «по неполному устройству Казанской учебной фермы воспитанники… не могли еще приобрести всех тех знаний, которые требуются при выпуске их, а потому и оставлены еще на 1 год» [37]. В последующие годы в числе воспитанников Северо-восточной фермы также были представители Глазовского, Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов [38].

В 1847 г. управляющий Вятской палаты государственных имуществ А. Д. Игнатьев писал: «Несмотря на некоторые недостатки и нередко встречающиеся затруднения, грамотность и религиозное воспитание, видимо, распространяются между поселянами… не говоря о русских, многие школы наполнены мальчиками из племен вотского, черемисского и татарского, и между ними есть дети идолопоклонников» [39]. Заметим, что в значительной степени и в пер. пол. XIX в. образование нерусских народов рассматривалось как один из методов утверждения их в официальном православии [40].

По замыслам правительства, важную лепту в развитие сельскохозяйственных знаний должны были внести образцовые усадьбы удельного и казенного ведомств. Первым помощником здесь также выступало духовенство. В декабре 1848 г. глазовский окружной начальник писал благочинному И. Стефанову: «Зная Вас как просвещенного любителя сельского хозяйства, я уверен, что Вы не откажетесь примером, опытами и советом содействовать скорейшему между государственными поселянами развитию сельскохозяйственных метод

усовершенствований и нововведений и пригласить к тому же вверенных Вашему благочинию священников… На настоящее прошение покорнейше прошу не оставить сообщить мне Ваш отзыв с списком тем священникам, которые изъявят желание споспешествовать развитию сельского хозяйства» [41]. Из уезда таких желающих набралось 14, для многих из них искомое обещание «содействовать» обусловливалось возможностью получить во владение дополнительный участок земли. Например, был такой отзыв: «Ныне же изъявляю полную готовность заняться хлебопашеством с травосеянием, если за неимением пашенной земли будет отдана десятина, назначенная ранее для посева картофеля и находящаяся в ближайшем от села месте» [42]. В своем отчете за 1849 г. председатель Вятской палаты государственных имуществ писал: «Нужно отдать справедливость некоторым образцовым земледельцам и священникам, особенно в Глазовском округе, которые, следуя делаемым им указаниям на поприще улучшения сельского хозяйства, вспомоществуют местному управлению в распространении улучшений по части хлебопашества» [43].

В 1864 г. в Глазовском уезде насчитывалось 24 сельских училища, Малмыжском – 11, Сарапульском – 31 (включая заводские школы), в Елабужском уезде в 1865 г. – 15 [44].

Общее состояние образования среди непременных работников, живших в окрестностях Ижевского и Воткинского заводов, в целом незначительно отличалось от такового у государственных крестьян. Основной целью существовавших школ была подготовка кадров для органов местного самоуправления, включая и контролеров, следивших за выполнением заводских работ.

Заводские школы явили особую страницу в системе образования в нашем крае. Практические шаги по их организации связаны с именем А. Ф. Дерябина. При Воткинском заводе в 1807 г. была открыта двухклассная малая горная школа. Ее учителями стали два священнослужителя, первый набор составили 32 ученика [45]. В учебную программу вошли обучение чтению и письму, черчение и рисование, закон божий, желательным считалось изучение латыни; предполагалось дать основы сведений о «должностях гражданина и человека». Позже обязанности учителя рисования совмещали обычно заводские художники или архитекторы, все остальные должности занимали служители культа, которые к сер. XIX в. оставались в основном преподавателями закона божьего [46]. Учащиеся имели хлебное и денежное содержание. В 1812 г. в школе открылся класс нотного пения, с перерывами функционировал «латинский» класс. С 1815 г. по причине ветхости здания начались перерывы в обучении в зимнее время. Новое помещение школа получит в 1822 г. С 1812 г. в нее стали допускаться дети непременных работников, отдельная школа для которых будет открыта в 1827 г. в д. Перевозной [47]. В нач. 1840-х гг. четверо детей непременных работников Воткинского завода обучались в Марьинской сельскохозяйственной школе в Подмосковье, после закрытия которой продолжили учебу в образцовой усадьбе Каракулинского приказа [48].

В 1848 г. в Воткинске было открыто окружное училище, имевшее целью «доставить некоторое высшее образования» детям «нижних чинов», подготовить их к должностям писцов, цеховых учеников, чертежников, школьных учителей

и др. При нем проходили аттестацию дети чиновников, получивших домашнее образование. Наиболее отличившиеся ученики окружного училища могли продолжить учебу в Екатеринбурге, в Уральском горном училище, открытом весной 1853 г. Основной контингент учащихся в воткинских школах составляли дети мастеровых. После 1853 г. обязательными стало обучение навыкам заводской работы, для практики к учащимся прикреплялись опытные мастеровые [49]. В 1860 г. в заводской школе и окружном училище обучались 397 мальчиков (70 % 7–12-летних), в школе для девочек – 53 ученицы (7 %) [50].

На Ижевском заводе при А.Ф. Дерябине была открыта главная горная школа для подготовки будущих студентов Петербургского горного кадетского корпуса, а также квалифицированных специалистов среднего звена – для заводского производства. Просуществовала она недолго (1808–1809), взамен ей с 6 октября 1809 г. при Горном кадетском корпусе (с 1833 г. – Горный институт, с 1834 г. – Институт Корпуса горных инженеров) учреждался пансионат для 50 детей чиновников уральских заводов [51]. В 1825 г. школу для детей мастеровых посещало 99 человек, в 1826 г. – 98; в трех сельских образовательных заведениях учились 88 детей непременных работников [52].

В 1834 г. при Ижевском заводе имелось 5 школ, три из которых были открыты в 1820-е гг. (в сс. Гольяны, Юськи и Завьялово) для детей крестьян, записанных во вспомогательную категорию заводского населения [53]. Обучением («грамота, катехизис и четыре правила арифметики») 24–30 мальчиков в каждой из них занимались священнослужители. Они же составляли основу педагогического контингента в самом поселении Ижевского завода, где функционировали открытая в 1831 г. школа для детей чиновников (аналог уездного училища) [54] с правом обучения детей приказнослужителей и мастеровых, а также оружейная школа для детей мастеровых (или школа арсенальных учеников), действовавшая в 1827–1867 гг. В последней в течение 4 лет преподавали чтение, катехизис, закон божий, священную историю, «четыре правила арифметики». По всей видимости, в 1827 г. произошла «специализация» школы для детей мастеровых, начавшей с этого времени готовить так называемых браковщиков оружия для нужд страны.

По мнению инспектировавшего Ижевский завод в 1834 г. гвардии полковника И. М. Бакунина, заводское начальство не обращало должного внимания на эти учебные заведения [55]. В 1837 г. в первой из школ обучались 10 человек (в 1849 г. – 22), во второй – 20 (в 1849 г. – до 347 [56]). Основная масса обучаемых (отметим, за казенный счет) впоследствии занимала различные канцелярские должности.

Определенное внимание на заводах уделялось обучению и повышению квалификации в других образовательных центрах империи. Так, в 1837 г. три мальчика находились на курсах «механического искусства» при Тульском оружейном заводе. Часть учащихся отправлялась в горную техническую школу в Петербурге, где для уральских заводов с 1839 г. ежегодно выделялось 13 мест, два из которых принадлежали Воткинскому заводу. В 1839–1841 гг. трое мастеровых Ижевского завода обучались литейному искусству на Петербургском Александровском литейном заводе. В 1844 г. семерых ижевских кантонистов

предполагалось отправить на обучение в Петербургский технологический институт (теоретическая и практическая механика и гидравлика, модельное и токарное искусства) и ремесленные заведения Москвы (мебельное ремесло, работа с бронзой). Дети заводского начальства, иногда и простых мастеровых, обучались также в Академии художеств, Медико-хирургической академии, Петербургском батальоне военных кантонистов, Пробирном училище, Горной технической школе при вышеупомянутом технологическом институте, Вятской и Казанской семинариях. В 1859 г. три человека из Воткинского завода были командированы в Горный институт, пять – на монетный двор, семь – на механическую фабрику и три – на каменные работы и обучение топографии (Екатеринбург), четверо – на Петровский завод для изучения особенностей пудлингования, двое находились на Нижегородской машинной фабрике, еще двое – на Серебрянском заводе и, наконец, один воткинец обучался в горной технической школе. Имели место и зарубежные повышения квалификации. Помимо необходимых собственно в заводском производстве умений осуществлялось обучение и в других областях – лесоводстве, ветеринарии, медицине и др. [57]. К 1861 г. в Ижевском заводе появилась также школа для дочерей оружейников [58].

Еще одним способом подготовки специалистов для заводов было профессиональное обучение у иностранных и русских мастеров. На Ижевском и Воткинском заводах так учили навыкам работы по камню и металлу, резьбе по дереву, кузнечному, слесарному, токарному, литейному ремеслам, переплетному искусству, часовому, ювелирному делу и др. [59]. Освоение рекрутами или детьми мастеровых той или иной специальности начиналось с цехового ученичества. На заводах получали профессиональные навыки войсковые ученики и военнослужащие. Традиционным для Ижевского завода являлось обучение так называемых полковых учеников, в перспективе – будущих оружейных специалистов в воинских частях. В 1836–1842 гг. сюда и в другие промышленные центры страны для обучения ремеслам направляли башкирских мальчиков, избранных для этой цели кантонными начальниками в основном из сирот или больших бедных семей. В Воткинском заводе в 1854 г. кузнечному и токарному искусству учились 20 кантонистов морского ведомства. Многие мастеровые, выслужив положенные 25 лет, оставались на производстве для подготовки смены [60].

Истоки медицинского образования в нашем крае можно найти в упомянутом выше классе латинского языка Воткинской малой горной школы. По ее окончании ученики, знавшие латынь, принимались на должности лекарских учеников – своеобразных помощников врачей (составление и отпуск лекарств, сбор лекарственных трав и т.д.) [61]. К 1820-м гг. перед занятием должностей они стали обучаться в специальной школе при Воткинском заводском госпитале.

Видную роль в развитии медицинского образования сыграл старший врач этого госпиталя Сильвестр Федорович Тучемский, который долгие годы возглавлял школу лекарских учеников, переняв своеобразную эстафету у своего предшественника И.Т. Воскобойникова. В пригоспитальную школу набирались отличившиеся учащиеся Воткинской горной школы. Некоторые из лекарских учеников достигали значительных успехов: они могли безошибочно понимать

записи на латыни, составлять нужные лекарства по рецептам. Лучшие лекарские ученики обучались в Медико-хирургической академии. В 1834 г. инспектором Вятской учебной управы стал Л. Морозов, начинавший свое медицинское образование в Воткинске. При С. Ф. Тучемском в школе была начата также подготовка повивальных бабок. Первыми в 1826 г. курс обучения прошли вдовы мастеровых И. Волкова, П. Плотникова, М. Щетникова.

В кон. 1820-х – 1830-е гг. С. Ф. Тучемский подготовил для удельного ведомства 19 фельдшеров, за что был удостоен ордена Святой Анны 3-й степени и бриллиантового перстня. По мнению врача Вятского удельного имения Машковцева, образцовое знание необходимого для фельдшера уровня лекарского искусства удачно сочеталось в нем с хорошим знанием характера, привычек, поверий местных крестьян. Это имело огромное значение для завоевания доверия к профессиональной медицине [62]. В 1842 г. С. Ф. Тучемский обратился к председателю Вятской палаты государственных имуществ А. Д. Игнатьеву с предложением основать в Воткинском заводе лечебницу, основной целью которой было бы лечение «глазных болезней» удмуртов, а также обучить на фельдшеров мальчиков 15–18 лет из государственных крестьян [63]. Со вт. пол. 1844 г. по апрель 1848 г. 20 мальчиков в возрасте от 12 до 17 лет, помимо непосредственно фельдшерского ремесла, преподаваемого С. Ф. Тучемским, обучались священнослужителями В. Блиновым и А. Сергеевым закону божьему, русской и латинской грамматике «безвозмездно… надеясь на внимание правительства к трудам их» [64]. Ученики С. Ф. Тучемского после окончания учебы были испытаны в Вятской врачебной управе, пятеро из них были определены младшими фельдшерами в родных уездах, остальные «состоят также в своих округах в распоряжении окружных начальников и употребляются под непосредственным руководством местных уездных врачей… в видах научения их практике» [65].

18 августа 1831 г. было утверждено положение Комитета министров о мерах для распространения оспопрививания в казенных селениях, согласно которому из каждой волости, а по желанию крестьян и из каждого сельского общества следовало «назначить мирским приговором по одному неспособному на будущее время в рекруты, но имеющему потребные умственные качества взрослому мальчику из семейств, кои изъявят на то согласие, а в противном случае по мирскому выбору, и отправить таковых… для обучения оспопрививанию». Планировалось годичное обучение, в течение которого общества должны были обеспечивать учеников едой, одеждой, жильем и исправлять за них все подати и повинности. После окончания курсов предполагалось «учеников возвращать в их семейства, поставив им в обязанность без всякой платы прививать оспу в волости или обществе, на счет коих обучены, всем крестьянским детям, а равномерно обучать сему и других желающих, за чем волостные головы и сельские начальники должны иметь бдительное наблюдение»; они освобождались от натуральных повинностей, имели право получения от крестьян бесплатных подвод и квартир; заведение инструментов для прививок также лежало на «мирских» расходах [66]. Оспопрививатели для крестьян готовились уездными врачами, профессиональный уровень таких учеников из-за небольшого срока обучения

оставался крайне низким, что усугублялось недоверием к прививкам крестьян, особенно старообрядцев.

Подводя итоги, заметим, что, с одной стороны, сложно говорить о значительных успехах образования на территории нашего края в дореформенный период, вместе с тем, непосредственные истоки мероприятий и, соответственно, достижений земского периода были заложены именно в то время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гришкина М. В.* О распространении грамотности среди удмуртов в XVII–XVIII веках // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 69–74.

2. Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. 2. С. 619, 662–663; *Мосин А. Г.* Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII – середине XIX в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 142.

3. Столетие Вятской губернии… Т. 2. С. 668–669.

4. См., например: Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 149. Л. 26об.–27.

5. *Мосин А. Г.* Указ. соч. С. 143–144. Возможно также, что по некоторым волостям не было подано сведений.

6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 109. Л. 24–26, 28–29об.

7. Следующими ступенями образования выступали гимназии и университеты. В рассматриваемый период на территории нашего края они отсутствовали.

8. Столетие Вятской губернии… Т. 2. С. 679, 681–682, 685, 691, 695, 697.

9. Там же. С. 701.

10. Там же. С. 707–708.

11. Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Вятка, 1857. С. 198–199; Елабужское духовное училище (г. Елабуга) // http://www.kazeparhia.ru/temples/blagochinia/elabygskii/tkduhuch. Дата обращения – 05.03.2012 г.

12. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 годы. Вятка, 1866. Отд. 3. С. 79.

13. Столетие Вятской губернии… Т. 2. С. 713.

14. *Гришкина М. В.* Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ и подготовка кадров специалистов в первой половине XIX века // Вопросы истории культуры Удмуртии. Сб. статей. Ижевск, 1984. С. 8.

15. *Васина Т. А.* Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. С. 119.

16. *Гришкина М. В.* Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ… С. 8, 10, 12.

17. *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 116.

18. Там же. С. 119.

19. *Мәрданов Р. Ф.* Иж шәһәре татарлары тарихыннан. Казан, 2006. С. 70, 259.

20. *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 111.

21. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С. 218.

22. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С. 483.

23. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 годы... Отд. 3. С. 80.

24. ГАКО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1201. Л. 17–17об.

25. Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. 2. С. 413.

26. Там же. С. 390.

27. *Половинкин Н. С.* Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С. 171.

28. В 1856 г. в 12 сельских училищах удельного ведомства Вятской губернии 30 учителей занимались с 446 мальчиками, в Кукарском ремесленном училище двое преподавателей обучали 20 учеников (См.: Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год... С. 199).

29. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 148. Л. 2–4, 6–6об.; Вятские губернские ведомости (далее ВГВ). 1844. № 32. С. 180.

30. ГАКО. Ф. 582. Оп. 81а. Д. 96. Л. 1–11, 30об.–36, 43об.–52, 64–71об., 76, 129, 130об., 132–132об., 138, 139, 186, 189.

31. История Удмуртии... С. 218.

32. ВГВ. 1847. № 4. С. 20.

33. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14г. Д. 16. Л. 25об.–26.

34. «Впрочем, на первый раз, за недостатком таких знающих, допускается прием и безграмотных» (ВГВ. 1847. №47. С.316). Возрастные рамки в последующем также могли нарушаться в сторону уменьшения: в 1851 г. на Казанскую учебную ферму были приняты два малмыжца – «Михайло Мокеев Санников, Усадской волости Матвеевского сельского общества с. Кулыг, православного исповедания, от роду 16 лет, неграмотный… и Федор Григорьев, Сизнерской волости д. Малой Старой Кушкет, вероисповедания православного, из вотского племени, …имел 16 лет, читать и писать знал» (См.: ГАКО. Ф. 575. Оп. 8. Д. 1804. Л. 205–205об.).

35. ВГВ. 1847. № 47. С. 316–317; ГАКО. Ф. 575. Оп. 8. Д. 1804. Л. 1–2.

36. ГАКО. Ф. 575. Оп. 8. Д. 1804. Л. 3, 17–18.

37. Там же. Л. 167, 186.

38. ГАКО. Ф. 575. Оп. 8. Д. 1804. Л. 224, 228–228об., 255; Оп. 38. Д. 194; Д. 248. Л. 10, 101об.

39. ВГВ. 1847. № 4. С. 19–20.

40. *Таймасов Л. А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С. 280.

41. ЦГА УР. Ф. 195. Оп. 1. Д. 11. Л. 1об.

42. Там же. Л. 11–12.

43. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14г. Д. 16. Л. 23об.

44. *Мосин А. Г.* Указ. соч. С. 148.

45. Численность учащихся в 1817–1827 гг. обычно превышала 100 человек в учебный год, далее было уменьшение, качественный рывок произошел после 1833 г., в 1830–1850-е гг. число учеников горной школы варьировалось от 319 до 468, пик пришелся на начало 1840-х гг. Такое резкое увеличение М. В. Гришкина объясняет применяемой в обучении ланкастерской системой.

46. Подобная эволюция, по всей видимости, происходила со всеми образовательными учреждениями городов и крупных заводских поселений.

47. В 1855 г. появилась школа для детей урочных (бывших непременных) работников в с. Июльском (См.: *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 116). В 1856 г. здесь учились 45 мальчиков. На 1857 г. чиновник В. Короваев, составитель первых «Памятных книжек Вятской губернии», приводит данные только по Июльской школе, поскольку школа в Перевозном сгорела (См.: Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год... С. 200; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8080. Л. 21–22).

48. *Гришкина М. В.* Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ… С. 18.

49. Там же. С. 4, 7–16, 22; *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 113, 119, 123, 129.

50. *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 121.

51. *Гришкина М. В.* Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ... С. 4–5; *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 125.

52. *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 111.

53. Согласно Т. А. Васиной, три школы для детей непременных работников были открыты наряду с главной горной школой (т.е. в 1808 г.): «В соответствии с "Уставом сельским училищам" учебные заведения в селах Завьялово, Гольяны и Юськи считались отделениями Ижевской заводской (главной горной) школы, расположенными в округе для удобства обучения». Курс обучения длился в них 2 года, а для детей удмуртов, не знавших русского языка, – 4 года (См.: *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 108–109).

54. Проект такой школы был утвержден в 1829 г. Есть версия, что работу она начала работать в 1830 г. (См.: *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 110).

55. *Гришкина М. В.* Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ… С. 8; Ижевск: документы и материалы, 1760–2010. Ижевск, 2010. С. 116–117, 827.

56. В Ижевске в это время в начальном обучении также применялась белл-ланкастерская система, позволявшая значительно увеличить число учеников, разумеется, в ущерб качеству.

57. Ижевск: документы и материалы… С. 127, 139, 151; *Гришкина М. В.* Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ… С. 16, 18–20; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 205. Л. 660; *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 127–129, 132.

58. См. подробнее: *Гришкина М. В.* Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ… С. 17.

59. *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 111, 130.

60. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 50. Л. 195–195об.; Д. 40. Л. 478об.; *Басырова С. Г.* Школьное обучение в межконфессиональном взаимодействии народов Южного Урала в первой половине XIX в. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 2. Казань, 2011. С. 78; *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 130–131.

61. *Васина Т. А.* Указ. соч. С. 133.

62. *Сысоева М. В.* Из истории развития здравоохранения в Удмуртии в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории культуры Удмуртии... С. 30–31; ГАКО. Ф. 575. Оп. 38. Д. 106. Л. 102об.–104об.; Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее ЦГА УР). Ф. 239. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–22.

63. ГАКО. Ф. 575. Оп. 21. Д. 80. Л. 52–54.

64. ГАКО. Ф. 575. Оп. 38. Д. 106. Л. 39, 80–82, 287.

65. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14г. Д. 16. Л. 188.

66. Столетие Вятской губернии… Т. 2. С. 406–407.

Поступила в редакцию 14.04.2012

N. V. Pislegin

Public education of the pre-reform period in Udmurtia

The article describes features of the development of public education in «Udmurt» counties (ujezd) of Vyatka Province before the Great reforms. As a result by the middle of the 19th century it was the system of primary and professional schools of various departments.

Keywords: popular education, Udmurtia, school, ability to read and write (literacy), «four rules of arithmetic», Act of God, system of education, craft.

Пислегин Николай Викторович,
кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
г. Ижевск
E-mail: cpeg@rambler.ru

Pislegin Nikolay Viktorovich,
Candidate of Science (History), associate professor, research associate,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: cpeg@rambler.ru

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

УДК 7.036(470.51)(093.3)

П. В. Ёлкин

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО АЛЬБОМА...

Мне посчастливилось повидать множество стран на разных континентах Земли. Как правило, я всегда возвращался обогащенный впечатлениями, с множеством рисунков и этюдов. Недавняя поездка в США не была исключением.

Я уже побывал однажды в этой стране и познакомился с некоторыми людьми. Но понять, тем более изобразить Соединенные Штаты, нелегко. Но тогда я *больше пытался* делать пейзажные зарисовки. Во второй приезд в моем американском альбоме появилось более ста портретов очень разных людей – разного цвета кожи, различных религиозных взглядов и профессий, молодых и пожилых. Мне хотелось бы не только показать читателям и любителям искусства мои рисунки, но и рассказать о своих встречах с нашими соотечественниками, по разным причинам оказавшихся в США. Еще живя в СССР, в России, они состоялись как интересные личности, а некоторые успели внести свой вклад не только в российскую науку и культуру, но и в мировую.

Таких людей я встретил в Бостоне – столице штата Массачусетс, где познакомился с семейной парой. Он – Александр Хаимович Горфункель, доктор философских наук, его супруга – Роза Михайловна Коваль, искусствовед, художница, член Международного Союза историков искусств и художественных критиков. Тридцать лет проработала она в Эрмитаже, автор книги «Русский Север: Кириллов. Ферапонтово» и многочисленных статей по декоративно-прикладному искусству. И сейчас в Америке она занимается керамикой, пишет статьи об искусстве.

Они приехали в США из Санкт-Петербурга, где Александр Хаимович работал в архивах, в Государственной публичной библиотеке, заведовал отделом редких книг и рукописей научной библиотеки ЛГУ. Автор более трехсот научных работ, в том числе монографий: «Джордано Бруно», «Томмазо Кампанелла», «Гуманизм и натурфилософия итальянского возрождения», «Философия эпохи возрождения», «Неотчужденная ценность». Им написаны рассказы о книжных раритетах университетской библиотеки. Переводчик с латинского и итальянского языков произведений мыслителей Средневековья

и Возрождения. Александр Хаимович – составитель девяти каталогов редких книг. В 1992 г., по рекомендации академика Д. С. Лихачева, был избран членом-корреспондентом РАН.

По приезде в США А. Х. Горфункель был принят в центр Российской истории при Гарвардском университете, где сейчас занимается изучением жизни и творчества русского философа и поэта XVII в. Яна-Андрея Белобоцкого.

Познакомился я с ними неожиданно. Однажды, занимаясь в библиотеке, я услышал беседу об искусстве эпохи Возрождения на русском языке. Я тут же подошел и представился, что я художник из России, из Удмуртии. Они не только удивились, но и, как я заметил, обрадовались. Тем более, что Александр Хаимович, оказывается, во время войны вместе с матерью и сестрой были эвакуированы в Удмуртию и несколько лет жили в Глазове. Там он, молодой еще человек, застал стариков, помнивших В. Г. Короленко и чрезвычайно почитавших его за участие в Мултанском процессе, выступая в печати и на суде в защиту удмуртских крестьян, ложно обвиненных в совершении «ритуального убийства». Интересно и то, что отец Александра Хаимовича, занимаясь литературным творчеством, первые свои опыты посылал В. Г. Короленко и получил от него письмо с положительным отзывом (впоследствии передал его наследникам писателя).

Я с ними подружился, написал их портреты, оставил им цветные ксерокопии. Они были благодарны.

Я обратился к ним с просьбой найти в Бостоне телефон и адрес сына Сергея Есенина. К моей радости, Александр Хаимович был знаком с сыном Сергея Есенина и Надежды Давыдовны Вольпин. Он дал мне телефон Александра Есенина-Вольпина, предупредив, что он человек сложный и хорошо, если согласится на встречу. Но мне повезло. Александр Сергеевич доброжелательно отнесся к моей просьбе и позволил нарисовать свой портрет. Встреча была теплой и интересной. Рисунок получился удачный. Александр Сергеевич написал на листе, что «портрет удивительно ясный».

Во время беседы, узнав, что я из Ижевска, он вспомнил, что его мать до войны дважды побывала в нашем городе, в 1938 и 1941 гг. – по командировке Союза писателей России для решения оргвопросов в Союзе писателей Удмуртии. После пребывания в Удмуртии Надежда Вольпин перевела на русский язык пьесу Игнатия Гаврилова «Камит Усманов». Кстати, об Александре Сергеевиче и его матери писал в своей книге о Сергее Есенине и Николай Васильевич Витрук, мой большой друг из Москвы.

На память А. С. Есенину-Вольпину я оставил факсимильную копию его портрета. Он был рад и благодарен, о чем написал прямо на моем рисунке.

Сын Сергея Есенина – профессиональный математик, кандидат наук, занимается сложными научными проблемами. Но, как говорят, «гены шалят» – он еще и стихи сочиняет. Мне наизусть прочел несколько своих стихотворений. Конечно, встреча незабываема и останется в памяти на всю жизнь.

Мой альбом продолжал пополняться портретами американцев, обогащались и мои впечатления. Занимаясь и рисуя в Бостонской библиотеке, я с удивлением рассматривал реалистические портреты исторических личностей и пейзажи Америки, украшающие стены и интерьеры. Абстрактных работ там не было.

Обстановка очень спокойная, деловая. Меня удивил открытый доступ в фонды библиотеки. Каждый посетитель может получить очень дорогие книги из любой области знаний: искусства, литературы, науки... Может не только смотреть, знакомиться с этими книгами, но и по записи взять любую из них домой на определенный срок.

Несколько раз я посетил православную церковь. Прихожан много. Службу вел настоятель отец Патрик. Меня с ним познакомили, и мне даже удалось сделать его портрет. При церкви работает приходская детская школа, где особое внимание уделяется эстетическому воспитанию. Девиз школы, как сообщил мне отец Патрик, незатейлив – «Красота спасет мир».

Бостон славен и гордится богатейшим музеем изящных искусств. В частности, там находится самое большое собрание французских импрессионистов. Мне посчастливилось увидеть огромную выставку трех титанов Возрождения – Тициана, Веронезе и Тинторетто – из разных музеев мира. Интерес американцев к искусству огромен, посетителей в музее очень много.

Отмечу неподдельный интерес американцев к реалистическому рисунку. Где бы я ни рисовал и кого бы я ни просил позировать мне, все с удовольствием соглашались. А появившемуся радовались, как дети, благодарили; а некоторые желали свои портреты и приобрести.

Но при виде того, как в книжных магазинах и музеях представлена наша литература и искусство, в душе возникало грустное чувство. Мало что можно увидеть о России. Американцы очень мало знают о нашей культуре, и в то же время при общении с ними я чувствовал, что они хотят знать больше. Ведь не зря говорят – в мире нет границ только между культурными пространствами. Очень надеюсь, что и мои рисунки послужат сближению людей, помогут нам лучше узнать друг друга.

Но какой бы интересной и разнообразной ни была Америка, родина тянет, как магнит. Я всегда с радостью возвращаюсь домой, с еще большим пристрастием пишу свои родные просторы, с обостренным чувством ощущаю самобытность моего народа.

Ёлкин Пётр Васильевич,
Заслуженный художник России, Народный художник Удмуртии
г. Ижевск
E-mail: rvkir@mail.ru

Yolkin Peter Vasilyevich,
Russia`s honored artist, Udmurtia`s people's artist
Izhevsk
E-mail: rvkir@mail.ru

УДК 551.435.162(470.51)

И. И. Рысин

ЭРОЗИОННО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЛАНДШАФТЫ УДМУРТИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

После краткого анализа понятия о ландшафте и его взаимосвязи с этносом рассматриваются ландшафты Удмуртии, обусловленные развитием овражной эрозии. Охарактеризованы основные разновидности оврагов. Впервые отмечаются их положительные функции. В зависимости от густоты и плотности овражного расчленения и интенсивности их развития проведено районирование территории.

Ключевые слова: ландшафт, этнос, эрозионный (овражный) ландшафт, типы оврагов, районирование.

Понятие о ландшафтах – одна из наиболее сложных проблем географии. Приведем несколько его определений, сформулированных в разное время отечественными и зарубежными авторами.

Согласно А. Г. Исаченко [1], ландшафт – генетически единая геосистема, однородная по зональным и азональным признакам и заключающая в себе специфический набор сопряженных локальных геосистем.

«Однородный участок поверхности суши, окаймленный естественными границами, в пределах которых природные компоненты (горные породы, рельеф, климат, воды, почвы, растительность, животный мир) образуют взамосвязанное и взаимообусловленное единство» [2].

Ландшафт – это мозаика ареалов различных экосистем, организованных в сложные паттерны (комбинации) разных масштабов [3].

Каким же образом происходит взаимодействие природного ландшафта и человеческой деятельности (этноса)? Влияют ли особенности окружающего ландшафта на развитие этноса? Как развитие тех или иных этносов изменяют ландшафты? В свое время, благодаря работам сначала Ш. Монтескьё, затем – А. Гумбольдта, К. Риттера, П. А. Ровинского, еще позднее – Д. П. Марша, разработавшего идею гармонии человека и природы, в том числе экологически безопасного вторжения хозяйства в природную среду, эта концепция получила

широкое распространение [4]. Существенный вклад в разработку проблемы внес И. Тэн [5], давший прекрасные описания характерных черт народов в связи с природными условиями их жизнедеятельности.

Как пишет А. Р. Буйнова [6], у каждого этноса есть исторически комфортный, комплементарный ему ландшафт, в значительной степени влияющий на территориальные структуры его расселения. Другой известный ученый геоморфолог отмечает, что представления о «надлежащем» ландшафте, которое вырабатывалось на протяжении веков, часто само начинало навязывать народу много привычек и представлений, касавшихся форм расселения и архитектуры, которые воспринимались им как психологически комфортные, ценные, прекрасные и даже сакральные: «Человеческие сообщества, сформированные на протяжении столетий определенным ландшафтом, в дальнейшем не только выбирают местожительство в соответствии с выработавшимся у них представлением о прекрасном в морфологическом ландшафте, но и стремятся усилить это прекрасное, как бы доделать или подчеркнуть его» [7. С. 144]. Далее он пишет: «А нередко ландшафт как бы подсказывает человеку хозяйственные решения. Кружева узких полей-террас на крутых склонах Непальских Гималаев не только ласкают взор своим рисунком, но проявляют повышенную устойчивость к быстродействующим склоновым процессам. Характерный рисунок горных склонов повторяется контурами полей-террас таким образом, что природное и техногенное в морфологическом ландшафте создают единый ансамбль» [7. С. 145].

В свое время Л. Н. Гумилев поднял очень важный вопрос о «месторазвитии» этносов. С его точки зрения, месторазвитиями являются пространства, в пределах которых сочетаются два и более ландшафта: «Монотонные ландшафты с однородным этническим заполнением и объединяющей людей традицией, воплощенной в формы политических институтов, – это массивы, которые на относительно слабые толчки реагируют очень мало. Зато при сочетании ландшафтов неизбежно и сочетание разных способов хозяйства» [8. С. 324].

Человеческая деятельность вносит новый характер в упорядоченность территорий, и, по причине необратимости, если даже человек оставляет эту территорию, следы его деятельности, трансформируясь, продолжают существовать на протяжении длительного времени. Опытный глаз ландшафтоведа сразу видит эти следы. А если определенный участок поверхности используется для оседлой жизни, он начинает нести на себе выраженный отпечаток хозяйственной деятельности.

На территории Удмуртской Республики следствием длительной земледельческой деятельности населения являются эрозионно-обусловленные ландшафты, наиболее характерные для южной половины территории, в наибольшей степени освоенной в сельскохозяйственном отношении. Эрозионные ландшафты представлены повсюду, где в результате распашки или перевыпаса скота с поверхности уничтожен естественный растительный покров. Изменение пахотных земель начинается с поверхностной или плоскостной (струйчатой) эрозии, следствием чего является уменьшение поверхностного (гумусового) горизонта почвы или его полное отсутствие. Впоследствии на распахиваемых склонах появляются заметные неглубокие линейные формы рельефа (промоины), которые со временем могут превратиться в овраги. С их появлением окружающий селитебный (или

сельскохозяйственный) ландшафт заметно преобразуется. Эти формы рельефа заметно выделяются в окружающем ландшафте и всегда обращают на себя внимание человека, поскольку изменяются на его глазах.

В последние годы возрос интерес к изучению овражных комплексов, возникших в условиях как сельскохозяйственных, так и техногенных ландшафтов.

Наиболее простым и научно обоснованным является деление всех оврагов по их происхождению – на естественные и антропогенные. Появление естественных оврагов вызывается целым рядом природных процессов: боковая эрозия рек, оползни, карст, суффозия, катастрофические ливни и др., – нарушающих целостность почвенно-растительного покрова.

Антропогенные же овраги являются следствием прежде всего хозяйственной деятельности человека. По характеру воздействия факторов в этой группе оврагов обычно выделяют несколько подгрупп:

1) ***агрогенные,*** образующиеся при нарушении естественных условий на водосборе (уничтожение растительности, распашка, усиленное обводнение территории и т.п.);

2) возникающие искусственно на водосборах, созданных новыми линиями стока – разъемными бороздами на пашне, скотопрогонными тропами, межеванием, обвалованием; сюда включаются и придорожные овраги, разрушающие кюветы и полотно дорог;

3) чисто ***техногенные*** овраги, вызванные стоком промышленных вод при добычных и строительных работах, сбросных вод предприятий, прорывов различных трубопроводов [9].

В зависимости от положения в рельефе республики нами выделены основные разновидности оврагов [10]: **первичные** (*придолинные*, *прибалочные*, *приводораздельные*) и **вторичные** (*донные*, *вершинные*, *пойменные*).

Первичные (склоновые) овраги закладываются на склонах различных форм рельефа (речных долин, балок, холмов, увалов и т.п.), первоначально не имеющих четко выраженных стокоподводящих ложбин.

Придолинные овраги приурочены к крутым и покатым склонам речных долин, они обычно короткие, не выходящие вершиной за бровку склона (Рис. 1). По внешнему виду они близки к промоинам, но отличаются от них более глубоким эрозионным врезом. Такой тип оврагов часто встречается на правом коренном склоне долины Камы.

Прибалочные овраги возникают на склонах балок, суходолов, реже – лощин (Рис. 2). Они приурочены не только к крутым, но и к пологим склонам, сложенным мощной толщей делювиально-солифлюкционных суглинков. В отличие от придолинных, конуса выноса в них почти всегда отсутствуют. Прибалочные овраги обычно тоже короткие.

Приводораздельные овраги распространены по различным элементам рельефа (за исключением склонов речных долин, балок и их днищ), и их водосборы достигают ближайших водоразделов (Рис. 3). На длинных склонах они образуют сложный комплекс овражных или овражно-балочных систем.

Вторичные овраги развиваются по днищам отчетливо выраженных в рельефе линейных эрозионных форм (ложбин, лощин, балок, суходолов и др.).

В зависимости от места размыва среди них можно выделить донные, вершинные и пойменные.

Донные овраги закладываются на днище древних эрозионных форм в их средней и нижней части. При вскрытии горизонтов подземных вод активность их роста значительно возрастает. При вершине донных оврагов обычно образуется водобойный колодец с эрозионным котлом (Рис. 4).

Вершинные овраги приурочены к верховьям древних эрозионных форм, поэтому они имеют относительно меньший водосбор, чем донные. Стокоподводящими путями служат самые верхние звенья древней и современной эрозионной сети. В вершинах этих оврагов обычно вскрываются коренные породы (Рис. 5), устойчивые к размыву, поэтому растут они медленнее донных.

Пойменные овраги, как правило, встречаются на поймах речных долин. Импульсом для их развития служат русловой размыв высокого берегового уступа и наличие стокоподводящей ложбины на пойме. Рост их очень быстрый, иногда – катастрофический. Они обычно короткие (десятки метров), глубина вреза зависит от высоты поймы (2–5 *м*), поперечный профиль V-образный или каньонообразный (Рис. 6).

Среди **техногенных** оврагов, как нам кажется, логичнее выделить четыре подгруппы: «придорожные», «промышленно-стоковые», «селитебные» и «урбаногенные».

Придорожные овраги следует относить именно к техногенным, поскольку при строительстве шоссейных и грунтовых дорог используется большое количество различной техники, а также перемещаются огромные объемы грунта и других строительных материалов, в следствие чего происходит техногенное изменение рельефа и, соответственно, водосборов. Возникает искусственное перераспределение стока во вновь образованных водосборных бассейнах и появление овражных форм (Рис. 7).

Промышленно-стоковые овраги встречаются в меньшей степени. Связано это с более локальным размещением объектов, имеющих сток промышленных вод. К тому же, как отмечено выше, образование таких оврагов провоцируется нарушением правил выпуска сточных промышленных вод с территории объекта без учета особенностей рельефа окружающей местности. Образование оврагов данной группы приурочено к промышленным участкам, расположенным за пределами городской застройки, то есть главной причиной их развития, помимо природных факторов, является сток производственных вод. В качестве примера можно привести участки по добыче нефти и полезных ископаемых (карьеры), строительные площадки, места прорывов трубопроводов (Рис. 8) и т.п.

Урбаногенные (или *городские*) овраги, согласно С. Н. Ковалеву [11], составляют отдельную группу, как следствие процессов и явлений, присущих только городским территориям (высокий коэффициент стока, большой процент заасфальтированной площади, выпуск ливневых вод на склонах речных долин и др.).

Селитебные овраги, в отличие от урбаногенных, приурочены к сельским населенным пунктам или к деревням (Рис. 9), в пределах которых население усугубляют концентрацию стока вдоль улиц, межевых борозд приусадебных участков, скотопрогонных троп на склонах и др.

Существующие методы борьбы с оврагами могли бы обеспечить успешное решение данной проблемы. Но все упирается в вопрос об экономической целесообразности проведения противоэрозионных мероприятий. В республике известны лишь единичные примеры удачной борьбы с оврагами и гораздо чаще – неудавшиеся попытки обуздать это явление (Рис. 10). Среди населения борьба с оврагами обычно заключается в сбрасывании в них бытового и строительного мусора, разного рода отходов, в том числе – токсичных.

Судя даже по названию, овраги всегда были объектом негативного отношения со стороны человека. Об экономическом ущербе, который они наносят сельскому хозяйству, существует обширная литература. Овраги стали неотъемлемой частью окружающего ландшафта. Может быть, есть смысл найти у них и положительные черты?

Во-первых, овраги увеличивают расчлененность земной поверхности, повышая ее разнообразие и иногда даже создавая эстетическую привлекательность. Нередко мы видим их на полотнах известных живописцев или встречаем описания на страницах художественных произведений.

Во-вторых, овраги служат надежными убежищами для редких видов флоры и фауны, выполняя роль экологических коридоров или ниш. Часто благодаря оврагам сохраняется биологическое разнообразие видов данной местности, особенно в условиях практически полностью окультуренных лесостепных и степных ландшафтов.

В-третьих, обнажая геологические слои, овраги служат объектами научного познания горных пород: особенностей их залегания, мощности, останков окаменелостей, минералогического и химического состава и других свойств.

В-четвертых, овраги вскрывают верхние водоносные горизонты и являются местом рождения многих родников, а также малых и больших рек!

На основе анализа карт густоты и плотности овражной сети проведено районирование территории УР по развитию овражной эрозии [10]. На первом этапе выделяется семь типологических районов, различающихся по степени овражного расчленения территории (Рис. 11):

1) отсутствие оврагов;

2) спорадическое овражное расчленение (густота – менее 5 *м/км*^{2}, плотность – 0,05 *ед/км*^{2} и менее);

3) очень слабое овражное расчленение (густота – 5–10 *м/км*^{2}, плотность – 0,05–0,1 *ед/км*^{2});

4) слабое овражное расчленение (густота – 10–20 *м/км*^{2}, плотность – 0,1–0,2 *ед/км*^{2});

5) умеренное овражное расчленение (густота – 20–50 *м/км*^{2}, плотность – 0,2–0,3 *ед/км*^{2});

6) сильное овражное расчленение (густота – 50–100 *м/км*^{2}, плотность – 0,3–0,5 *ед/км*^{2});

7) очень сильное овражное расчленение (густота – более 100 *м/км*^{2}, плотность – более 0,5 *ед/км*^{2}).

На втором этапе, с учетом тенденции современного развития овражной эрозии, проводится индивидуальное районирование и выделяется 15 овражных

Рис. 1. Придолинный овраг на крутом коренном склоне долины р. Камы у д. Докша Завьяловского р-на. (*Все фото автора*)

Рис. 2. Прибалочный овраг на склоне балки в с. Каракулино

Рис. 3. Приводораздельный овраг в окрестностях с. Мушак Киясовского р-на является рекордсменом по скорости роста

Рис. 4. Донный овраг в днище древней балки в окрестностях д. Курегово Малопургинского р-на

Рис. 5. Вершинный овраг с хорошо выраженной стокоподводящей ложбиной у с. Варзи-Ятчи Алнашского р-на

Рис. 6. Пойменный овраг в долине р. Варзинки имеет техногенное происхождение

Рис. 7. Придорожный овраг близ д. Макарово Завьяловского р-на

Рис. 8. Промышленно-стоковый овраг, возникший весной 2011 г. при прорыве нефтепромысловых вод и утечки нефти у д. Соколовка Сарапульского р-на

Рис. 9. Селитебный овраг в с. Крымская Слудка Кизнерского р-на

Рис. 10. Техногенный овраг может разрушать даже бетонные конструкции

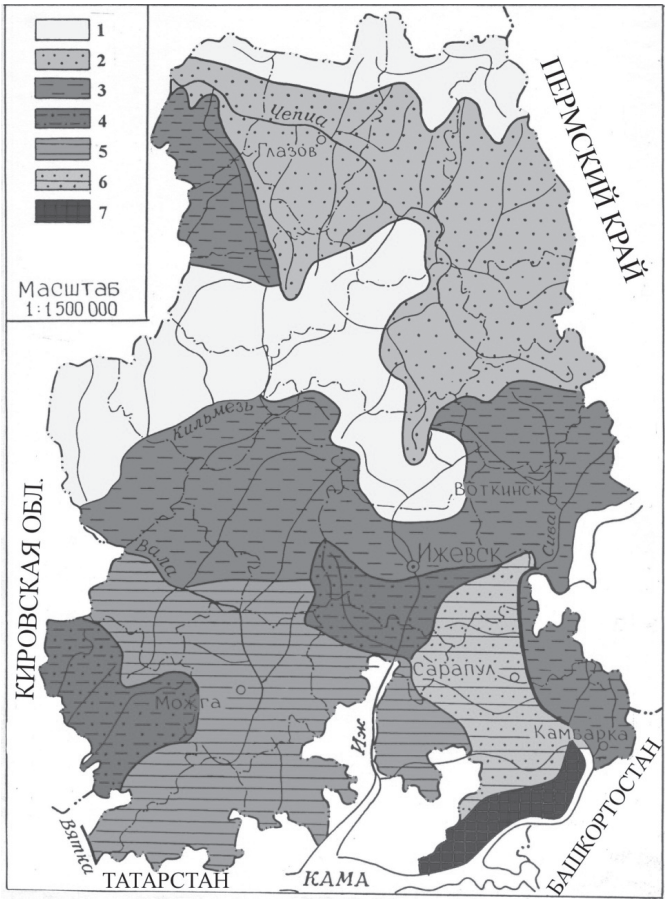

Рис. 11. Районирование территории Удмуртии по интенсивности развития овражной эрозии: 1 – отсутствие оврагов; 2 – овражное расчленение спорадическое; 3 – очень слабое; 4 – слабое; 5 – умеренное; 6 – сильное; 7 – очень сильное

районов (Рис. 10). Тенденции оврагообразования характеризуются по 8 градациям. В случае ее положительного значения активность оврагообразования оценивается по следующим критериям: 1) очень низкая (менее 1,0 *м/год*); 2) низкая (1,0–1,5 *м/год*); 3) умеренная (1,5–2,0 *м/год*); 4) высокая (более 2,0 *м/год*). При отрицательной тенденции характеристика интенсивности затухания овражной эрозии дается по вышеуказанным же градациям.

При анализе динамики современного оврагообразования учитывается, что продолжительность существования оврагов сильно различается по природным зонам. Поэтому при районировании территорий важно учитывать показатель интенсивности развития овражной эрозии во времени. Для этого необходимо значение густоты (или плотности) овражного расчленения разделить на среднюю «продолжительность жизни» оврагов в пределах данной территории. Данный показатель следует называть модулем оврагообразования, он показывает степень овражного расчленения территории на один год его развития. Поэтому, наряду с трендом для каждого района, определялся еще и модуль оврагообразования, который выражался в *м/км*^{2}•*год*. Ниже дается краткая характеристика овражных районов (Рис. 11).

1. Зачепецкий безовражный р-н. Включает бассейны верховий рр. Вятки, Камы и правых притоков Чепцы. Характеризуется отсутствием оврагов как на лесных, так и безлесных площадях. Не встречаются овраги даже в пределах редких здесь населенных пунктов, несмотря на значительную расчлененность рельефа. Развитие оврагов не прогнозируется и на ближайшую перспективу.

2. Чепецкий р-н спорадического овражного расчленения с умеренной активностью оврагообразования. Включает значительную часть бассейна р. Чепцы. Овраги встречаются крайне редко и в основном приурочены к населенным пунктам или крутым склонам с нарушенным растительным покровом. Средняя густота овражной сети – 1,72 *м/км*^{2}, средняя плотность оврагов – 0,019 *ед/км*^{2}. Тенденция оврагообразования положительная – 1,77 *м/год* на единицу оврага. Средний модуль оврагообразования составляет 0,04 *м/км*^{2}•*год*.

3. Лекминский р-н очень слабого овражного расчленения с умеренной активностью оврагообразования. Расположен на левобережье р. Чепцы в пределах бассейнов рек Лекмы и Сады. Вследствие высокой распаханности территории и значительной расчлененности рельефа овраги встречаются чаще, иногда даже на пахотных землях. Средняя густота овражной сети составляет 5,5 *м/км*^{2}, а ее плотность – 0,081 *ед/км*^{2}. Активность овражной эрозии в последние годы заметно усиливается, о чем свидетельствует ее положительная тенденция – 1,65 *м/год*. Модуль оврагообразования относительно низкий – 0,12 *м/км*^{2}•*год*.

4. Кильмезский безовражный р-н. Включает полностью правобережье р. Кильмезь, участок левобережья Чепцы между рр. Лоза и Кеп, а также верховья Лозы и Ижа. Характеризуется отсутствием оврагов вследствие практически полной залесенности территории и распространения песчаных покровов. Рельеф слабо расчленен, поэтому территория отличается и значительной заболоченностью. В ближайшем будущем развитие овражной эрозии маловероятно.

5. Кильмезь-Валинский р-н очень слабого овражного расчленения с высокой активностью оврагообразования. Включает левобережье Кильмези

и правобережье Валы в ее среднем и нижнем течении. Овражная эрозия на пахотных землях – здесь уже обычное явление. Овражное расчленение территории очень слабое вследствие высокой лесистости бассейнов рр. Нылги, Увы и правобережья Валы в низовье. Средняя густота овражной сети здесь составляет 11,5 *м/км*^{2}, плотность – 0,055 *ед/км*^{2}. Тенденция оврагообразования характеризуется высоким положительным значением – 2,65 *м/год*. Средний модуль овражной эрозии низкий – 0,16 *м/км*^{2}•*год*.

6. Сивинский р-н слабого овражного расчленения с очень низкой интенсивностью затухания овражной эрозии. Включает полностью бассейн р. Сивы и правобережье р. Камы выше устья первой. Здесь овраги встречаются уже чаще, и на отдельных водосборах густота их может достигать 25–50 *м/км*^{2} при ее среднем значении – 9,8 *м/км*^{2} и плотности – 0,85 *ед/км*^{2}. Тенденция развития овражной эрозии для района получилась отрицательной – -0,86 *м/год*, что свидетельствует о затухании процессов оврагообразования за последние годы. Модуль оврагообразования невысокий – 0,21 *м/км*^{2}•*год*.

7. Иж-Позимский р-н очень слабого овражного расчленения с очень низкой скоростью затухания овражной эрозии. Включает бассейн верховий Ижа на участке между р. Лесной и р. Пироговкой. Овраги сосредоточены преимущественно в бассейнах рр. Люк и Позимь, где и расположены основные площади сельскохозяйственных земель. Средняя густота оврагов – 8,0 *м/км*^{2}, плотность – 0,057 *ед/км*^{2}. Тенденция развития овражной эрозии отрицательная – 0,38 *м/год*. Средний модуль оврагообразования – 0,12 *м/км*^{2}•*год*.

8. Иж-Постольский р-н слабого овражного расчленения с очень низкой скоростью затухания овражной эрозии. Включает бассейн р. Иж в среднем течении выше устья р. Постолки. Средняя густота овражной сети здесь составляет 14,3 *м/км*^{2}, плотность оврагов – 0,109 *ед/км*^{2}. Тенденция развития овражной эрозии отрицательная – 0,92 *м/год*. Средний модуль оврагообразования равен 0,13 *м/км*^{2}•*год*.

9. Валинский р-н умеренного овражного расчленения с высокой активностью оврагообразования. Включает водосборные бассейны верховий р. Валы и ее левобережья. Овражное расчленение отличается локализованностью, где на отдельных водосборах ее густота достигает 100–250 *м/км*^{2} при среднем значении 22,7 *м/км*^{2}. Плотность оврагов низкая, ее среднее значение – 0,110 *ед/км*^{2}. Тенденция овражной эрозии положительная и имеет самый высокий показатель – 2,7 *м/год*. Модуль оврагообразования для данного района невысокий – 0,28 *м/км*^{2}•*год*.

10. Привятский р-н слабого овражного расчленения с низкой интенсивностью затухания овражной эрозии. Находится на левобережье р. Вятки выше бассейна р. Лубянки. Характеризуется высокой залесенностью территории и распространением песчаных покровов. Поэтому овражное расчленение здесь слабое: средняя густота оврагов – 11,6 *м/км*^{2}, плотность их очень низкая – 0,063 *ед/км*^{2}. Тенденция развития овражной эрозии здесь отрицательная, поэтому преобладают процессы медленного затухания оврагов (-1,55 *м/год*). Модуль оврагообразования сравнительно низкий – 0,17 *м/км*^{2}•*год*.

11. Иж-Кырыкмасский р-н умеренного овражного расчленения с очень низкой активностью оврагообразования. Включает бассейн р. Иж ниже устья

р. Постолки за исключением верховий р. Кырыкмас и водосборов рр. Варзинки и Варзи. Овражная сеть встречается практически во всех выделенных водосборных бассейнах. Отдельные овраги здесь развиваются с катастрофической скоростью (с. Мушак Киясовского р-а). Средняя густота овражного расчленения составляет 24,3 *м/км*^{2}, плотность оврагов низкая – 0,169 *ед/км*^{2}. Тенденция овражной эрозии положительная – 0,47 *м/год*. Среднее значение модуля овражкообразования составляет 0,32 *м/км*^{2}•*год*.

12. Прикамско-Сарапульский р-н сильного овражного расчленения с низкой интенсивностью затухания овражной эрозии. Расположен на правобережье р. Камы между устьями рр. Сивы и Мулеш и в верховьях р. Кырыкмас. Овраги здесь также получили широкое распространение, средняя густота их составляет – 87,1 *м/км*^{2}, а плотность – 0,374 *ед/км*^{2}. Как и в предыдущем районе, тенденция овражной эрозии здесь отрицательная (-0,22 *м/год*). Модуль оврагообразования сравнительно высокий – 0,72 *м/км*^{2}•*год*.

13. Закамский р-н очень слабого овражного расчленения с низкой интенсивностью затухания овражной эрозии. Находится на левобережье р. Камы и отличается высокой залесенностью территории. Овраги встречаются локализованно, преимущественно на крупных массивах пахотных земель, занимающих сильно вытянутые склоны. Средняя густота овражной сети составляет 5,3 *м/км*^{2}, плотность оврагов – 0,033 *ед/км*^{2}. За рассматриваемый период протяженность овражной сети существенно сократилась, поэтому тенденция развития овражной эрозии здесь отрицательная – -1,54 *м/год*. Скорость зарастания склонов оврагов выше скорости роста их вершин. Модуль оврагообразования здесь очень низкий – 0,05 *м/км*^{2}•*год*.

14. Привятско-Тойминский р-н умеренного овражного расчленения с очень низкой интенсивностью затухания овражной эрозии. Сюда относятся бассейны рр. Лубянки, Умяка, Тоймы, Варзи и Варзинки. Овражная сеть получила широкое распространение, на многих водосборах густота ее превышает 100–200 *м/км*^{2} при ее среднем значении 36,5 *м/км*^{2}. Среднее значение плотности оврагов составляет 0,189 *ед/км*^{2}. В настоящее время большинство оврагов находится на последних стадиях развития, поэтому тенденция развития овражной эрозии здесь отрицательная (-0,09 *м/год*). Модуль оврагообразования сравнительно высокий – 0,6 *м/км*^{2}•*год*.

15. Прикамский р-н очень сильного овражного расчленения с умеренной интенсивностью затухания овражной эрозии. Включает бассейны правых притоков р. Камы ниже устья р. Мулеш. Оврагообразование получило здесь максимальное для республики распространение. Большинство элементарных водосборов имеет густоту овражной сети более 500 *м/км*^{2} при ее среднем значении 440 *м/км*^{2}. В этом районе насчитывается 1116 растущих вершин оврагов, что составляет 1,35 *ед/км*^{2}. Оврагообразование здесь имеет длительную историю развития, и к настоящему времени у многих оврагов выработался плавно-вогнутый продольный профиль; находятся они в стадии затухания. В последние годы в пределах рассматриваемой территории происходит интенсивное зарастание оврагов и общая протяженность их сокращается. Об уменьшении скорости роста вершин оврагов здесь свидетельствуют данные стационарных наблюдений

на ключевых участках. Поэтому тенденция развития современной овражной эрозии для района оказалась отрицательной (-2,04 *м/год*). Модуль оврагообразования здесь также максимальный – 4,26 *м/км*^{2}•*год*.

Выводы

1. Ландшафт вместе с социальными, производственными и культурологическими процессами образует этногенетическую ситуацию. Взаимодействие и взаимное отражение между ними ведет к установлению режима, в котором обе стороны содержат следы действия противоположной стороны: ландшафт через свой стиль влияет на интенцию этноса, а этнос изменяет стиль ландшафта.

2. Эрозионные формы рельефа (эрозионный ландшафт) – это результат экстенсивной хозяйственной (земледельческой) деятельности местного населения.

3. Эрозионный (заовраженный) ландшафт характеризуется не только негативными, но и положительными функциями: овраги увеличивают расчлененность монотонной поверхности, повышая ее разнообразие; служат экологическими убежищами для редких видов флоры и фауны; обнажая геологические слои, являются объектами научного познания горных пород; вскрывают водоносные горизонты и являются местом рождения многих родников, а также малых и больших рек!

4. В зависимости от густоты и плотности овражного расчленения, интенсивности развития оврагов и их современной тенденции в пределах территории Удмуртии выделены 15 овражных районов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Исаченко А. Г.* Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М., 1991.

2. БСЭ: Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд. Т. 24. М., 1949–1960.

3. *Miles J., Cummins R. P., French D. D., Gardner S., Orr J. L., Shewry M. S.* Landscape sensitivity: an ecological view // Catena. 2001. V. 42. P. 125–141.

4. *Ковалев А. П.* Ландшафт сам по себе и для человека. Харьков, 2009.

5. *Тэн И.* Философия искусства / Пер. с франц. М., 1996.

6. *Буйнова А. Р.* Этническая структура расселения в средневолжском регионе (на примере Межпьянского плато) // Изв. РАН. Серия географическая. 2006. № 5. С. 62–72.

7. *Уфимцев Г. Ф.* Рельеф и человек на просторах России // Человек. 2004. № 3. С. 144–149.

8. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

9. *Зорина Е. Ф.* Некоторые особенности развития овражной эрозии // Геоморфология. 1987. № 4. С. 62–67.

10. *Рысин И. И.* Овражная эрозия в Удмуртии. Ижевск, 1998.

11. *Ковалев С. Н.* Воздействие овражно-балочных систем на планировку городов (на примере Поволжья) // Эрозионно-аккумулятивные процессы в бассейне верхней и средней Волги. Ижевск, 2005. С. 115–127.

Поступила в редакцию 22.04.2012

I. I. Rysin

Erosion-confitioned Udmurtia`s iandcapes as a result of economic activity

Atter the briaf analysis of the notion «Landscape» and its connection mith ethnos the author considers Udmurtia`s landscapes conditioned by the development of dully erosion.The main varieties of gullies are also charcterised in the article and their positive functions are noted for the first time. The territory zoning was done according to the density of disision of gyllies and intensity of their development

Keywords: landscapre, ethnos, erosion (gully), landscape, the types of gullies, zoning.

Рысин Иван Иванович,
доктор географических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: rysin@uni.udm.ru

Rysin Ivan Ivanovich,
Doctor of Sciences (Geography), professor,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: rysin@uni.udm.ru

УДК 902:911.5(470.5)

Е. М. Черных

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ

В статье поднимаются вопросы, связанные с начальными этапами формирования культурных ландшафтов в пределах удмуртского течения реки Камы. Анализ археологических и исторических памятников, вписанных в «ткань» регионального ландшафта, позволяет по-новому обозначить круг проблем, одинаково актуальных для гуманитарной науки и для естественнонаучного знания, а также наметить реальные пути для сохранения нашего общего наследия.

Ключевые слова: культурное и природное наследие, археология, история, ландшафтоведение.

Понятие культурного ландшафта невозможно представить без понимания самого феномена культуры, в основу которого, по определению П. Флоренского, кладется «исторически активная творческая деятельность человека». И поскольку история человечества есть процесс непрерывный, но обусловленный многими факторами, постольку на разных этапах истории мы встречаемся с различными культурными (и историческими!) ландшафтами. Удмуртское Прикамье достойно изучения как регион, сохраняющий характерные для разных эпох историко-культурные ландшафты. Исторический ландшафт в контексте предлагаемого исследования понимается мною, вслед за определением ЮНЕСКО, как «след события или цепи событий исторического значения», но с некоторыми коррективами. Дело в том, что любой исторический ландшафт опосредован вмещающим его природным ландшафтом, частью которого он, безусловно, является. Иначе говоря, «исторический ландшафт особым образом и особыми средствами фиксирует жизнь общества и освоение им природной среды на определенных этапах его развития [1. С. 20]. В разные исторические периоды деятельность человека сопровождалась преобразованием природной среды и формированием антропогенных ландшафтов. Результатом такого сотворчества человека и природы, собственно, и будет ландшафт культурный. Со временем отдельные ландшафты исчезали или кардинально трансформировались под влиянием новых исторических или

социально-экономических требований. Лишь в некоторых районах определенные виды антропогенных ландшафтов консервировались и сохранились до настоящего времени, получив в полной мере «культурный» вид благодаря целому ряду благоприятных условий. Их судьба сегодня целиком зависит от благоразумия человека. В 1992 г. ЮНЕСКО ввел номинацию культурного ландшафта в список всемирного наследия, тем самым выделив его значимость среди прочих объектов культурного наследия [2].

В пределах удмуртского течения р. Камы сегодня можно увидеть определенное типологическое разнообразие исторических ландшафтов: агрокультурных (сельхозугодья), инженерно-технических (плотины ГЭС, заводы, мосты, дороги), военных (или беллигеративных), мемориальных. В этой типологии объектам археологии – древним памятникам, включающим поселения, некрополи, святилища, инженерные сооружения, – места как будто не находится. Между тем именно они создают историко-культурный каркас территории, давая нам необходимое конкретно-пространственное восприятие истории преобразования природной среды в культурный ландшафт. Ткань ландшафта, связующая отдельные археологические памятники или их компактные скопления, выступает в этом случае, образно говоря, «связующей нитью времен». Опять же, используя художественный образ для выражения мысли, территория в археологии может рассматриваться как некий «театр жизнедеятельности людей», а историко-географические этапы развития территории – как ее «генетический код».

В схеме территориального планирования УР (Закон от 9 октября 2009 г. № 40-РЗ «О стратегии социально-экономического развития УР до 2025 г.») использование объектов культурного наследия в качестве ресурса для развития регионов звучит скорее как декларация. Можно лишь догадываться о ее присутствии в разделе, предусматривающем развитие туризма как сферы экономики. Столь же странным образом не привлекло внимания наших законодателей и место Камы как священной реки титульного этноса Удмуртской Республики, тогда как в Концепции развития музейной сети УР Прикамскому району отводится особое место. И это справедливо. Прикамский район включает территории Воткинского, Сарапульского и Каракулинского административных районов. Это около 280 учтенных памятников археологии (около 1/3 всех объектов археологического наследия УР), памятники гражданской и культовой архитектуры, этнография русских, удмуртов, мари. В контексте данной статьи я коснусь, главным образом, археологической составляющей этого наследия, образующей наиболее ранний культурно-исторический пласт территории (V–III тыс. до н.э. – XVI–XVII вв.).

На основании имеющихся источников (остатки поселений, могильников, культовых мест, кладов, случайных находок) можно говорить о сохранении в регионе уникальных палеокультурных ландшафтов, отражающих древнейшие этапы освоения Прикамья. Они формировались многими поколениями и этносами – от финно-угров до славян, болгар, а в начале II тысячелетия н.э. – русских, удмуртов, марийцев, башкир и татар. Картографирование объектов археологического наследия лишь одного из районов – Каракулинского [3] – показывает

вполне убедительную смену ориентиров для ландшафтной избирательности древнего и средневекового расселения в Прикамье. Так, несмотря на сплошные археологические разведки нам почти неизвестны здесь памятники каменного века. Можно назвать лишь небольшие участки камского левобережья, где еще сохраняются отдельные объекты, датируемые начальными периодами голоцена (Поваренкинская и Саузовские стоянки, поселения у озер Дикого, Заборного, около д. Непряха). В комплексах этих поселений присутствуют находки, а также отдельные сооружения эпохи неолита. Их топография, безусловно, свидетельствует о предпочтении охотниками и рыболовами каменного века (V–III тыс. до н.э.) стратегии выбора низменных участков, приуроченных, главным образом, к камской пойме. Памятники эпохи бронзы (вт. пол. II – нач. I тысячелетия до н.э.) демонстрируют уже более разнообразные стратегии освоения камского побережья. Выбор мест для поселений в этот период определялся участками высокой поймы, прикраевыми участками террас, наличием старичных озер и устьями небольших речек. Археологические материалы этого периода дают основания для выводов об активизации миграционных процессов в Удмуртском Прикамье, о присутствии здесь групп населения с разными хозяйственно-культурными типами (луговских, черкаскульско-межовских, маклашеевских, быргындинских) [4] и, следовательно, с разными моделями адаптации в одном и том же ландшафте. Исследователями неоднократно отмечалось отсутствие четкой стратификации поселений эпохи бронзы, совместное залегание в культурном слое керамики, выполненной в различных технологических и орнаментальных традициях [5]. Поразительным при этом можно считать факт предпочтения одних и тех же участков ландшафта носителями этих различных по происхождению образований.

В начале железного века (пер. пол. I тысячелетия до н.э.) культурную доминанту в камском бассейне определяли носители ананьинской культурно-исторической общности [6]. Высокий уровень овладения ананьинцами сначала металлургией бронзы, а затем и железа, торговый обмен, внутренняя и внешняя конфронтации существенным образом изменили культурный ландшафт Прикамья. Его облик отныне определяли городки, возводившиеся с известной регулярностью на выдающихся мысах с модифицированными склонами, искусственными рвами, валами и стенами. Остатки этих древних «городков» можно видеть вдоль всего камского правобережья, они до сих пор «смотрят» на нас с высоты своего тысячелетнего безмолвия. Вокруг них в древности же формировалась ближняя округа, с относительно многочисленными, различными по площади и назначению, открытыми поселениями и культовыми местами. Такие «гнезда» древнего расселения являлись определяющими для территории Прикамья на протяжении почти тысячи лет, до середины I тыс. н.э. и, по всей видимости, могут рассматриваться как первый этап активного преобразования ее ландшафта.

Следующий решительный шаг в формировании культурного ландшафта прикамских районов Удмуртии оказался связан с массовой русской колонизацией, «клапан» которой был открыт взятием Казани в 1552 году. Первые русские крепости (острожки), православные монастыри, торгово-промысловые села,

строились, как правило, в непосредственной близости от древних чудских городков (достаточно сравнить между собой карты археологических памятников и современную административную карту с такими «говорящими» названиями, как Чеганда, Колесниково, Каракулино, Мазунино, Сарапул, Нечкино, и т.п.), но их ландшафтная составляющая была совсем другой. Древние и средневековые городища занимали выдающиеся точки камского правобережья, вершины, или «пупки», как их называли русские старожилы. В основе хозяйства их обитателей лежали придомное скотоводство и земледелие подсечного типа, что предопределяло выбор высоких надпойменных террас. Русские же села, монастыри предпочитали строиться как бы в «межгорье». Здесь удобно было заниматься хлебопашеством, огородничеством, да и ощущение определенной защищенности, укрытости пока еще в чуждом окружении. С другой стороны, храмы с их золочеными главками, составлявшие архитектурную доминанту этих первых русских поселений, были хорошо заметны с реки. Они служили как бы маяками на пути движения речных караванов и формировали совсем другой культурный ландшафт.

В XVIII в. начинается новый этап освоения Прикамья – промышленный. И хотя первые медеплавильные и железоделательные заводы строились вдали от камских берегов, на речных притоках второго и третьего порядка, их одновременно и созидательная и разрушительная мощь, безусловно, трансформировала вмещающий ландшафт. Именно река и камские пристани отныне становятся проводниками промышленного освоения Камы (Галево, Гольяны, Сарапул, Каракулино, Барановская и др.). Но вновь приходится констатировать, что эта часть нашего культурного наследия очень мало изучена с точки зрения выбора места, месторазвития. Проблема эта комплексная, и изучать ее мы обязаны с учетом всех составляющих – географических, биологических, исторических, экономических. Такие новые для Удмуртии направления, как промышленная и церковная археология (и, возможно, подводная, если учитывать, что значительная часть этих старинных пристаней уже затоплена), могли бы вернуть нам существенную часть нашей исторической памяти.

Сохранение нашего наследия – очень болезненный аспект, на котором необходимо остановиться в контексте поставленной проблемы. Грандиозное гидротехническое строительство вт. пол. XX в., увы, уже лишило нас значительной части информации, касающейся ранних этапов заселения Прикамья. Стоянки каменного века в силу отмеченной выше ландшафтной приуроченности, в своей подавляющей части оказались затопленными. Мощное антропогенное давление испытывают сегодня памятники эпохи раннего металла (III–II тысячелетия до н.э.), расположенные на первой и второй надпойменных террасах. Это – мало контролируемые овражная и береговая эрозия (особенно в зоне подтопления), и массовая дачная застройка. Отсутствие действенных мер по охране археологических объектов очень скоро лишит нас и этой части нашего общего культурного наследия. Буквально на глазах за последние полтора десятилетия оказались смыты Зуевоключевское II поселение, памятники энеолита-бронзового века у д. Партизан в Каракулинском р-не. Пока еще относительно неплохо сохранились памятники раннего железного века,

располагающиеся на третьей террасе и коренном плато, но мощное вторжение человека заметно и здесь – нефтедобыча, строительство, карьеры и дороги, сельскохозяйственная деятельность. По данным многолетнего мониторинга, на эти виды человеческой деятельности приходится до 60 % разрушений объектов культурного наследия [7. Табл. на с. 37]. К этим уже хорошо известным факторам в последние годы добавился еще один, пожалуй, наименее бесконтрольный и наиболее лицемерный – «черный копатель». И если разрушенные в советское время храмы, мы сегодня, опомнившись, восстанавливаем, то археологическое наследие восстановлению не подлежит! Оно теряется безвозвратно. Вмешательство человека уже неузнаваемо преобразило камские берега. Но еще остаются участки, которые мы можем защитить и сохранить для наших потомков. Тем более, что современная стратегия формирования достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников, разработанная в Институте природного и культурного наследия, дает исполнительной власти в регионах уникальную возможность не только для сохранения культурного наследия, но и включения его в экономический и социальный оборот как самостоятельного и эффективного ресурса [8].

У нас уже есть два музея-заповедника – Иднакар и Лудорвай. Но Кама оказалась за пределами внимания наших политиков от культуры. В то же время налицо до некоторой степени стихийный процесс вовлечения Прикамья в систему спортивного и познавательного туризма. Богатейший пласт археологического и этнографического потенциала прикамских районов в этом движении, увы, никак не востребован. Специалистами сегодня разрабатываются понятие археологического ландшафта и алгоритм включения его в культуроохранную деятельность как действенного механизма сохранения и использования объектов истории и культуры [9]. И в этом деле наши ученые (географы, биологи, экологи) не должны оставаться в стороне, а выступать единым фронтом с историками.

Здесь я просто обязана напомнить о Зуевоключевском археологическом микрорайоне, обладающем, по моему убеждению, наибольшей целостностью и аутентичностью, и соответствующем самым высоким критериям оценки, применяемым в практике ЮНЕСКО. Вблизи д. Зуевы Ключи, на площади около 50 *га*, сконцентрированы как памятники археологии от середины II тыс. до н.э. до периода русской колонизации (около 20 объектов), так и объекты традиционного эко- и агроландшафта, языческие и православные достопримечательности. По моему убеждению, республика имеет здесь уникальный ландшафтно-археологический комплекс, который достоин статуса достопримечательного места и, следовательно, высокой степени защиты. Это тот уголок Удмуртии, который очень хотелось бы увидеть в числе официально признанных достопримечательных мест и сохранить для потомков [10]. На кафедре археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета уже разработан пилотный проект организации здесь археологического музея [11]. Но, как мы можем судить из имеющегося в республике опыта, такой проект требует государственной поддержки. Или, что тоже не исключено, поддержки бизнес-структур. Прекрасный пример такому

сотрудничеству науки и бизнеса мне удалось увидеть летом 2011 г. в Ульяновской области, кстати, также не отличающейся финансовым и экономическим благополучием.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Микулина Е. М.* Исторические ландшафты в градостроительном проектировании: Учебное пособие. М., 1984.

2. *Кулешова М. Е.* Палеокультурный ландшафт как феномен наследия // Наследие и современность. М.: Ин-т Наследия, 2008. Вып. 16. С. 58–102. [Электронный ресурс]: www.heritage-institute.ru/image/0/009/Paleoland.pdf

3. *Голдина Р. Д., Черных Е. М.* Археологическая карта Каракулинского района УР. Ижевск, 2011.

4. *Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И.* Зуево-Ключевская стоянка // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 123–137; *Ашихмина Л. И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье / Доклад на заседании Президиума Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1985.

5. *Обыденнов М. Ф.* Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа, 1998.

6. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 30; *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977; *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999; *Черных Е. М., Останина Т. И.* Население Удмуртии в эпоху раннего железа // История Удмуртии: С древнейших времен до XV века / Под ред. М. Г. Ивановой. Ижевск, 2007. С. 125–165.

7. *Степанова Г. А.* Объекты археологического наследия: перспективы использования и возможности сохранения в процессе экономического развития районов // Наследие: Информационный бюллетень. Ижевск, 2006. № 3. Ч. 2. С. 31–48.

8. *Веденин Ю. А., Шульгин П. М., Штеле О. Е.* Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Гусев С. В., Загорулько А. В., Минеева И. М., Ожередов Ю. И., Ксенц А. С. Археологическое наследие в музеях-заповедниках Европейской части России. Томск, 2011. Приложение 5. С. 126–159.

9. *Кулешова М. Е.* Культурные ландшафты в системе ценностей наследия [Электронный ресурс]: www.heritage-institute.ru/image/0/09/Paleoland.pdf

10. *Голдина Р. Д.* Зуевы Ключи – археологический заповедник Удмуртского Прикамья // Удмуртская Республика: проблемы и перспективы. Ижевск,1995. С. 34–48.

11. *Русинова А. А.* Проект создания археологического музея-заповедника «Зуевы Ключи» // Выпускная квалификационная работа. Ижевск, 2008. Ф. 1. Д. 865; *Черных Е. М., Русинова А. А.* Археологические памятники в системе особо охраняемых природных территорий Удмуртского Прикамья: к проблеме использования // Самарская Лука: Проблемы региональной и глобальной экологии. Самара, 2009. С. 38–46.

Поступила в редакцию 17.04.2012

E. M. Chernykh

From the history of cultural landscape formation of the Udmurt Kama area

This article focuses on the early stages of cultural landscape formation of the Udmurt Kama area. Analysis of archaeological sites and history of this region allow to recognize new problems, that are relevant for the humanities as well as the natural sciences. It determines practical ways to saving native heritage.

Keywords: cultural and natural heritage, archeology, history, landscape study.

Черных Елизавета Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: arch@uni.udm.ru

Chernykh Elizaveta Mikhailovna,
Candidate of Science (History), assistant professor,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: arch@uni.udm.ru

УДК 911.5(470.51)

А. В. Кириллова

МЕСТО РЕЛЬЕФА В КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТАХ УДМУРТИИ*

Показана важность места рельефа в культурных ландшафтах Удмуртии. Раскрыты этапы изменения функций рельефа, его связи с этнической культурой. Раскрыты различия севера и юга Удмуртии в расселении в связи с рельефом

Ключевые слова: рельеф, культурные ландшафты, Удмуртия.

В культурных ландшафтах Удмуртии и в формировании их структуры рельеф занимает важное место. Изначально он определяет выбор мест обитания и основного типа природопользования представителями коренного этноса. Целью работы является выявление места рельефа в культурных ландшафтах Удмуртской Республики.

В ландшафтоведении понятие «культурный ландшафт» соотносят с понятием «антропогенный ландшафт», то есть созданный человеком. Природный ландшафт приобретает другое качество при его антропогенном использовании. В этом случае природные ландшафты становятся культурными. Они создаются в различное по продолжительности время. Самым устойчивым элементом ландшафта является рельеф, длительное время он сохраняет свои свойства и выполняет функцию сохранения истории этнической культуры и ее наследия. В природных и искусственных элементах культурного ландшафта создавались свидетельства культуры. В них есть своя эстетика. Это эстетическая панорама, которая до сих пор притягивает и сохраняется не только в человеческой памяти, но и в памятниках материальной культуры. Еще есть естественный и искусственный рельеф, которые в полном соответствии с функциями рельефа являются хранителями духовных тонкостей, которые хранятся не только в произведениях культуры, но и в сложном сочетании природы и последствий пребывания человека на этой земле. Это памятники. В них сохраняются следы порывов

* Автор выражает благодарность научному руководителю, профессору МГУ им. М. В. Ломоносова Юрию Гавриловичу Симонову за содействие в подготовке статьи.

души, отблески которых мы находим в произведениях искусства. Культурный ландшафт – это памятник, который мы, не замечая, оставляем после себя. Это урок, воплощенный природой и человеком совместно. Осваивая территорию, человек меняет, в первую очередь, растительность, животный мир. Параллельно с этим меняется климат, поверхностный и подземный сток. Если человек целенаправленно меняет рельеф, он физически не может не менять остальные элементы естественного ландшафта. И, наоборот, рельеф длительно сохраняет каркас той природной среды, которую он и создает. Малые по размерам элементы рельефа имеют короткую жизнь и короткую память. Они должны были бы и быстро восстанавливаться. Так бывает только в случае, если при изменениях природной среды случайно не уничтожаются (или не меняются) крупные формы рельефа. Изменчивость ландшафтов такова, что если крупные формы сохраняются, то при их постоянстве малые формы могут меняться и циклически восстанавливаться. Высокочастотные изменения могут не изменять крупные формы рельефа долгие годы.

Культурный ландшафт не случайно формируется в данном месте. Он имеет историю формирования. Этнос селится в тех местах, где удается организовать удобное и устойчивое природопользование и жизнеобеспечение. Культурный ландшафт развивается закономерно, и при его изменении появляются перемены в природопользовании. Место рельефа в культурных ландшафтах определяется историей освоения территории. Издревле он играл прагматическую роль. При заселении изначально выбирали место. В этом месте рельеф был одним из главных свойств, потому что он – индикатор остальных особенностей территории. Далее одни народы меняли естественный ландшафт в одном направлении и приспосабливались к нему, другие – в другом.

Культурный ландшафт зависит от особенностей природного ландшафта и заселившегося на его территории этноса, с характерным ему типом природопользования, которое могло возникнуть в других географических условиях, но человек переносил его на новое место и приспосабливался к ландшафту. Для понимания его роли в выборе мест обитания в Удмуртии надо углубиться в историю расселения этноса. Если для всей территории в целом характерен приречный тип, то водораздельный способ заселения получил большое распространение в северных районах расселения удмуртов. Миграция сельского населения привела к изменению людности населенных пунктов, увеличилась доля небольших селений. Значительно сократилась доля селений, расположенных на водоразделах [1. С. 119].

Культурный ландшафт менялся по законам выбора. Обычно рельеф вызывает затруднения или облегчает использование природных ресурсов избранной для житья территории. Исследователи и путешественники XVIII и XIX вв. отмечали, что у удмуртов преобладали селения беспорядочной формы, жилые дома располагались группами, отделявшимися легким забором, а между домами существовали пространства засеянной пашни [1. С. 106]. Такая планировка объясняется морфологическими особенностями рельефа местности и социальным укладом. «Беспорядочная» форма селения связана с системой землепользования, когда практиковались расчистки участков

леса под пашню. В настоящее время распространены селения с одной улицей: они составляют половину от общего количества населенных пунктов. В большей степени такие поселки характерны для северных районов. Здесь же наибольшее распространение получили селения с линейно-лучевой формой. Это обусловлено рельефом местности и наличием водоисточников: улицы расположены таким образом, чтобы находиться ближе к источнику воды – роднику. На юге Удмуртии выше доля многоуличных селений [1. С. 119]. Мелкие населенные пункты находились, как правило, в северных районах, в местах интенсивного заселения, более крупные – в южных, в бассейнах р. Иж, Вала. Многолюдность населенных пунктов в южных районах связана с более благоприятными природными условиями, обширными пашнями с хорошим качеством почв, в северных же районах удобная для пашни земля располагается небольшими участками на значительном расстоянии друг от друга [1. С. 106]. Это, видимо, связано с особенностями рельефа. Избы строились одноэтажные. В северных и центральных частях они строились на более высоком подклете, чем в южных.

Рельеф в культурном ландшафте выполняет практически те же функции, как и в естественном ландшафте: это морфолитогенная основа, распределитель тепла и влаги. Он влияет на выбор мест обитания, тип расселения. От него зависит расположение поселков и рисунок дорог (Рис.). Рельеф предопределяет разнообразие типов природопользования. Функции рельефа стали зависеть от вида деятельности. Он оказывает влияние на формирование разных этнических культур, и в ряде случаев является причиной различий внутри одного этноса. Это наблюдается на территории Удмуртии, где различия в рельефе культурных ландшафтов Удмуртии совпадают с различиями внутри этноса. Северная часть республики более возвышенная, южная часть представлена чередованием возвышенностей и низменностей, в целом, это низменная область. Отличия наблюдаются в типах природопользования северных и южных удмуртов, в укладе жизни, национальных костюмах, в языке. Подтверждением этого служит диалектологическая карта Удмуртии.

Таким образом, рельеф занимает важное место в культурных ландшафтах Удмуртии. Он повлиял на их различия. До освоения территории рельеф имел лишь естественные функции, во время освоения он предопределял разнообразие типов природопользования. В настоящее время, помимо основных функций, он способствует сохранению истории этнической культуры и ее наследия. Это проявляет себя и в эстетических особенностях населяющих эту землю людей. Рельеф выполняет важную роль, которая не остается одинаковой в течение освоения территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.

Поступила в редакцию 20.04.2012

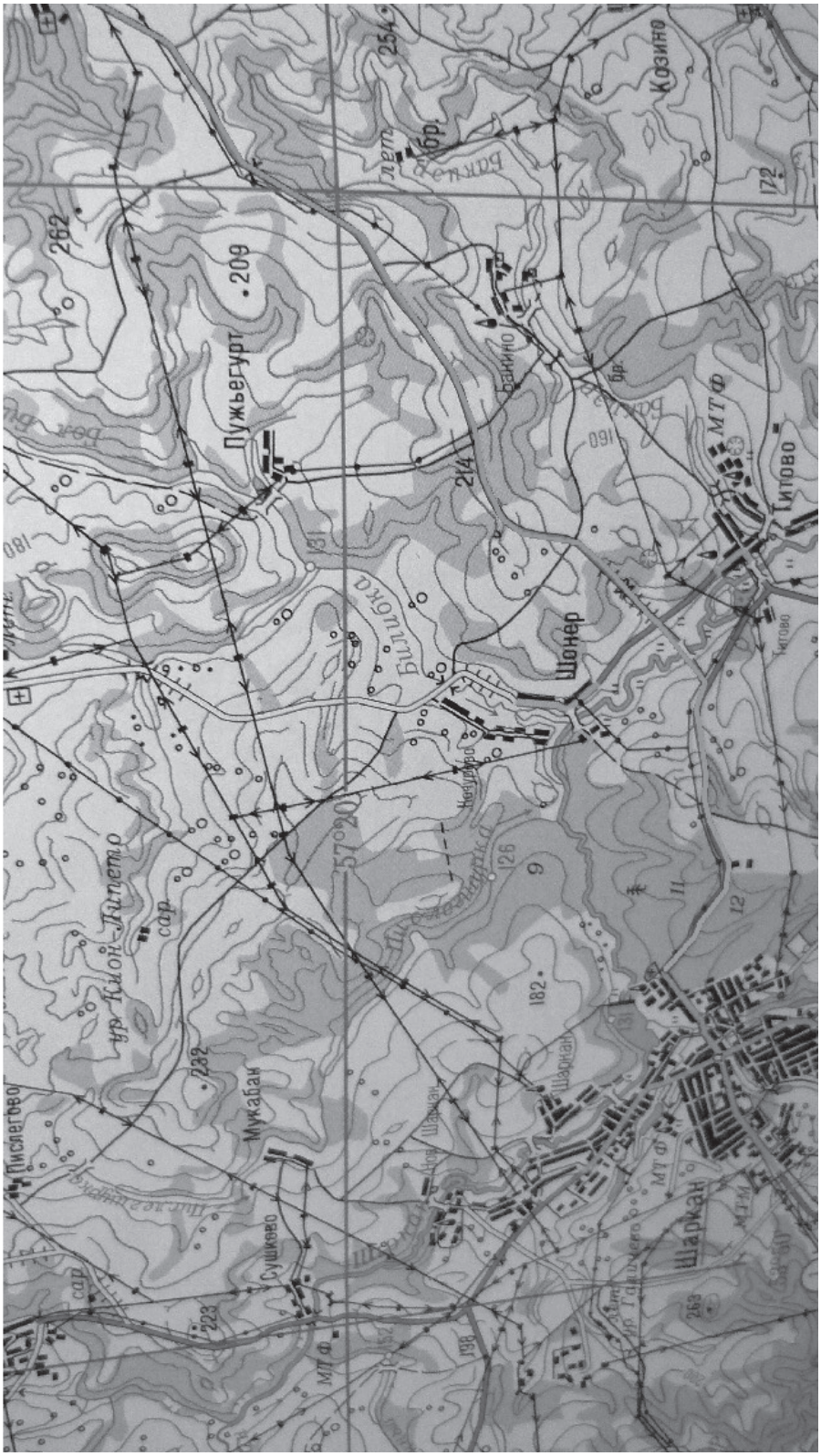

Рис. Пример того, как при прокладке дорог учитывали рельеф местности. Дорога проходит по водоразделу. Шарканский район УР. Масштаб 1:100 000

A. V. Kirillova

Relief as a factor for measuring of the landscape aesthetics

It is shown the importance of relief in the cultural landscapes. It is discovered the stages of change of relief functions, its connection with ethnic culture. Distinctions of the north and the south of Udmurtia in a relief are shown.

Keywords: relief, cultural landscapes, Udmurtia.

Кириллова Айно Владиславовна,
аспирант,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва
E-mail: aino.kirillova@gmail.com

Kirillova Aino Vladislavovna,
postgraduate student,
Moscow State University
Moscow
E-mail: aino.kirillova@gmail.com

О Т З Ы В

УДК 811.511.131(049.32)

М. Г. Атаманов

О ДИССЕРТАЦИИ Н. В. КОНДРАТЬЕВОЙ «СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ (ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА И ЧИСЛА)»

Тема диссертации Н. В. Кондратьевой «Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа)», без сомнения, актуальна. Еще в античные времена ученый мир Древней Греции сделал научно обоснованные попытки к выделению, описанию и осмыслению падежных форм родного языка (Аристотель (384–322 до н.э.)); древнеиндийский лингвист V–IV вв. до н.э. Панини создал первую в Индии нормативную грамматику санскрита и частично ведийского языка, которая явилась образцом системного описания языка и других языков мира.

Первые попытки описания грамматической структуры удмуртского языка, в том числе и системы субстантивного словоизменения, связаны с именем выдающегося священнослужителя, главы Казанско-Свияжской Епархии, просветителя народов Волго-Камья митрополита Вениамина Пуцек-Григоровича (1706–1785). Под его непосредственным руководством была составлена и издана в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук первая научная грамматика удмуртского языка «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» [6].

Существенную лепту в изучение категории падежей внесли зарубежные финно-угроведы Ф. Й. Видеманн, Ю. Вихманн, Д. Р. Фокош-Фукс и другие ученые кон. XIX – нач. XX в. Вслед за ними к изучению данной темы приступили отечественные исследователи: Г. Е. Верещагин, С. П. Жуйков, И. Я. Яковлев, А. И. Емельянов, Д. В. Бубрих, В. И. Алатырев и др. Незнание языка и трудов научных зарубежных финно-угроведов (немецких, финских, венгерских, эстонских) российскими удмуртоведами не дали им возможности до недавних пор подняться в исследованиях данной темы до уровня мировых стандартов.

Автор диссертационной работы Н. В. Кондратьева считает, что система словоизменения имени существительного в пермских языках представлена грамматическими категориями падежа, числа и притяжательности, наиболее подробное описание которых приводится в коллективном издании «Граммматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология» [4], а также в монографии

Б. А. Серебренникова «Историческая морфология пермских языков» [7]. Однако и в синхроническом, и в диахроническом аспектах система словоизменения удмуртского языка требует существенных пересмотров и уточнений, в связи с чем тема представленной диссертации является особенно актуальной.

Диссертационная работа состоит из введения, четырех основных глав, заключения, списков условных сокращений, источников, использованной литературы, включающего 479 работ (из которых 151 – на иностранных языках), что говорит о хорошем знании диссертанткой специальной литературы. В список использованных источников включено 79 названий. Общий объём диссертации составляет 540 страниц. Композиция работы отличается стройностью и рациональностью, исходящей из логики изложения материала.

Во введении к диссертационному исследованию определяются актуальность выбранной темы, объект, предмет и цель работы, определяется ее научная новизна и практическая ценность, методы и источники материала изучения. Четкость поставленных целей и задач позволяет диссертанту достаточно полно и последовательно исследовать целый комплекс проблем.

В первой главе «История изучения грамматических категорий имени существительного в удмуртском языкознании» излагается история формирования и развития лингвистических традиций в Удмуртии, характеризуются основные принципы и направления в исследовании грамматических категорий имени существительного в рамках удмуртского и финно-угорского языкознания. Как положительный момент отметим, что Н. В. Кондратьева не ограничивается приведением лингвистических фактов, а рассматривает их с учетом конкретного исторического контекста. Вместе с тем автор вполне сознательно привлекает лишь тот материал, который необходим для решения поставленных в работе задач и целей. Представленные в данной главе таблицы (Табл. 1, 2, 3) наглядно демонстрируют изложенные в разделе выводы исследования.

Вторая глава «Категория падежа имени существительного в современном удмуртском языке» посвящена многоаспектному исследованию указанной грамматической категории. В его основе лежит функционально-семантический подход – один из перспективных в области изучения агглютинативных языков. Автор диссертационного исследования убедительно доказывает, что категория падежа, позволяющая вскрыть коммуникативные функции языковых явлений, составляет основу грамматического строя агглютинативных языков. Похвально, что описание материала построено по единой схеме, высказанные мысли подкрепляются большим объемом иллюстративного материала.

Содержание данной главы заслуживает внимания при составлении научно-теоретической грамматики удмуртского языка, а также при проведении сопоставительных исследований типологического и контактологического характера. В целом данная глава диссертационного сочинения свидетельствует об умении автора самостоятельно мыслить, последовательно излагать научный материал и убедительно делать выводы. Вместе с тем по данной главе у рецензента имеются некоторые вопросы и замечания:

1. В диссертационном исследовании привлекаются отдельные лингвистические данные из переводов Евангелий на удмуртский язык 1847 года изданий.

Имеются ли отличия в системе словоизменения удмуртского языка (с точки зрения морфологического и семантического оформления) середины XIX века и ее современного состояния?

2. В системе склонения удмуртского языка широко представлены пространственные падежи. Однако их дистрибутивная нагрузка неравномерна. В связи с этим: а) чем вызвана неравномерность в частотности употребления отдельных пространственных падежей? б) какова позиция автора диссертационного сочинения в вопросе о целесообразности выделения падежа аппроксиматив для современной системы склонения?

3. В данной главе автор исследования впервые в истории удмуртского языкознания рассматривает проблему двупадежности. Представлено ли данное явление в других финно-угорских языках?

4. В автореферате при описании данной главы исследуется суффикс *-гес*. А почему умалчиваете о *-гем*, который используется в речи удмуртов, носителей северного наречия и срединных говоров, а также в литературном удмуртском языке? Обе формы нормативны.

5. Красноуфимский говор следует использовать всегда с оговорками: в дни его фиксации оставалось всего несколько человек, чуть-чуть знающих удмуртский язык, основная часть носителей говора вследствие брачно-родственных связей с превалирующими в данном регионе марийцами, утратила родной язык – омариилась. В наши дни этот говор уже исчез.

В третьей главе «Происхождение и развитие падежных маркеров современного удмуртского языка» Н. В. Кондратьева поднимает проблему формирования падежной системы удмуртского языка. Автор анализирует и систематизирует значительное количество трудов по диахронической грамматике финно-угорских языков, в том числе рассматривая работы, представляющие собой библиографическую редкость. Здесь же представлены авторские концепции развития падежей абессив, адвербиаль и пролатив. Основной причиной формирования новой системы склонения пермских языков Н. В. Кондратьева вполне убедительно называет процесс отпадения ауслаутных гласных: «рычагом к формированию новой словоизменительной парадигмы пермских языков лежит процесс отпадения конечных гласных, что привело в конечном итоге к выветриванию оставшихся в ауслаутной позиции согласных. В результате данного процесса, с точки зрения морфологического выражения, образовались омонимичные формы, что привело к нарушению морфологического противопоставления субъектно-объектных отношений, а также лативных и аблативных ориентаций».

По данной главе имеются следующие вопросы:

1. Почему в современном удмуртском языке существуют формы ***пиен*** ‘с мальчиком’, но *нылын* ‘с девочкой’. Таких примеров *-е* ~ *-ы* очень много. Когда и как такое морфонологическое чередование *-е*/*-э* // *-ы* возникло? Встречается ли это явление у коми? При переводе Библии я много раз приходил в затруднение по этому поводу.

2. В автореферате не уточняется, когда и в какую этноязыковую эпоху начинают формироваться *-l*-овые падежи?

Очень большой интерес для финно-угроведения представляет склонение в местных, пространственных падежах отворшудных ойконимов, то есть названий

населенных пунктов Удмуртии, образованных от воршудно-родовых имен (их 70) и ведущих свое начало от эпохи тотемизма или общеуральского этноязыкового периода, соотносимого с палеолитом, мезолитом и неолитом. Если еще в общепермскую эпоху произошло отпадение конечного гласного, в результате которого образовались односложные слова, то в этих сакральных, уникальных праудмуртских словах-названиях сохранилась двусложность оформления и, подобно прафинно-угорскому праязыковому состоянию, слова-этнонимы, оканчивающиеся на иллабиальный гласный *-а*: *Чабъя*, *Пельга*, *Вортча*, *Бигра*, *Болма* и др. Этот самый древний и уникальный во всем финно-угорском мире пласт лексики в местных, пространственных падежах сохранил древний прафинно-угорский *-l*-овый суффикс, ср.:

Вступ. *Можга-ла*, но *Кез-э*, *гурт-э* ‘в деревню’

Местн. *Можга-ла-н*, но *Кез-ын*, *гурт-ын* ‘в деревне’

Исходн. *Можга-ла-сь*, но *Кез-ысь*, *гурт-ысь* ‘из деревни’

Отдал. *Можга-ла-с-ен*, но *Кез-ы-с-ен*, *гурт-ы-с-ен* ‘из деревни’ ~ ‘в деревне’.

Об этом явлении я писал еще в своей кандидатской диссертации и последующих работах. На мои работы ссылок нет, а есть ссылка на работу И. В. Тараканова, который написал свою статью через 30 лет после моей диссертационной работы и после публикации статьи в СФУ [1].

Кстати, на этот факт обратил внимание еще А. Емельянов: «употребление суффикса *-l* с архаическим *-а* очень распространено в воршудных названиях местностей и в этом случае он означает территорию, заключающую в себе данный воршуд: *jumja-la* ’юмьюинское’ [5. С. 116–117].

Конечно, немного обидно мне, что Вы не знакомы с моими работами, например, монографией «Песни и сказы ушедших эпох» [3], где на стр. 166–231 рассматриваются фонетические, морфологические, лексические особенности говора д. Старая Игра, а на стр. 174–179 даются сведения по Вашей теме; или со статьей «Граховские говоры южноудмуртского наречия» [2].

Четвертая глава «Именная количественность в удмуртском языке» посвящена изучению способов выражения квантитативных отношений в исследуемом языке: на материале примеров из художественной литературы рассматривается оппозиция «единственное – множественное число»; выявлены принципы дистрибуции абсолютива. Теоретически значимым представляется выяснение внутренних, скрытых от непосредственного наблюдения, связей и отношений между, на первый взгляд, разрозненными элементами именной и глагольной количественности.

В данном разделе диссертационной работы следовало бы привести больше примеров из удмуртского фольклора, записанного еще в XIX – нач. XX вв. зарубежными учеными-лингвистами, этнографами. Именно фольклор – это живой, древний язык народа, а не язык писателей, особенно северных – думающих по-русски, говорящих больше по-русски, но пытающихся писать по-удмуртски. Я очень хочу, чтобы в будущих Ваших работах были примеры из фольклора, разговорной речи, записанные с диктофоном. Также очень нужны примеры из переводов Священного Писания, это важно для сравнительно-исторических исследований, так как библейский текст един для всех народов мира, но каждый

народ, точнее, все переводчики исходят из своих личных способностей и возможностей родного языка.

В качестве уточнения к данной главе хотелось бы задать следующий вопрос: имеются ли в Вашей картотеке такие примеры, где вместо русских конструкций *Маня но Оля* ‘Маня и Оля’ употреблялись бы *Маняен Оляос* ’перевод тж’ или *Маняен Оляен* ’перевод тж’.

Заключение диссертационного исследования содержит обоснованные выводы, логично вытекающие из него и отличающися исследовательской глубиной и научно-прикладной новизной.

Теоретические положения диссертационной работы Н. В. Кондратьевой апробированы на международных конгрессах, международных, всероссийских и межрегиональных научных конференциях и симпозиумах. Содержание исследования в достаточной мере отражено в публикациях, насчитывающих свыше 40 работ диссертанта, в том числе девяти статей, изданных в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Автореферат диссертации отражает существо всех разделов рецензируемой работы.

Наталью Владимировну Кондратьеву я хорошо знаю со дня защиты кандидатской диссертации, написанной на высоком научном уровне и блестяще защищенной. Знаю ее как замечательного преподавателя и как очень доброго, благожелательного, отзывчивого человека. Она блестящий организатор многих научных мероприятий в Удмуртском государственном университете. Наталья Владимировна – ученый мирового масштаба, чему способствуют ее ежегодные научные командировки в университеты Финляндии и другие страны (участие в международных конференциях и симпозиумах), знание языков. Ее глубоко научные труды, обаяние, интеллигентность, коммуникабельность вызывает везде глубокое уважение и почтение коллег. Я рад и благодарен Господу за то, что на замену нам, пожилым ученым-удмуртоведам, идет достойная смена.

В целом докторская диссертация Н. В. Кондратьевой является цельной, законченной, самостоятельной работой, которая отличается научной новизной и практической значимостью. Текст диссертации написан вдумчиво, главы отражают особенности грамматического строя удмуртского языка, материал подан последовательно и в достаточном объёме. Данное исследование вносит серьезный вклад в удмуртское и пермское языкознание, положения работы создают базу для написания крупных работ в области грамматики.

Практическая значимость данного диссертационного исследования заключается: а) в корректировке теоретических постулатов, включенных в школьные и вузовские учебники по удмуртскому языку; б) в использовании материалов данного исследования в свете новых подходов к преподаванию морфологии пермских языков в школах и вузах, в) в историко-сравнительном изучении финно-угорских языков и их диалектов.

Диссертационное исследование Н. В. Кондратьевой «Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа)» написано на высоком научном уровне, оно вносит весомый вклад в удмуртское, пермское и финно-угорское языкознание, содержание его соответствует квалификационным требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям,

а диссертант заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02. – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Атаманов М. Г.* Морфологическая структура удмуртских микротопонимов // СФУ. 1978 (XIV). № 2. С. 121–127.

2. *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1981. С. 46–96.

3. *Атаманов-Эграпи М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох: Эгра кырӟа, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005.

4. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / УдНИИ истории, экономики, языка и литературы. Ижевск: Удм. кн. Изд-во, 1962.

5. *Емельянов А. И.* Грамматика вотяцкого языка / Ленинградский восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. Л., 1927.

6. *Пуцек-Григорович В.* Сочиненія принадлежащія къ грамматикѢ вотскаго языка. Санктпетербург, 1775.

7. *Серебренников Б. А*. Историческая морфология пермских языков / Ин-т языкозн. АН СССР. М., 1963.

Поступила в редакцию 16.09.2011

Атаманов Михаил Гаврилович,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск,
E-mail: rvkir@mail.ru

Atamanov Mikhail Gavrilovich,
Doctor of Philology, leading research associate,
Udmurt state university
Izhevsk
E-mail: rvkir@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений –10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример*: Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104
тел./факс: 8 (3412) 52-61-83
e-mail: rvkir@mail.ru
Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)
Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 2

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *И. В. Широбокова, Н. Ю. Юрпалова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 11.10.2012. Печать офсетная.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 9,45. Уч.-изд. л. 7,22.
Тираж 300 экз. Заказ № .....

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru